ПРЕПОДАВАТЕЛЬ XX ВЕК
Общероссийский журнал о мире образования

Подписной индекс журнала
по Объединенному каталогу
«Пресса России» — 85009

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ XX ВЕК
4/2019

4/2019 часть 2

4/2019
часть 2

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ XX ВЕК

Общероссийский научный журнал о мире образования

4 2019 часть 2

ISSN 2073-9613

Журнал основан в 2003 году
Выходит 4 раза в год
Издается в 2 частях

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу «Пресса России» — **85009**

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Блох Марк Яковлевич, *доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой грамматики английского языка МПГУ, почетный академик Российской академии естественных наук, почетный академик Международной академии наук педагогического образования*

Демьянков Валерий Закиевич, *доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН*

Кузнецов Александр Андреевич, *академик РАО, профессор, доктор педагогических наук*

Левицкий Михаил Львович, *академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор Института менеджмента МГПУ*

Мурын Тереза, *доктор наук, профессор французской филологии, Краковский педагогический университет (Польша)*

Петров Юрий Александрович, *доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН*

Попова-Велева Иванка, *кандидат филологических наук, кафедра романистики, Университет св. Кирилла и Мефодия, Велико Тырново (Болгария)*

Рогожин Николай Михайлович, *доктор исторических наук, профессор, директор Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН*

Смолянинова Ольга Георгиевна, *доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета*

Уваров Александр Юрьевич, *доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института образовательной информатики ФИЦ «Информатика и управление» Российской академии наук*

Уваров Павел Юрьевич, *доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом западноевропейского средневековья и раннего нового времени Института всеобщей истории РАН*

Чубарьян Александр Оганович, *академик РАН, доктор исторических наук, директор Института всеобщей истории РАН*

Штольценберг Юрген, *доктор философии, профессор, кафедра истории философии, Университет Мартина Лютера, Галле-Виттенберг (Германия)*

Мнение Редакционной коллегии по материалам дискуссионного характера может не совпадать с мнением авторов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Каракозов Сергей Дмитриевич,
доктор педагогических наук, профессор, проректор МПГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.С. Бойко
И.А. Бубнова
Э.К. Брейтигам
А.А. Веряев
О.В. Воробьева
Н.Ю. Гвоздецкая
М.А. Гончаров
И.Н. Грифцова
А.Р. Канторович
Ю.Ф. Катханова
Е.Ю. Лазарева
С.И. Маловичко
Ф.В. Николаи
Н.А. Николина
Е.А. Никулина
О.П. Осипова
Н.И. Рыжова
Л.А. Трубина
А.В. Хазина
В.Е. Цибульникова
В.Д. Янченко

Ответственный редактор
О.В. Воробьева

Дизайнер
Н.И. Лисова

© МПГУ, 2019

PREPODAVATEL XX VEK

Russian Journal of Education

4

2019

vol. 2

ISSN 2073-9613

The journal was founded in 2003
Published quarterly
Issued in 2 volumes

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University"

The journal has been included in the List of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals recommended for the publication of the results of the dissertations submitted for academic degrees

EDITORIAL COUNCIL

Mark Ya. Bloch, *ScD (Philology), Professor, Chairman, English grammar Department, Moscow Pedagogical State University, Honoraty Member of Russian Academy of Natural Sciences, Honoraty Member of International Academy of Sciences in Pedagogical Education*

Valery Z. Demyankov, *ScD (Philology), Professor, Deputy Director, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences*

Alexander A. Kuznetsov, *Academician, Russian Academy of Education, ScD (Pedagogy)*

Mikhail L. Levitsky, *Academician, Russian Academy of Education, ScD (Pedagogy), Professor, Director, Institute of Management, Moscow City Pedagogical University*

Theresa Muryn *(Poland), ScD, Professor, French Philology, Krakow Pedagogical University*

Yury A. Petrov, *ScD (History), Director, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences*

Ivanka Popova-Veleva *(Bulgaria), PhD in Philology, Romance Philology Department, St Cyril and St Methodius University, Veliko Turnovo*

Nikolay M. Rogozhin, *ScD (History), Professor, Director, Center of Russian Feudalism History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences*

Olga G. Smolyaninova, *ScD (Pedagogy), Professor, Academician, Russian Academy of Education, Director, Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University*

Jurgen Stoltzenberg, *(Germany)****, Sc****D (Philosophy), Professor, History of Philosophy Department, Martin Luther University, Halle-Wittenberg*

Alexander Yu. Uvarov, *ScD (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Institute of Educational Informatics, Federal Research Center "Informatics and Management", Russian Academy of Science*

Pavel Yu. Uvarov, *ScD (History), Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Head of the Department of West European Middle Ages and Early Modern Times, Institute of General History, Russian Academy of Sciences*

Alexander O. Chubaryan, *Academician, Russian Academy of Sciences, ScD (History), Director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences*

EDITOR-IN-CHIEF

Karakozov Sergey Dmitrievich,
Dr. of Science (Pedagogics), Professor, Vice-rector of MSPU

EDITORIAL BOARD

S.S. Boiko
I.A. Bubnova
E.K. Breytigam
A.A. Veryaev
O.V. Vorobyova
N.Yu. Gvozdetskaya
M.A. Goncharov
I.N. Griftsova
A.R. Kantorovich
Yu.F. Katkhanova
E.Yu. Lazareva
S.I. Malovichko
F.V. Nikolai
N.A. Nikolina
E.A. Nikulina
O.P. Osipova
N.I. Ryzhova
L.A. Trubina
A.V. Khazina
V.E. Tsibulnikova
V.D. Yanchenko

Executive editor
O.V. Vorobyova

Designer
N.I. Lisova

© MPGU, 2019

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных журналов ВАК РФ:

10.02.00 – Языкознание (10.02.01; 10.02.02; 10.02.03; 10.02.04; 10.02.05; 10.02.19; 10.02.20; 10.02.22)

07.00.00 – Исторические науки и археология (07.00.02; 07.00.03; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10; 07.00.15)

13.00.00 – Педагогические науки (13.00.01; 13.00.02; 13.00.04; 13.00.05; 13.00.08)

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Педагогические науки (13.00.00)

Актуальные проблемы образования

Алябышева Ю.А., Веряев А.А., Ермаков Б.Б. Метафорический характер представлений о цифровой трансформации образования. 9

Литвиненко М.В. Разработка методики оценивания квалификации выпускников вуза (на примере специалистов топографо-геодезического профиля). 20

Педагогика профессионального образования

Малев А.В., Чернышов С.В. Аксиологические аспекты реализации языковой политики России в профессионально-методической подготовке учителя иностранного языка 32

Крупченко А.К. Аксиологические стратегии иноязычного профессионального педагогического образования. 44

Милованова Л.А. Аксиологические аспекты подготовки учителя иностранного языка к работе в средних общеобразовательных учебных заведениях 55

Никитенко З.Н. Профессиональная подготовка учителя иностранного языка для дошкольного и начального школьного образования: аксиологическое измерение. 63

Горобинская Н.В. Ключевые компетенции учителей и преподавателей иностранного языка в XXI веке 69

Содержание и технологии образования

Топоркова О.В. Технология проектного обучения в практике высшей технической школы за рубежом. 82

Суханова Н.П. Плодотворность метода малых групп в преподавании философии. 93

Нюдюрмагомедов А.Н., Савзиханова М.А., Нюдюрмагомедова Л.А. Механизмы педагогического взаимодействия в интерактивных технологиях в высшей школе. 101

Силантьева М.В. Специфика применения метатемного подхода к текстам учебной литературы по специальности «Ядерная энергетика и теплофизика» (на примере реализации метатемы «Общая характеристика объекта») 110

Гобыш А.В. Об особенностях встраивания онлайн-курсов по дисциплине «Математический анализ» в учебный процесс вуза 119

Абдулгалимов Г.Л. Турпалова М.С., Холмогорова Е.Г. Введение базовых понятий электричества в курсе робототехники и технического творчества 132

Чекулаева М.Е., Сидорова Н.В. Модель управления проектной деятельностью учащихся по составлению прикладных математических задач 140

Логинова П.Г. К вопросу о способах формирования лингвокультурологической компетенции у студентов в ходе занятий по французскому языку 152

Корзинова Е.И., Рывлина А.А., Катханова Ю.Ф. Мотивационные характеристики учебной деятельности студентов 163

Образование и художественное творчество

Зубрилин К.М. Особенности формирования имиджа художественно-графического факультета Московского педагогического государственного университета 170

Дубровин В.М., Чеканцев П.А. Об алгоритмах обучения основам художественно-композиционной грамотности 178

Язык и образование

Ружицкий И.В., Мартыненко Ю.Б. Обучение иностранных учащихся вариантам русских личных имен 184

Соколова Г.Е. Развивающая роль экскурсионных занятий со студентами, изучающими русский язык как иностранный. 193

Чечик И.В. Актуальность использования аудиовизуальных средств обучения на занятиях по русскому языку для иностранных студентов инженерно-технического профиля. 200

Кваскова Л.В. Опыт обучения лингвопрагматической интерпретации иноязычного текста 214

Крашенинникова Е.И., Крашенинникова Н.А. Особенности современных англоязычных песен и их использование на уроках английского языка 224

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА ВУЗАМ

Исторические науки (07.00.00)

Арнаутова Ю.Е. Модели истолкования социальной действительности в Средние века 241

Кочергина М.В. Специфика иконографии и художественные особенности образа Спаса Нерукотворного с клеймами Сказания в старообрядческой живописи Стародубья и Ветки (XVIII – начала XX века) 253

Ивочкин Д.А. Почитание чудотворных икон в Смоленской епархии во второй половине XIX – начале XX в. 263

Емченко Е.Б. Педагогическая деятельность М.Н. Муравьева-Виленского 275

Блинов И.С. Сельскохозяйственная концессия германской фирмы «Фридрих Крупп» в СССР (1922–1928 гг.) 292

Сейед Асгар Кейван Хоссейни, Мохаммад Юсоф-ванд. Развитие понятия «кибервойна» в стратегиях безопасности США после 11 сентября (2001–2018 гг.) 302

Артамонов Г.А. Орлова А.С. Особенности воплощения образа врага в игровом кино современной России 312

Зверева Г.И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube 323

Филологические науки

Языкознание (10.02.00)

Сунь Сяомэй. Приемы переводческой трансформации при трансляции художественного текста с русского языка на китайский (на материале повести В.Г. Распутина «Живи и помни») 338

Абрамова Е.К., Агаркова О.А. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: лингвистический анализ 344

Нагаева К.Э. Концепт «République» (структура и языковая репрезентация) 361

Нечаева Л.Т. Определения в передовицах японских газет 368

Родионов Ю.Н. Некоторые просодические особенности англоязычного телевизионного новостного дискурса, обращенного к международной аудитории 375

Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед. Политический дискурс как средство репрезентации виртуальной реальности политика XXI столетия 383

Али Нажва Фуад. Концепт «Дружба» в русской лингвокультуре (на материале пословиц и поговорок русского языка) 395

Николина Н.А., Уразбекова А.А. Полонизмы в романе И.И. Лажечникова «Внучка панцирного боярина» 407

Маркова Н.С. Дейктические локативные наречия в русском языке: лингводидактический аспект. Статья II: *там, туда, сюда, отсюда, оттуда, досюда, дотуда* 418

Жорж Т.К. Этническая ментальность в контексте фольклорной культуры 425

SCIENCE, EDUCATION, CULTURE

Modern Education Issues

Alyabysheva Yu.A., Veryaev A.A., Ermakov B.B. Metaphoric Nature of Views on Digital Transformation of Education 9

Litvinenko M.V. Development of a Methodology for Evaluating the Qualification of University Graduates (On the Example of Topographic-Geodesic Profile Specialists) 20

Profession Education Pedagogy

Malev A.V., Chernyshov S.V. Axiological Aspects of the Implementation of Russian Language Policy in Professional and Methodological Training of Foreign Language Teachers 32

Krupchenko A.K. Axiological Strategies of Foreign Language Professional Pedagogical Education 44

Milovanova L.A. Axiological Aspects of Training a Foreign Language Teacher for Secondary Schools 55

Nikitenko Z.N. Professional Training of a Foreign Language Teacher for Pre-School and Primary Education: Axiological Dimension 63

Gorobinskaya N.V. Key Competences of Foreign Language Teachers in 21st Century 69

Education Topics and Techniques

Toporkova O.V. Project-Based Learning in the Practice of a Higher Technical School Abroad 82

Sukhanova N.P. Efficiency of Small Groups Method in Teaching Philosophy 93

Nudurmagomedov A.N., Savzikhanova M.A., Nudurmagomedova L.A. Mechanisms of Pedagogical Interaction in Interactive Technologies in Higher Education 101

Silantyeva M.V. Specifics of Applying the Metatemic Approach to the Texts of Educational Literature on “Nuclear Power and Thermal Physics” (On the Example of the Implementation of the Meta-Theme “General Characteristic of an Object”) 110

Gobysh A.V. On Special Aspects of Online Mathematical Analysis Courses Integration into a University Educational Process 119

Abdulgalimov G.L., Turpalova M.S., Kholmogorova E.G. Study of Basic Concepts of Electricity in the Course of Robotics and Technical Creativity 132

Chekulaeva M.E., Sidorova N.V. Model for Managing Students’ Project Activity for Drawing Up Applied Mathematical Problems 140

Loginova P.G. Ways of Forming Students’ Linguistic and Cultural Competence During the French Language Lesson 152

Korzinova E.I., Ryvlina A.A., Katkhanova Ju.F. Motivational Characteristics of Students' Educational Activity. 163

Education and Art

Zubrilin K.M. Features of Forming the Image of the Art and Graphic Faculty of Moscow Pedagogical State University 170

Dubrovin V.M., Chekantsev P.A. About Learning Algorithms of Basics of Artistic and Compositional Literacy 178

Education and Language

Ruzhitsky I.V., Martynenko Yu.B. Teaching Foreign Students Options of Russian Personal Names 184

Sokolova G.E. Developing Role of Excursion Lessons with Students Studying Russian as a Foreign Language 193

Chechik I.V. The Relevance of Using Audiovisual Teaching Aids in Russian Language Classes for Foreign Students of Engineering and Technical Profile 200

Kvaskova L.V. Experience of Teaching a Linguopragmatic Interpretation of Foreign-Languge Text 214

Krasheninnikova E.I., Krasheninnikova N.A. General Features of Modern English-Language Songs and their Usage in the Classroom 224

FUNDAMENTAL SCIENCE TO HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

History

Arnautova Ju.Eu. Models of Perceiving Social Reality in the Middle Ages 241

Kochergina M.V. The Specifics of the Iconography and Artistic Features the Image of the Saviour with Scenes Tales in the Old Believers' Painting of Starodubye and Vetka (XVIII — Early XX Centuries) 253

Ivochkin D.A. Honoring The Miraculous Icons in the Smolensk Diocese in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. 263

Emchenko E.B. Pedagogical Activity of M.N. Muravyov-Vilensky 275

Blinov I.S. Agricultural Concession of the German Company "Friedrich Krupp" in the USSR (1922–1928) 292

Seyed Asgar Keivan Hosseini, Mohammad Yusof-vand. Development of the Concept "Cyber War" in US Security Strategies After September 11 (2001–2018) 302

Artamonov G.A., Orlova A.S. Features of the Embodiment of the Image of the Enemy in the Game Cinema of Modern Russia 312

Zvereva G.I. The Ordinary Social Media User as a Historian: Ways to Create a Historical Narrative on YouTube 323

Linguistics

Sun Xiaomei. Methods of Translation Transformations when Translating the Literature Text from Russian into Chinese (On the Material of the V.G. Rasputin's Novel "Live and Remember") 338

Abramova E.K., Agarkova O.A. Emmanuel Macron's New Year Messages: Linguistic Analysis 344

Nagaeva K.E. Concept «Republique» (Structure and Language Representation) 361

Nechaeva L.T. Definitions in the Editorials of Japanese Newspapers 368

Rodionov Yu.N. Some Prosodic Features of English TV-News Discourse, Addressed to International Audience 375

Al-Barazanchi Mohammed Yassin Mohammed. Political Discourse as a Means of Representing Virtual Reality Policy of the XXI Century 383

Ali Najwa Fouad. The Concept of Friendship in Russian Linguistic Culture (Proverbs and Sayings of the Russian Language as Models) 395

Nikolina N.A., Urazbekova A.A. Polonisms in I.I. Lazhechnikov`s Novel "Granddaughter of an Armored Boyar" 407

Markova N.S. Deictic Locative Adverbs in the Russian Language: Linguodidactic Aspect. Article II: *там, туда, сюда, отсюда, оттуда, досюда, дотуда* 418

George T.K. Ethnic Mentality in the Context of a Folklore Culture 425

УДК 93/94
ББК 63.3(0)4

DOI: 10.31862/2073-9613-2019-4-241-252

МОДЕЛИ ИСТОЛКОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Ю.Е. Арнаутова

Аннотация. *В статье рассматриваются характерные для западноевропейского Средневековья представления современников об общественном устройстве. Социальное знание облекало эти представления в интерпретационные схемы (модели), оперирующие античным понятием ordo. Средневековые авторы понимали ordo метафизически — как «порядок» мироустройства и как «сословие», т.е. часть сотворенного Богом мира, у которой есть свое место и предназначение. В общественном сознании параллельно присутствовало две модели восприятия социального порядка, которые можно условно обозначить как «иерархическая» и «функциональная». Самая ранняя интерпретационная схема обосновывалась Новым Заветом (2 Тим. 2:4 и 1 Кор. 9:14; 1 Тим. 5:1) и делила общество на «два сословия Церкви» (duo ordines ecclesiae), т.е. на «клириков» (clerici) и «мирян» (laici), различающихся образом жизни и занятиями. Ок. 400 г. появляется монашество, тоже имеющее специфическую «форму жизни». Поэтому в сформулированной Августином, а затем Григорием Великим концепции общественного устройства зафиксировано существование в лоне Церкви уже «трех сословий Церкви» (tres ordines ecclesiae) — клириков, монахов и мирян. Обе модели были иерархическими, потому что обосновывали приоритетный характер служения Богу. На рубеже X–XI вв. в процессе дифференциации новых профессиональных групп (рыцарей, крестьян) модель «трех сословий Церкви» переосмысляется. «Сословия» определяются в ней в соответствии со своими функциями: «oratores (молящиеся)», «bellatores (сражающиеся)» и «laboratores (трудящиеся)», причем каждое из них как часть целого трудится для остальных, что означало равнозначность их функций. Схема tres ordines ecclesiae просуществовала вплоть до начала Нового времени, постоянно вбирая в себя все новые социальные данности. Наивысший пункт ее социально-исторического воздействия — объединение крестьян и горожан в одно «сословие», впоследствии названное во Франции «третьим сословием» (tiers état, tiers membre), социальное и экономическое существование которого предопределялось трудом и отсутствием привилегий.*

© Арнаутова Ю.Е., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: *Средние века, социальное знание, сословия (ordines), клирики, миряне, монахи, рыцари, крестьяне.*

MODELS OF PERCEIVING SOCIAL REALITY IN THE MIDDLE AGES

Ju.Eu. Arnautova

Abstract. *The article considers the views of contemporaries about the social structure of the Western European Middle Ages. Social knowledge has represented these ideas in interpretative schemes (models), operating with the ancient concept of ordo. Medieval authors understood ordo metaphysically — as the „order" of the world order and as an „estate", i.e. the part of the world created by God, which has its place and purpose. In public consciousness, there were two parallel models of perception of the social order, which can be arbitrarily described as "hierarchical" and "functional". The earliest interpretation scheme was based on the New Testament (2 Tim. 2:4 and 1 Cor. 9:14; 1 Tim. 5: 1) and divided society into "two estates of the Church" (duo ordines ecclesiae), i.e. to „clerics" (clerici) and „laity" (laici), which vary in their way of life and occupation. In the year 400 monasticism appeared, also having a specific "life form". Therefore concept of social order formulated by Augustine and then by Gregory the Great, had noted the existence of "the three estates of the Church" (tres ordines ecclesiae) - clerics, monks and laity. Both models were hierarchical, because they justified the priority nature of service to God. At the turn of the X–XI centuries in the process of differentiation of new professional groups (knights, peasants), the model of the "three estates of the Church" has been rethought. "Estates" are defined in it in accordance with their functions: "oratores (praying)", "bellatores (fighting)" and "laboratores (working)", each of them working as a part of the whole for the rest, which meant the equivalence of their functions. The scheme of the tres ordines ecclesiae existed until the beginning of the New Time, constantly adding new social realities. The highest point of its socio-historical impact is the consolidation of peasants and townspeople into one "estate", later called in France the "third estate" (tiers état, tiers membre), whose social and economic existence was predetermined by work and lack of privileges.*

Keywords: *Middle Ages, social knowledge, estates (ordines), clerics, laity, monks, knights, peasants.*

Средневековый человек жил одновременно в двух социальных «измерениях» — в светском и духовном. По рождению он принадлежал или не принадлежал к благородному сословию, был свободным или несвободным, причем каждое из этих «состояний» предполагало множество внутренних градаций. По отношению к Церкви он был, соответ-

ственно, либо клириком — служителем Церкви, либо относился ко «всем остальным» — мирянам. Эти «мирское» и «духовное» измерения человеческого бытия были тесно связаны между собой: хотя каждый человек, принимая крещение, становился членом Церкви, несвободный не мог стать ни клириком, ни монахом, а король, например, был мирянином совершенно особого рода — помазанником Божьим. Посты епископов или настоятелей монастырей могли занимать только представители высшей знати. Монахи, каноники городских соборов, священники в большинстве своем были выходцами из средней и мелкой аристократии.

Начиная с эпохи христианской Античности и на протяжении всего Средневековья современники задавались вопросом о том, как устроено их общество. Истолкования общественного устройства облекались либо в многочисленные социальные метафоры («тела», «здания», «воинства»), либо в интерпретационные схемы, иерархические или функциональные[1], оперирующие понятием *ordo*[2], в которое по заложенной еще Августином традиции средневековые авторы вкладывали двойной смысл: *ordo* как «порядок» (мироустройства) и как «сословие» [3]. Августин определял *ordo* как форму упорядочивания равных и неравных вещей, т.е. как «гармонию в неравенстве», причем каждой отдельной вещи предназначалось положенное ей место: *Ordo est parium dispariumque rerum sua cuique loca tribuens dispositio*[3]. В отличие от современного, средневековое понятие «сословие» носило метафизический характер: «сословия» понимались как части сотворенного Богом космоса, красота и гармония которого в том и состоят, что его отдельные части различаются между собой и каждая находится на том месте и исполняет те задачи, которые были предусмотрены для нее Творцом. Это означало, что истолкование социального устройства одновременно имело целью и объяснить существующее положение вещей, и на основе этого объяснения задать каждому *ordo* этические нормы, напрямую вытекающие из его предназначения, обосновать образ жизни каждого «сословия» и соответствующей ему специфической «культуры» со свойственными только ей формами мышления и принципами воспитания, максимами поведения, институтами и привилегиями [5, с. 179 и сл., 534 и сл.; 6 *passim*].

Уже в конце первого тысячелетия в общественном сознании латинской Европы параллельно присутствовало две модели интерпретации социального порядка, которые можно условно обозначить как «иерархическая» и «функциональная». Первой и, можно сказать, классической «иерархической» объясняющей моделью общественного устройства, просуществовавшей на протяжении всего Средневековья, было разделение общества на «два сословия Церкви» (*duo ordines ecclesiae*), т.е. на «клир» и «мирян» [7, с. 484–485]. Это специфически христианское истолкование общества: в греко-римской Античности его еще не было. Однако и в Новом Завете такое разделение еще не встречается: там словом «клир» (*clerus*,

[1] Весьма содержательный обзор средневековых истолкований общественного и государственного устройства с подробной библиографией приведены у Тильмана Струве: [1].

[2] Об *ordo* и *ordines* в средневековой философии см.: [2, с. 85 и сл.]

[3] Цит. по: [4, с. 42 со ссылкой на: *Augustinus.* De libero arbitrio. Lib. III, 9, 25].

от греч. κλήρος — выбор по жребию, избранничество) обозначаются все принявшие крещение. Обоснование отграничения «сословия» носителей сакральных функций от «всех остальных» появляется лишь в самом конце I в. в т. н. *Первом послании к коринфянам* легендарного папы Климента I. В последующие столетия эта схема интенсивно разрабатывается церковными авторами от Тертуллиана, Евсевия Кесарийского и Августина до Григория Великого и Грациана. Мирской римский термин *ordo* был перенят социально-правовым мышлением ранней Церкви для обозначения двух групп («сословий», *ordines*) верующих, различающихся «формами жизни» в лоне Церкви. «Клир» — это те христиане, кто посвящает себя исключительно служению Господу и поэтому воздерживается от обычного в миру образа жизни и занятий, прежде всего от брака, торговли, владения имуществом, тогда как те, кто не исполняет какой-либо должности в общине, т.е. не является пресвитером или дьяконом, относятся к «мирянам» (*laici*, от λαός — плебс или греческое χδιώτης — частное лицо, простой гражданин без общественной должности и без особенных профессиональных знаний).

Религиозной или спиритуальной предпосылкой разделения общества на «два сословия Церкви» стали две новозаветные максимы. Во-первых, предписание апостола Павла тем, кто посвятил себя религиозному служению, вести особый, возвышенный над мирской суетой, образ жизни: *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2:4). Во-вторых, адресованное обществу его же требование предоставлять содержание тем, кто несет службу в рядах «воинства Христова»: *Какой воин служит когда-либо на своем содержании?* (1 Кор. 9:7), поскольку сам *Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования* (1 Кор. 9:14; ср.: 1 Тим. 5:1). Обе максимы происходят из одного источника, а именно из новозаветного понимания «жизни во Христе» как «воинствования», причем в обоих случаях аналогия с мирским воинством (*militia*) переоформляется в метафору и та возводится в ранг доказательства [8, с. 16–17 и сл.]. Противопоставление посвятившего себя служению Богу «воинства Христова» (*militia Christi*) «воинству земному» (*militia saecularis*) сигнализирует о наличии у этого сообщества определенных правил и норм жизни, хотя говорить о клире как о «сословии», причем сословии привилегированном, можно только после IV в. Именно тогда появляется специально разработанная для нового *ordo* этика, Августин теологически обосновывает освобождение от физического труда для священнослужителей, а при императоре Константине, сделавшем христианство государственной религией, они получают ряд привилегий (освобождение от военной и других общественных служб, неподсудность светскому суду, право Церкви получать наследство) [9, с. 174]. Таким образом на латинском Западе появляется неведомое античному обществу сословие, которое в силу своего государственно-политического и общественно-правового статуса стало образцом для всех привилегированных сословий в последующие тысячу лет Средневековья [9, с. 172–174].

Разделение общества на «два сословия Церкви» как схема истолкования современниками социальной действительности не являлось исключительно умозрительной конструкцией, «идеологией», потому что в общих чертах соответствовало реальности, даже воздействовало на нее, однако зеркальным отражением действительности эта схема тоже не была[4]. Прежде всего потому, что границы между «клерикальным» и «мирским» элементами общества в раннее и высокое Средневековье, т.е. до XIII столетия, были подвижными, в социальной рефлексии и в действительности оба «сословия» постоянно смешивались. Так, в начале IV в., почти одновременно с оформлением клира в отдельное замкнутое «сословие», в Западной Европе возникает монашество. Религиозно обоснованное разделение общества на клириков и мирян в соответствии с их «формами жизни» было поставлено тем самым под сомнение. Потому что монахи, и это следует настоятельно подчеркнуть, в массе своей были мирянами, поскольку не занимали церковных должностей. Но все мирское они отвергали точно так же, как и клирики. И подобно клирикам, монахи следовали определенному, строго регламентированному образу жизни (*vita religiosa*, «жизнь по уставу»), хотя и отличному от образа жизни клира. Жизнь монахов определялась аскезой — добровольным и сознательным отказом от имущества, от личных и эмоциональных привязанностей к другим людям и даже от собственной индивидуальности. Это аскетическое удаление от мира усиливалось за счет избранного монашеством коллективного образа жизни (*vita communis*), образец которому дала жизнь первых христианских общин в Иерусалиме (Деян. 2:42-47, 4:32-35 и сл.). В духовном смысле основными принципами монашеского общежития стали любовь к ближнему (*caritas*) и братство (*fraternitas*), а в практическом — совместное владение имуществом, обязательный физический труд и распределение материальных благ по потребностям. Как известно, идею *vita communis* теоретически обосновали Пахомий Великий, Василий Великий, Августин и Кассиан [12]. Ими же в учение о монашестве была интегрирована и идея *militia* — «духовного воинства». Правда, уже на несколько иной лад: в раннее Средневековье аскетический образ жизни как образцовый (*vita perfecta*) стал ассоциироваться с жизнью в удалении от мира, и метафора «воинства Христова» все чаще стала распространяться на сообщество людей, живущих во всех отношениях «вне мира» (*extra mundum*). Таким образом, с одной стороны, монашеству были свойственны некоторые признаки обоих «сословий Церкви», мирян и клира, а с другой стороны, оно находилось как бы между ними, и это его положение между «миром» и «Церковью» сделало образ монаха в высшей степени притягательным. Не случайно поэтому в последующие столетия клир многое позаимствовал из прин-

[4] На преимущественно идеологическом характере объясняющих социальное устройство конструкций настаивал Ж. Дюби [10, с. 17, 19 и сл., 39, 77 и сл.]. Критику его позиции и аргументы в пользу связи таких конструкций с социальной действительностью и моделирующим воздействием на нее см. у О.Г. Эксле [11, с. 68 и сл., 80 и сл.].

ципов монашеского бытия. В IV–V вв. все настойчивее звучит требование целибата для клириков (так и не ставшего обязательной нормой еще несколько столетий), который мог бы послужить укреплению «харизмы» служителей Церкви и особого положения клира в обществе. Кроме того, назначенные в помощь епископу клирики кафедральных соборов стали объединяться в общины, подобные монашеским, — каноникаты. Этому процессу «монахизации» клира в определенной мере соответствовала «клерикализация» монашества. Довольно рано монашеские общины стали брать на себя пастырские задачи: звучащие на монашеских богослужениях обращенные к Господу молитвы и испрошения стали касаться не только общины и ее членов, но и многих мирян, и мирских, в т.ч. государственных, нужд, в среде монашества непрерывно росло число т.н. ординированных монахов, т.е. принявших церковный сан [13].

Как эти процессы отразились в социальной рефлексии раннего Средневековья? С появлением монашества прежнее разделение общества на «два сословия Церкви» в соответствии с двумя «формами жизни» в известной мере потеряло значение. Новая ситуация требовала новой интерпретации. Ее дал Августин ок. 400 г. В его концепции общественного устройства обосновывалось существование в лоне Церкви «трех родов людей» (*tria genera hominum*), а именно, проповедующих Евангелие и облеченных церковными должностями клириков, живущих вне мира в молитве и созерцании монахов и, наконец, пребывающих в житейских заботах мирян. В отличие от интерпретационной схемы *duo ordines ecclesiae* концепция *tria genera hominum* базировалась не на Новом Завете, а на аллегорическом истолковании библейских текстов. Августин использовал предложенную еще Оригеном в его комментарии к *Книге пророка Иезекииля* социальную аллегорию — соответствие трех упомянутых духовных позиций, или типов спиритуальности, трем ветхозаветным фигурам — Ною, Даниилу и Иову — и провел аналогии между каждым из них и соответствующим ему «родом верующих». Ной, уцелевший во всех невзгодах потопа, был «избранным», что соответствует клиру. Иов, во испытание лишенный владений, имущества и детей, но не возроптавший на Господа, до конца оставался образцовым мирянином. Воспитанный предстоятелем евнухов Даниил (Дан. 1:3) символизирует монашество, потому что с ним ассоциируется тема безбрачия [7, с. 487–491]. Схема *tria genera hominum*, или «трех сословий Церкви» (*tres ordines ecclesiae*), как в конце VI в. уточнял Григорий Великий, получила повсеместное распространение у церковных писателей, в XII столетии ее популярность достигла апогея. Сама идея трехчастной модели аллегорического истолкования стала использоваться в самых разных контекстах, от архитектуры до литургии, и дала импульс для нового витка интерпретации книг Ветхого и Нового Заветов[5].

С разделением общества на клириков и мирян и с возникновением монашества процесс образования со-

[5] Многочисленные примеры см.: [1, с. 230–269; 6; 7; 10; 16].

словий в Западной Европе отнюдь не был завершен. Соответственно, продолжалось и осмысление современниками новых социальных данностей в контексте объясняющих действительность моделей. Так, на рубеже X–XI столетий появляется трехчастная схема интерпретации общественного устройства, которая делила общество в соответствии с функциями его членов на «*oratores* (молящихся)», «*bellatores* (сражающихся)» и «*laboratores* (трудящихся)» [6; 7; 10; 14–16]. От прежней тройственной схемы она отличалась тем, что клир и монахи обозначались одним понятием «*oratores* (молящиеся)», а для мирян, напротив, вводилось два понятия в соответствии с их функциями — «*bellatores* (сражающиеся)» и «*laboratores* (трудящиеся)». Под последними чаще всего понимались те, кто трудится на полях — *agricultores*. И, главное, эта новая схема не имела библейского обоснования. Она явилась плодом исторического развития предшествующей схемы *tria genera hominum*, сохранив за собой и прежнее, восходящее к Григорию Великому, название *tres ordines ecclesiae* — «трех сословий Церкви». Однако если прежняя схема по сути своей была иерархической, обосновывающей приоритетный характер служения Богу как особой «формы жизни» над мирской деятельностью, то новая схема подчеркивала равнозначность функций всех трех «сословий (*ordines*)», каждое из которых взяло на себя задачу трудиться «для всех» на своем месте [17, библиография: с. 233–236].

В трехчастной модели функционального деления общества на «молящихся», «сражающихся» и «трудящихся» нашли отражение две важнейших характеристики социального процесса в раннее Средневековье: слияние в общественном сознании клира и монашества в одно «сословие» и отграничение друг от друга «рыцарства» и «крестьянства» [18–20].

Причинами объединения двух прежних *ordines*, клира и монашества, в соответствии с их общественным предназначением в одно «сословие молящихся (*ordo oratoris*)» стали рост числа ординированных монахов и пастырские обязанности монашеских общин, с одной стороны, а также их постепенный отход от обязательства физического труда, предписываемого 48 пунктом *Правилом Бенедикта*, — с другой. Средоточием монашеской жизни становится литургия, часовые молитвы, чтения Священного писания и поминальная практика (*memoria*), что особенно хорошо видно на примере жизни монастырей клюнийской конгрегации уже с X в. [21]. На рубеже первого тысячелетия монахи все больше превращаются в прямом смысле в «молящихся», по своим задачам и общественным функциям приближаясь к клиру.

Параллельно с процессом слияния в социальной рефлексии монашества и клира шло интенсивное разделение «мирян» на «трудящихся» и «воюющих», т.е. происходила дифференциация и взаимное отграничение «крестьянина» и «рыцаря», *rusticus* и *miles*. Это разделение заметно уже в каролингское время, когда «землепашцы (*agricultores*)» все чаще стали упоминаться вместе с сословиями «священников» и «воинов» (*sacerdotes* и *milites*). Но если раннесредневековые документы, так или

иначе относящиеся к хозяйственной жизни общества, подчеркивали правовое состояние крестьянина (*liber* или *servus*), то к XI в. эти различия все больше нивелируются и объединяющим признаком для крестьян выступает физический труд: они рассматриваются как самостоятельные производители аграрной продукции и в этом смысле «трудящиеся» (*laboratores*) [19; 4, с. 67–69].

Начиная с VIII столетия с возрастанием роли конных воинов — дорогостоящей военной силы, все более вытесняющей крестьянское ополчение, и с возникновением основывающегося на ленном владении профессионального войска постепенно формируется представление о воинах как об отдельном привилегированном сословии со своими функциями, этикой и религиозным долгом [4, с. 72 и сл.; 18; 20, с. 51–85]. На рубеже нового тысячелетия функцией применения оружия и военной службы в нем объединялись люди разного происхождения: знатные воины, а также лично свободные люди, к которым впоследствии благодаря той же самой функции присоединились поднявшиеся из несвободного состояния министериалы. Значение данного образа восприятия социального порядка состоит прежде всего в том, что в трехфункциональной модели истолкования общественного устройства «крестьянин» не просто впервые появляется как самостоятельная социально-исторические фигура, но и сам физический труд стал рассматриваться как жизненно необходимое служение «другим»: те, кто трудятся, делают это для всех остальных, кто не работает физически, но в свою очередь выполняет собственные задачи [17, с. 232.]. Если все три *ordines* берут на себя задачи трудиться «для всех», то из этого следует равное функциям других сословий значение физического труда, его новая — позитивная — этическая оценка. На представления о социальном неравенстве эта установка, впрочем, никак не повлияла, равно как и в оценке физического труда идеал еще долго расходился с действительностью: радикализация трудовой этики по-настоящему дает о себе знать лишь в кальвинизме и других реформационных течениях XVI–XVII вв. [21]. И все же появление трехфункциональной модели истолкования общества было явлением совершенно эпохальным, глубоко воздействовавшим на ментальности и институты Западной Европы, как показало последующее возникновение трех политических сословий в форме «трех порядков» — знати, духовенства и «третьего сословия», сохранявшихся, как известно, вплоть до Французской революции.

Модель тройственного функционального деления общества со второй половины XI в. и в XII в. активно конкурировала с прежней иерархической моделью «трех родов верующих», или «трех сословий Церкви». Однако и в этот период действительность была намного более многообразной, а социальная дифференциация — гораздо более интенсивной, чем это могла вместить интерпретационная концепция современников. В XI и XII вв. стремительные духовные, экономические, социальные изменения в обществе, прежде всего рост городов и появление университетов, дали импульс формированию новых сословных образований. Во-

первых, новым было возникновение слоя тех людей, которые жили в городе и чье существование определялось физическим трудом, т.е. совокупности городских ремесленников и торговцев — «горожан», социально-политической формой жизни которой стала городская коммуна. Во-вторых, в XII столетии возник слой «ученых» и просто образованных людей, профессионально занимающихся наукой или получивших образование практиков. Предпринимавшиеся некоторыми церковными авторами попытки вместить новые сословия в модель тройственного функционального деления общества, добавляя к ней под различными названиями разного рода «трудящихся» (*operarii*) [16, с. 1209 и сл.], и тем самым превратить тройственное деление в функциональное деление на четыре части, в целом успеха не имели. Обозначение нового слоя пошло не по пути введения новых слов и понятий, а посредством перетолкования старых и давно известных — «клирик» (*clericus*) и «мирянин» (*laicus*). В XII в. образованных людей воспринимали как нечто совершенно особенное, как отдельный слой или «сословие», и поэтому объединяли их под собирательным понятием *clericus*, противопоставляя ему понятие *laicus*, подразумевавшее всех, кто не был специалистом и не получил никакого образования [22, с. 171 и сл.; 23, с. 327 и сл.]. Авторитет «новых» клириков в обществе был необычайно высок и в каком-то смысле составил конкуренцию авторитету обычных священнослужителей: юристов, например, стали называть «священниками права» (*iuris sacerdotes*) [24, с. 118]. Различие «клириков» и «мирян» как специалистов и неспециалистов сохранилось и в современных языках. Таким образом, будущее, как прежде, принадлежало тройственной модели функционального деления общества, которой еще только предстояло получить большое распространение в литературе позднего Средневековья и раннего Нового времени. В искусстве она нашла самое широкое применение вообще только с XVI в. [25], а впереди еще был наивысший пункт ее социально-исторического воздействия — объединение крестьян и горожан в одном сословии, впоследствии названном во Франции «третьим сословием» (tiers état, tiers membre), обозначившим наличие слоя населения, чье социальное и экономическое существование предопределялось трудом и отсутствием привилегий.

И все же деление общества на сословия, понимаемые метафизически или материалистически, так же, как и деление на классы — это интерпретационные модели из мира восприятия действительности самими интерпретаторами, средневековыми или современными. Как писал М Блок, «человеческие институты являются реальностями психологическими <…> класс существует лишь как представление, которое мы имеем о нем» [26, с. 355]. Отчасти эти «психологические реальности» воздействовали на действительность, предзадавая ей сословные нормы, но с точки зрения того, что «было», средневековое общество как социальное целое можно представить без особых идеологических претензий в виде совокупности различных социальных групп, которые в соответствующий их существованию исторический мо-

мент были столь же реальными, как и объединявшиеся в них, всегда поразному, люди. Это были объединения на основе кровного родства («дом» (*domus*), род, семья) или группы, в которые люди объединялись для совместных действий во имя достижения общих целей именно потому, что не были в родстве друг с другом, — гильдии, цехи и братства, крестьянские и городские «общины» (коммуны), университеты как сообщества магистров и студентов, церковные приходы, монастыри и т.п. Отношения между членами таких групп носили договорный, паритетный характер и создавали горизонтальные социальные связи, которые пронизывали все средневековое общество и были не менее значимы для его функционирования как социального целого, нежели связи вертикальные — отношения господства и подчинения [27, с. 17–19].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Struve, T.* Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, Duncker & Humblot Verlag, 2004.
2. *Michaud-Quantin, P.* Études sur le vocabulaire philosophique du Moyen Age (=Lessico intellettuale europeo 5). Roma, Edizioni dell'Ateneo, 1970.
3. *Rief, J.* Der Ordobegriff des jungen Augustinus. Paderborn, Verlag Ferdinand Schoningh, 1962.
4. *Эксле О.Г.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / пер. с нем. и предисл. Ю. Арнаутовой). М.: Новое Литературное Обозрение, 2007.
5. *Weber, M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1972[5].
6. *Oexle, O.G.* Deutungsschemata der sozialen Wirklichkeit im frühen und hohen Mittelalter. Ein Beitrag zur Geschichte des Wissens // Mentalitäten in Geschichte. Methodische und inhaltliche Probleme / Hg.v. F. Graus. Sigmaringen: Thorbecke Verlag, 1987. S. 65–117.
7. *Oexle, O.G.* Tria genera hominum. Zur Geschichte eines Deutungsschemas der sozialen Wirklichkeit in Antike und Mittelalter // Institutionen, Kultur und Gesellschaft im Mittelalter / Hg.v. F. L. Fenske, Th. Zotz u.a. Festschrift für J. Fleckenstein. Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1984. S. 483–500.
8. *Harnack, A.V.* Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1905 (Ndr. 1963).
9. *Hintze, O.* Weltgeschichtliche Bedingungen der Repräsentativverfassung // Idem. Gesammelte Abhandlungen. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1970[2]. Bd. 1: „Staat und Verfassung". S. 140–185.
10. *Duby, G.* Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris: Gallimard, 1978.
11. *Oexle, O.G.* Die „Wirklichkeit" und das „Wissen". Ein Blick auf das sozialgeschichtliche Œuvre von Georges Duby // Historische Zeitschrift. 1981. Bd. 232. S. 61–91.
12. *Derda, H.-J.* Vita communis: Studien zur Geschichte einer Lebensform in Mittelalter und Neuzeit. Köln, Weimer, Wien, Böhlau Verlag, 1992.
13. *Nussbaum, O.* Kloster, Priestermönch und Privatmesse (=Theophaneia 14). Bonn: P. Hanstein Verlag, 1961.
14. *Dubuisson, D.* Le roi indo-européen et la Synthese des trois fonctions // Annales É.S.C. 1979. Vol. 34. P. 1187–1215.
15. *Niccoli, O.* I sacerdoti, i guerrieri, i contadini. Storia di un'immagine della società (=Saggi 607). Torino, 1979.

16. *Le Goff, J.* Les trois fonctions indo-européennes, l'historien et l'Europe féodale // Annales É.S.C. 1978. Vol. 33. P. 21–34.
17. *Struve, T.* Pedes rei publicae. Die dienenden Stände im Verständnis des Mittelalters // Idem. Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Berlin: Duncker & Humblot Verlag, 2004. S. 230–269.
18. *Flori, J.* L'idéologie du glaive. Préhistoire de la chevalerie. Genève: Droz, 1983.
19. *Wenskus R.* „Bauer" — Begriff und historische Wirklichkeit // Wort und Begriff „Bauer" / Hg.v. F.H. Jankuhn, K. Grinda. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975. S. 11–28.
20. *Erdmann, C.* Die Entstehung des Kreuzzuggedankens. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1935.
21. *Арнаутова, Ю.Е.* «Христианская революция» в отношении к физическому труду и ее отражение в раннесредневековой латинской агиографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Вып. 4 (78). URL: http://ras.jes.su/history/s207987840004906-5-1 (дата обращения: 19.07.2019).
22. *Classen, P.* Die Hohen Schulen und die Gesellschaft im 12. Jahrhundert // Archiv für Kulturgeschichte. 1966. Bd. 48. S. 155–180.
23. *Schneider, K.* Laienbildung als Herausforderung für Kirche und Gesellschaft // Zeitschrift für historische Forschung. 1984. Bd. 11. S. 257–354.
24. *Kantorowicz, E.H.* The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton University Press, 1957.
25. *Kress, B.* Noah, Daniel and Job — the three righteous men of Ezekiel 14:14 in medieval art // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 2004. Vol. 67. P. 256–267.
26. *Bloch, M.* Liberté et servitude personnelles au Moyen Age, particulièrement en France: contribution à une étude des classes // Idem. Mélanges historiques. Paris: École Pratique des Hautes Études, 1983[3]. Vol. 1. P. 286–355.
27. *Oexle, O.G.* Soziale Gruppen in der Ständegesellschaft: Lebensformen des Mittelalters und ihre historische Wirkungen // Die Repräsentation der Gruppen. Texte — Bilder — Objekte / Hg.v. O.G. Oexle, A.v. Hülsen-Esch. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. S. 9–44.

REFERENCES

1. Arnautova Ju.E. „Christianskaja revoluzija v otnoshenii k fisitcheskomu trudu i eje otrazhenie v agiografii, *Historia*, 2019, Vyp. 4 (78), available at: http://ras.jes.su/history/s207987840004906-5-1 (accessed: 19.07.2019). (in Russian)
2. Bloch M. "Liberté et servitude personnelles au Moyen Age, particulièrement en France: contribution à une étude des classes", in: Idem. *Mélanges historiques*. Paris, École Pratique des Hautes Études, 1983[3], vol. 1, pp. 286–355.
3. Classen P. Die Hohen Schulen und die Gesellschaft im 12. Jahrhundert, *Archiv für Kulturgeschichte*. 1966, Bd. 48, S. 155–180.
4. Derda H.-J. *Vita communis: Studien zur Geschichte einer Lebensform in Mittelalter und Neuzeit*. Köln, Weimer, Wien, Böhlau Verlag, 1992.
5. Dubuisson D. Le roi indo-européen et la Synthese des trois fonctions, *Annales* É.S.C., 1979, Vol. 34, pp. 1187–1215.
6. Duby G. *Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme*. Paris, Gallimard, 1978.
7. Erdmann C. *Die Entstehung des Kreuzzuggedankens*. Stuttgart, W. Kohlhammer Verlag, 1935.
8. Flori J. *L'idéologie du glaive. Préhistoire de la chevalerie*. Genève, Droz, 1983.

9. Harnack A.v. Militia Christi. *Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten*. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1905 (Ndr. 1963).
10. Hintze O. „Weltgeschichtliche Bedingungen der Repräsentativverfassung“, in: Idem. *Gesammelte Abhandlungen*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1970[2]. Bd. 1: „Staat und Verfassung“, S. 140–185.
11. Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology*. Princeton University Press, 1957.
12. Kress B. Noah, Daniel and Job — the three righteous men of Ezekiel 14:14 in medieval art, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 2004, vol. 67, pp. 256–267.
13. Le Goff J. Les trois fonctions indo-européennes, l'historien et l'Europe féodale, *Annales* É.S.C., 1978, Vol. 33, pp. 21–34.
14. Michaud-Quantin P. *Études sur le vocabulaire philosophique du Moyen Age (=Lessico intellettuale europeo 5)*. Roma, Edizioni dell'Ateneo, 1970.
15. Niccoli O. *I sacerdoti, i guerrieri, i contadini. Storia di un'immagine della società (=Saggi 607).* Torino, 1979.
16. Nussbaum O. *Kloster, Priestermönch und Privatmesse (=Theophaneia 14).* Bonn, P. Hanstein Verlag, 1961.
17. Oexle O.G. *Dejstvitelnost i znanie: Ocherki socialnoj istorii Srednevekovya*, perevod s nemetskogo i predislovie Ju. Arnautova. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2007. (in Russian)
18. Oexle O.G. „Deutungsschemata der sozialen Wirklichkeit im frühen und hohen Mittelalter. Ein Beitrag zur Geschichte des Wissens“, in: *Mentalitäten in Geschichte. Methodische und inhaltliche Probleme*, Hg.v. F. Graus. Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1987, S. 65–117.
19. Oexle O.G. Die „Wirklichkeit“ und das „Wissen“. Ein Blick auf das sozialgeschichtliche Œuvre von Georges Duby, *Historische Zeitschrift*, 1981, Bd. 232, S. 61–91.
20. Oexle O.G. „Soziale Gruppen in der Ständegesellschaft: Lebensformen des Mittelalters und ihre historische Wirkungen“, in: *Die Repräsentation der Gruppen. Texte — Bilder — Objekte*, Hg.v. O.G. Oexle, A.v. Hülsen-Esch. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998, S. 9–44.
21. Oexle O.G. “Tria genera hominum. Zur Geschichte eines Deutungsschemas der sozialen Wirklichkeit in Antike und Mittelalter“, in: *Institutionen, Kultur und Gesellschaft im Mittelalter*, Hg.v. F. L.Fenske, Th. Zotz u.a. Festschrift für J. Fleckenstein. Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1984, S. 483–500.
22. Rief J. *Der Ordobegriff des jungen Augustinus*. Paderborn, Verlag Ferdinand Schoningh, 1962.
23. Schneider K. Laienbildung als Herausforderung für Kirche und Gesellschaft, *Zeitschrift für historische Forschung*, 1984, Bd. 11, S. 257–354.
24. Struve T. „Pedes rei publicae. Die dienenden Stände im Verständnis des Mittelalters“, in: Idem. *Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin: Duncker & Humblot Verlag, 2004, S. 230–269.
25. Struve T. *Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin, Duncker & Humblot Verlag, 2004.
26. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1972[5].
27. Wenskus R. „‘Bauer‘ — Begriff und historische Wirklichkeit“, in: *Wort und Begriff „Bauer“*, Hg.v. F. H. Jankuhn, K. Grinda. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975, S. 11–28.

Арнаутова Юлия Евгеньевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, odysseus1989@mail.ru

Arnautova Ju.E., ScD in History, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, odysseus1989@mail.ru

УДК 281.93
ББК 86.3

СПЕЦИФИКА ИКОНОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО С КЛЕЙМАМИ СКАЗАНИЯ В СТРАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ СТАРОДУБЬЯ И ВЕТКИ (XVIII – начала XX века)

М.В. Кочергина

Аннотация. *Статья посвящена специфике иконографии Спаса Нерукотворного в старообрядческой живописи древних духовных центров Стародубья и Ветки XVIII–XX вв. Автор выявляет истоки появления данного иконографического сюжета, особенности его появления в старообрядческой среде, широкое распространение и нахождение этих икон в государственных и частных российских и зарубежных (Республика Беларусь, Республика Украина) собраниях. Автор прослеживает традиции иконописания Стародубья и Ветки в XVIII – начале XX века, дискутирует с исследователями из Республики Беларусь, но находит общее понимание проблем с исследователями из России. Большое внимание автор уделяет художественным особенностям данных икон.*

Ключевые слова: *старообрядческие общины, духовные центры, Стародубье и Ветка, иконописцы, образ Спаса Нерукотворного с клеймами Сказания (истории Авгаря).*

THE SPECIFICS OF THE ICONOGRAPHY AND ARTISTIC FEATURES THE IMAGE OF THE SAVIOUR WITH SCENES TALES IN THE OLD BELIEVERS' PAINTING OF STARODUBYE AND VETKA (XVIII — Early XX Centuries)

M.V. Kochergina

Abstract. *The article is devoted to the specifics of the iconography of the Saviour in the old believer painting of the ancient spiritual centers of Starodubye and Vetka of the XVIII–XX centuries. The Author reveals the ori-*

© Кочергина М.В., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

gins of this iconographic story, especially its appearance in the old believer environment, the widespread and presence of these icons in public and private Russian and foreign (Republic of Belarus, Republic of Ukraine) collections. The author traces the tradition of icon painting of Starodubye and Vetka in the XVIII–XX centuries, discuss with researchers from the Republic of Belarus, but finds a common understanding of the problems with other researchers from Russia. The author pays great attention to the artistic features of these icons.

Keywords: *old Believers, spiritual centers, Starodubye and Vetka, icon painters, the image of the Saviour not made with the brands of the Legend (the history of Abgar).*

Истории и художественному наследию старообрядчества уделяют внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи: историки, культурологи, искусствоведы — российские, украинские, белорусские. Истории расселения старообрядцев в России (в том числе на территории древних центров Стародубья и Ветки) и взаимоотношениям с государством и официальной церковью, а также истории культуры русского старообрядчества посвящены работы украинского исследователя С.В. Таранца [1]. Отечественные специалисты — Л.М. Евсееева, А.М. Лидов, Н.Н. Чугреева являются авторами значительного исследования «Спас Нерукотворный в русской иконе», в котором они подробно анализируют историю Мандилиона и развитие иконографии Спаса Нерукотворного в русской иконописи: А.М. Лидов является автором раздела книги «Святой Мандидион. История реликвии»; Л.М. Евсеева анализирует русские иконы с образом Спаса Нерукотворного XII–XVI вв.; Н.Н. Чугреева подробно описывает русские иконы, созданные в эпоху Нового времени — XVII–XX вв. Ею достаточно полно проанализированы образы Спаса Нерукотворного в старообрядческой живописи Ветки-Стародубья, находящиеся как в украинских коллекциях (Национальный Киево-Печерский музей-заповедник, Черниговский художественный музей, старообрядческой церкви села Городище Луганской области), так и в российских собраниях — Государственной Третьяковской галерее, Челябинской картинной галерее, др. [2].

Иконографии Спаса Нерукотворного уделяют внимание и зарубежные исследователи. Белорусский исследователь Г.Г. Нечаева описывает иконы Спаса Нерукотворного из коллекции Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций (г. Ветка Гомельской области Республика Беларусь). Ею создан ряд работ, наиболее значительной из которых является «Живая вера. Ветка = Living Faith. Vetka / сост. Г.Г. Нечаева, О.Д. Баженова; автор текста Г.Г. Нечаева» [3]. Однако Г.Г. Нечаева утверждает, что происхождение данных икон связано только с Веткой.

В данной статье мы постараемся шире представить круг памятников, происходящих из древних центров

русского старообрядчества Стародубья и Ветки, объяснить специфику иконографии и художественные особенности в старообрядческой живописи не только Ветки, но и Стародубья.

Итак, иконы с данным иконографическим изводом широко распространены среди старообрядцев Российской Федерации, Республики Украины, Республики Беларусь. Более того, аналогичные иконы в настоящее время встречаются у коллекционеров в частных собраниях в дальнем зарубежье. Ранее эти иконы происходили из двух древних центров старообрядчества Стародубья и Ветки — в дореволюционной России эти территории относились к Черниговской и Могилевской губерниям. Период распространения этих икон в старообрядческой живописи Стародубья и Ветки — вторая половина XVIII – начало XX века. Образ Спаса Нерукотворного на них был представлен в особом иконографическом изводе (варианте изображения) с ангелами, держащими концы убруса — архангелами Михаилом, Гавриилом и Рафаилом.

Почему эти иконы были столь широко распространены в старообрядческой среде? Когда сложилась иконография данного образа? В чем новизна иконографии столь древнего христианского образа в старообрядческой живописи Стародубья и Ветки? Где в настоящее время можно встретить иконы данного иконографического извода? На эти вопросы мы постараемся ответить в данной статье, написанной на основе исследования с использованием методов: сравнительно-исторического анализа, сравнения икон из разных музейных коллекций, историко-типологический метода, метода выявления икон и других предметов старообрядческого культа из государственных музейных, частных и старообрядческих собраний, введения их в научный оборот.

Образ Спаса Нерукотворного появляется в Древней Руси на самых ранних этапах распространения христианства. Древняя Русь принимала христианство от Византии. Как и иконография иконы Святого Николы Чудотворца, иконография этого образа сложилась в Византии в X в. В византийской иконописной традиции он назывался «Святой Мандилион», в церковно-славянской традиции именовался как «Святой Убрус». «Появление и распространение его совпадает с перенесением чудотворного эдесского образа в 944 г. в Константинополь, составлении сказания о перенесении образа в столицу и “Слова” о его почитании» [4, с. 28]. В восточной и западной иконографии существовали два разных варианта изображения. В Древней Руси, принявшей христианство от Византии, утвердился, начиная с XII в., восточный вариант иконографии, отображающий образ «прославленного и величественного Христа», соответствующий древним сказаниям. Этот образ можно встреть в различных художественных памятниках Древней Руси: на иконах, хоругвях, боевых знаменах, в книжной миниатюре, в религиозной вышивке. Он был широко распространен в древнерусском искусстве.

Особенно широкое распространение иконы Спаса Нерукотворного с клеймами Сказания характерно для иконописной традиции России начиная с XVI в. В этот период появляет-

ся философская доктрина «Москва — Третий Рим» монаха Филофея. По его мнению, преемницей разоренного турками Константинополя (1453 г.) в исконной православной традиции должна была стать Москва, что свидетельствовало о росте национального самосознания в русском государстве.

В этот период Россия действительно ощущает себя наследницей Византии. Первый русский царь Иван IV Грозный — внук племянницы последнего византийского императора Софии (Зои) Палеолог, которая привозит святыни династии Палеологов, в том числе библиотеку византийских императоров в Москву. Герб России эпохи этого времени напоминает герб Византии. В последующем XVII в. образы Спаса Нерукотворного тесно связаны с государственной символикой России [2, с. 116].

Основной литературный источник для написания образа — Повесть Константина Багрянородного в переводе Максима Грека [2, с. 125]. В 1642 г. она была напечатана в Москве в специальном сборнике о почитании икон — «Слова избранныя святых отец о поклонении и о чести святых икон». Многочисленные русские рукописные «Сказания о Святом Убрусе» также значительно повлияли на иконографию икон Нерукотворного Образа с клеймами Сказания (истории Авгаря).

Этот образ стал не только святыней для византийской иконописной традиции, но и для икон Древней Руси, особо почитаемых старообрядцами. Русское старообрядчество, возникшее после раскола русской православной церкви во второй половине XVII в., пыталось сохранить все то, что было свято для дониконовской Руси. Иконы данного иконографического извода получили в старообрядческой традиции наименование «Нерукотворенный Образ Господень», так как данный образ воплощал божественную природу Христа и его земное пребывание. В старообрядческой традиции иконы подобного типа иконописцы сопровождали надписями: «Нерукотворенный Образ Господень»; «Божие видение Божественное чудо».

Старообрядцы не только продолжили традицию иконописания образов Спаса Нерукотворного, но и смогли сохранить древние первообразы. Они опирались на них в своем творчестве. Так, на территории уральских горных заводов в Невьянске старообрядческие общины сохранили уникальную икону «Спаса Нерукотворного», относящуюся к XVII в. Уральские исследователи (Е. Ройзман, М.В. Ратковский, В.И. Балдин), отмечают, что эта «икона высокого уровня северных писем» была обнаружена одним из коллекционеров-собирателей в «двоеданской деревне», т.е. населенном пункте, где жили старообрядцы-поморцы, платившие двойную подать [5, с. 12].

Описи движимого и недвижимого имущества старообрядческих монастырей и скитов Стародубья и Ветки, созданные правительственными чиновниками в период карательных экспедиций 1840-х гг., подтверждают, что среди икон, составлявших иконописное убранство Покровского Климовского монастыря (Стародубье) большое место занимали иконы Спаса Нерукотворного. Среди них «икона Нерукотворного Спаса пред жертвен-

ником в серебряном окладе с позолотой» [6, с. 318]. В ветковском Пахомьеве монастыре среди святынь была «замечательная по древности икона Спаса Нерукотворного греческого писания» [6, с. 189]. Следовательно, у старообрядцев Ветки были древние иконы греческого (византийского письма), что свидетельствует о сохранении первообразов при создании новой иконографии. Старообрядцы Стародубья продолжили обращение к иконам Спаса Нерукотворного в эпоху Нового времени, опираясь на сохраненные первообразы.

Иконы данного иконографического извода относятся ко второй половине XVIII – началу XX века, когда происходит перемещение духовного центра старообрядцев-поповцев из Ветки в Стародубье и постепенно складывается новый живописный центр. В этот период создаются монастыри, скиты, пустыни. В них развивается традиции книгописания, полемики, старообрядческой живописи. Старообрядческие поселения — посады и города застраиваются храмами, украшенными иконами местной иконописной традиции: Рождественско-Никольский в г. Новозыбкове, Преображения Господня в Клинцах, др. Но карательные меры правительства и официальной церкви в середине XIX в. приводят к уничтожению старообрядческих духовных центров в Ветке. При этом старообрядцы Стародубья смогли сохранить свои монастыри — Красноборский Предтечиев, Преображенско-Никольский (Николо-Пустынский), Лужковские мужские и Каменско-Успенский женский скиты, а также в «золотой век старообрядчества» (1905–1917 гг.) построить новые духовные центры — Успенский девичий монастырь, храмы в большинстве старообрядческих посадов — Лужках, Елионке, Чуровичах, Свяцке, г. Новозыбкове, др. Происходила регистрация старообрядческих общин как юридических лиц и строительство храмов в Ветке (слобода Огородня Гомельская, др.). Иконописная традиция, изначально монастырская, скитская, перешла в мирскую среду — появились слободские, посадские и городские мастерские, складывались иконописные династии. В старообрядческих мастерских сохранялись прориси, иконописные подлинники.

В иконах Спаса Нерукотворного с клеймами Сказания (истории Авгаря) сцены традиционно распределяются следующим образом: Отправление Авгарем Анании к Христу — Воплощение божественного образа на Святом Убрусе — Перенесение Святого Убруса из Эдессы в Константинополь. Для старообрядческих икон Стародубья и Ветки характерен несколько иной вариант размещения клейм в медальонах с историей Авгаря [6, с. 321]. Также для данной иконописной традиции характерно наличие многочастных икон, в которых имеется изображение Спаса Нерукотворного с аналогичными надписями — «Нерукотворенный Образ Господень»; «Божие видение Божественное чудо» [6, с. 323]. Покажем это на конкретных примерах.

В собрании Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций (г. Ветка Гомельской области Республика Беларусь) имеется икона «Спас Нерукотворный» с архангелами, держащими плат (архангелы Михаил, Гавриил, Рафаил) и клей-

мами Сказания. Но роль художника в этой иконе традиционно связывается со Св. апостолом Фаддеем, а не с живописцем Ананией. На первом клейме Фаддей передает Авгарю убрус (плат с изображением Господа Вседержителя). На втором клейме можно видеть плат, водруженный на вратах города Эдессы. На третьем клейме видим западный вариант Сказания с изображением Вероники, держащей плат с Нерукотворным образом [1, с. 254]. Белорусский исследователь Г.Г. Нечаева, публикуя фотоснимок с этого образа из коллекции Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций, объясняет, по нашему мнению, достаточно упрощенно, соединение традиционной православной и западной традиции в изображении этого клейма со сценами Сказания. Третье клеймо она считает нетипичным для старообрядческого искусства. По ее мнению, «Здесь используется западная легенда о Веронике. Ветку, где много ткали и вышивали, привлекает архетип ткани — с ее магическим очистительным значением и сакральностью изображений и знаков» [3, с. 254]. Позволим себе не согласиться с этим утверждением. Как мы уже отмечали, у старообрядцев Стародубья распространены аналогичные иконы, но в традициях старообрядцев этого региона не было ткачества. В иконах Спаса Нерукотворного, происходящих из этого центра, распространен аналогичный характер клейм Сказания с изображением Св. апостола Фаддея и Авгаря, а также образом Иисуса Христа, несущего крест на Голгофу, и изображением Вероники, держащий плат с изображением Спаса Нерукотворного. Эти иконы происходят из старообрядческих мастерских и в настоящее время размещены на выставке в Митрополии Русской Православной старообрядческой Церкви «Сохраняя веру и традиции предков. К 245-летию Рождественско-Никольского храма г. Новозыбкова». (Москва, Рогожский поселок, 11 мая – 14 октября 2019 г.). Две иконы данного иконографического сюжета находятся в частной коллекции в Брянской области и в собрании Брянского областного музейно-выставочного центра. Отметим, что в старообрядческих мастерских Стародубья это был один из излюбленных иконографических сюжетов — образ «Спаса Нерукотворного» с архангелами, держащими концы плата (убруса) и клеймами Сказания. Этот образ особо почитался в старообрядческой среде и заказов на него как в отдельных, так и четырех-частных иконах было довольно много.

В настоящее время известно 67 имен иконописцев из Стародубья и 23 имени старообрядцев-иконописцев из Ветки. Один из них — старообрядческий иконописец, начетчик, а позже православный миссионер Василий Родионцев писал в своих воспоминаниях, что подарил икону Спаса Нерукотворного собственного письма православному епископу Новгород-Северскому Сергию в 1892 г. Именно в это время он был старообрядческим иконописцем и начетчиком, склоняющимся к переходу в официальное православие [6, с. 328].

Почему же в старообрядческих иконах Стародубья и Ветки произошло соединение истинно православной и западной традиции в изображении клейм Сказания на иконах

«Спаса Нерукотворного»? Упрощенный вариант объяснения белорусского исследователя Г.Г. Нечаевой является в данном случае недостоверным.

Традиционно иконы, происходящие из этого региона, исследователи относят к ветковской школе, но сами старообрядцы считают это местной иконописной традицией. Ветковская (местная) школа иконописи находилась на стыке византийской и западной культурной традиции, она впитывала элементы того и другого. В прорисях иконописцев прослеживалась преемственность по отношению к византийским образам, но старообрядцы-изографы вносили в традиции новации в соответствии с местными вкусами [6, с. 321]. Примером может служить икона из собрания Брянского музейно-выставочного центра «Спас Нерукотворный» с клеймами Сказания, происходящая из г. Новозыбкова (инв. ж — 1463). В нижнем поле иконы находится полустертая надпись: «Б(О)ЖИЕ ВИДЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЕ ЧУДО». Плат (убрус) как-бы заткан букетами цветов. Эта надпись была широко распространена в старообрядческой среде не только икон Стародубья и Ветки, но и в иконах Невьянской иконописной традиции. В иконе Спаса Нерукотворного имеется еще одна надпись: «НЕРУКОТВОРЕННЫЙ ОБРА(З) Г(ОСПО)Д(Е)НЬ». В онтологическом, надмирном смысле это означает соединение Слова и Образа — словесного и зрительного откровения Божия [6, с. 322].

По мнению исследователя Н.Н. Чугреевой: «К району Ветки-Стародубья можно отнести возникновение у старообрядцев-поповцев новой иконографии Спаса Нерукотворного со сценами истории Святого Убруса в трех кругах внизу икон… Плат Христов обычно поддерживается тремя архангелами — Михаилом, Гавриилом и Рафаилом… Три ангела, держащие плат, писались и ранее, как на иконе, исполненной под влиянием традиции царских мастеров в первой трети XVIII в. Художники-старообрядцы, не разрушившие выработанные ими иконографического образа, не были чужды западных влияний. Так в кругах-клеймах они совместили традиционные сцены принесения Святого Убруса Авгарю и Поставления образа на вратах Эдесы с Шествием Христа на Голгофу, где изображена жена, подающая плат, по западной версии — Вероника, называемая на иконах подобного типа «некоей женой». Композиции икон Спаса Нерукотворного с тремя кругами внизу были широко распространены, особенно в ветковской культуре» [2, с. 200–201]. Автор, делая данный вывод, анализирует иконы, происходящие из Черниговского художественного музея, Челябинской картинной галереи, старообрядческой церкви с. Городище Луганской области. Сравнивая эти иконы, действительно можно предположить, что старообрядцы, связанные духовными контактами, могли перевозить иконы на столь далекие расстояния. Но если на ветковских иконах «плат расцвечивается золотыми цветами», то на иконах из Стародубья можно увидеть изображения не только золотых, но и розовых и сиреневых цветов, в чем проявляется влияние местной народной традиции малороссийской вышивки — яркой и многоцветной. На плате обычно воспроизводятся надписи на печати послания Иисуса Христа к Авгарю: «Бо-

жее видение Божественное чудо». По нашему мнению, использование элементов западной иконографии связано с географическим и этническим окружением местной (ветковской) иконописной традиции и творческим подходом иконописцев, выполнявших заказы на написание данных икон, творчески перерабатывающих варианты восточной и западной иконографии образа.

Н.Н. Чугреева отмечает, что «у старообрядцев-беспоповцев подобная иконография отсутствует. Изображение Спаса Нерукотворного передается в образе Спас Мокрая Борода» [2, с. 200–201]. С этим нельзя не согласиться. Но, позволим себе заметить, что в старообрядческой медной пластике, приверженцами которой были старообрядцы-беспоповцы, часто встречается традиционный образ Спаса Нерукотворного.

Так почему же этот образ был столь почитаем в искусстве старообрядцев? Ответ на это можно найти в объяснениях самих старообрядцев: «Спас Нерукотворный — это Божие видение. Оно есть Божественное чудо. Поэтому мы видим его в большинстве предметов старообрядческого культа — в иконах, медных образах, др. Мы почитаем этот образ и поклоняемся ему». Этим ответом самих приверженцев старого обряда можно объяснить широкое распространение данного образа в различных памятниках.

В результате проведенного нами исследования мы пришли к следующим выводам:

В старообрядческой среде сформировалось особое почитание иконы «Спас Нерукотворный», опиравшееся на сохранившиеся древние образы.

Иконография «Спас Нерукотворный с архангелами, держащими концы убруса (плата) и клеймами Сказания сложилась в среде старообрядцев-поповцев Стародубья и Ветки. При этом наряду с традиционным восточным вариантам размещения клейм в ней использовалась западная традиция, передающая образ Иисуса Христа, идущего на Голгофу и образ Вероники, держащей плат с ликом Нерукотворного Спаса. Изображение в этом клейме нельзя объяснять традициями ткачества на Ветке, как это делают белорусские исследователи. Это слишком упрощенный подход. По нашему мнению, оно связано с географическим и этническим окружением местной (ветковской) иконописной традиции и творческим подходом иконописцев, выполнявших заказы на написание данных икон, творчески соединяющих варианты восточной и западной иконографии образа.

Иконы данного иконографического извода относятся ко второй половине XVIII – началу XX в., когда происходит перемещение духовного центра старообрядцев-поповцев из Ветки в Стародубье и постепенно складывается живописный центр. В этот период создаются монастыри, скиты, пустыни и обители — как общероссийские, так и местные духовные центры. В них развивается традиция книгописания, полемики, старообрядческой живописи. Старообрядческие посады застраиваются храмами, украшенными иконами местной иконописной традиции.

В связи с ликвидацией старообрядческих духовных центров в эпоху николаевской реакции (1840–1850 гг.) иконописная традиция из Ветки пе-

ремещается в Стародубье, где сохраняются монастыри, скиты. Мастера работают как в Ветке, так и в Стародубье. Более того, иконописная традиция переходит в мирскую среду — появляются слободские, посадские и городские мастерские, складываются иконописные династии. В старообрядческих мастерских сохраняются прориси, иконописные подлинники, которые используют мастера, но подходят к написанию образа творчески, соединяя в клеймах восточную и западную традицию написания образа.

Иконы данного иконографического извода находятся как российских, зарубежных государственных, так и в частных собраниях — Брянском областном музейно-выставочном центре, в храмах гг. Новозыбкова. Клинцы, р.ц. Климово, в белорусском «Ветковском музее старообрядчества и белорусских традиций» (Гомельская область Республика Беларусь) в Черниговском художественном музее, Национальном Киево-Печерском историко-художественном музее (Республика Украина), у частных коллекционеров Брянской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Таранец, С.В.* Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX в.) / под ред. члена корреспондента НАН Украины Г.В. Боряка. В 2-х. т. Т. 1. Киев, 2012. 704 с. Т. 2. Киев, 2013. 688 с.
2. Спас Нерукотворный в русской иконе / авт.-сост. Л.М. Евсеева, А.М. Лидов, Н.Н. Чугреева. М.: ОАО «Московские учебники и Картография», 2005. 440 с.; ил.
3. Живая вера. Ветка=Living Fath. Vetka / сост. Г.Г. Нечаева, О.Д. Баженова; автор текста Г.Г. Нечаева, пер. на англ. Язык А.В. Вдовичев. Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. 472 с.: ил.
4. Православная икона России, Украины и Беларуси: к 1020-летию Крещения Руси. Минск, Белорусская Православная Церковь, 2008. 208 с.: ил.
5. Невьянская икона начала – середины XVIII века / авт.-сост. Е.В. Ройзман, М.В. Ратковский, В.И. Балдин. Екатеринбург: МНИ, 2014. 224 с., ил.
6. *Кочергина, М.В.* Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.) демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Монография. Брянск: Издательство «ООО Ладомир», 2011. 451 с.: ил. 15.
7. *Кочергина, М.В., Дзюбан, В.В.* Образы Святого Николы Чудотворца Отвратного в старообрядческой живописи Стародубья и Ветки: художественные особенности и специфика иконографии // Преподаватель XXI век. 2018. № 3 (2). С. 247–258.
8. *Кочергина, М.В.* Редкие иконографические сюжеты в старобрядческой иконописи Стародубья и Ветки (вторая половина XVIII – XX в.) // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2017. No. 3(43). P. 34–44. (in Russian)

REFERENCES

1. Kochergina M.V. *Starodube i Vetka v istorii russkogo staroobryadchestva (1760–1920 gg.) demograficheskoe razvitie staroobryadcheskih obshchin, predprinimatelstvo, duhovnaya zhizn, kultura. Monografiya*. Bryansk, Izdatelstvo «OOO Ladomir», 2011, 451 p. (in Russian)

2. Kochergina M.V. Redkie ikonograficheskie syuzhety v staroobryadcheskoj ikonopisi Starodubya i Vetki (vtoraya polovina XVIII–XX v), *Uchenye zapiski. Elektronnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, No. 3(43), pp. 34–44. (in Russian)
3. Kochergina M.V., Dzyuban V.V. Obrazy Svyatogo Nikoly Chudotvorca Otvratnogo v staroobryadcheskoj zhivopisi Starodubya i Vetki: hudozhestvennye osobennosti i specifika ikonografii, *Prepodavatel XXI vek*, 2018, No. 3 (2), pp. 247–258. (in Russian)
4. *Nevyanskaya ikona nachala – serediny XVIII veka*, avt.-sost. E.V. Rojzman, M.V. Ratkovskij, V.I. Baldin. Ekaterinburg, MNI, 2014, 224 p. (in Russian)
5. Petrov Yu.A. *Dinastiya Ryabushinskih*, Moscow, Russkaya kniga, 1997, 197 p. (in Russian)
6. *Pravoslavnaya ikona Rossii, Ukrainy i Belarusi: k 1020-letiyu Kreshcheniya Rusi*. Minsk, Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov, 2008, 208 p. (in Russian)
7. *Spas Nerukotvornyj v russkoj ikone*, avt.-sost. L.M. Evseeva, A.M. Lidov, N.N. Chugreeva. Moscow, Moskovskie uchebniki i Kartografiya, 2005, 440 p. (in Russian)
8. Taranec S.V. *Staroobryadchestvo v Rossijskoj imperii (konets XVII – nachalo XX v.)*, pod red. chlena korrespondenta NAN Ukrainy G.V. Boryaka, V 2-h. t., T. 1. Kiev, 2012, 704 p., T. 2. Kiev, 2013, 688 p. (in Russian)
9. *Zhivaya vera. Vetka=Living Fath. Vetka*, sost. G.G. Nechaeva, O.D. Bazhenova; avtor teksta G.G. Nechaeva, per. na angl. yazyk A.V. Vdovichev. Minsk, Belarus. Encykl. imya P. Broýki, 2012, 472 p. (in Russian)

Кочергина Марина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет МФЮА, kochergina_mv@mail.ru

Kochergina M.V., PhD (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Moscow University of Finance and Law, kochergina_mv@mail.ru

УДК 908.470
ББК 86.37

ПОЧИТАНИЕ ЧУДОТВОРНЫХ ИКОН В СМОЛЕНСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д.А. Ивочкин

Аннотация. *В статье впервые в краевой историографии Смоленской области предпринята попытка проанализировать феномен почитания чудотворных икон Смоленщины. На основе архивных документов, некоторые из которых впервые введены в научный оборот, раскрывается роль местночтимых образов в общественно-церковной жизни провинциального общества во второй половине XIX – начале XX века, а также определено значение икон для верующих.*

Ключевые слова: *Смоленская епархия, икона Богородицы «Одигитрия», «Надвратная Одигитрия», Луговская икона, Ордынская пустынь, Колочский монастырь, Рославльский монастырь.*

HONORING THE MIRACULOUS ICONS IN THE SMOLENSK DIOCESE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

D.A. Ivochkin

Abstract. *The article is the first in the regional historiography of the Smolensk region to attempt to analyze the phenomenon of honoring the miraculous icons of Smolensk. On the basis of archival documents, some of which were first introduced into scientific circulation, the role of locally reputed images in the social and church life of the provincial society in the second half of the XIX – early XX century is revealed, and the significance of icons for believers is also identified.*

Keywords: *Smolensk diocese, icon of the Virgin «Hodegetria», «Gate Hodegetria», Lugovskaya icon, Horde Desert, Koloch monastery, Roslavl Monastery.*

© Ивочкин Д.А., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Данная статья посвящена изучению феномена почитания местных святынь Смоленской епархии во второй половине XIX – начале XX в. Несмотря на то, что в настоящее время имеются серьезные работы по истории почитания местных святынь [1–3], на Смоленщине данная тема еще не достаточно освещена. Работы об истории святынь Смоленщины принадлежат дореволюционным историкам и современным исследователям [4–8].

Согласно принятой классификации, среди многочисленных типов святынь местного уровня чудотворные иконы занимают особое место. По мнению П.Г. Чистякова, можно говорить об иконах, признанных официально православием, и об образа́х «народного» православия, так называемых «деревенских святынях» [1, с. 4]. На территории Смоленской епархии имелись оба указанных типа чудотворных икон. В исследовании Н.В. Трофимовского «Историко-статистическое описание Смоленской епархии» приведено описание 1 иконы Спасителя, 24 о́браза Богородицы и 6 святых [4, с. 207–372]. Однако на территории Смоленской епархии почиталось гораздо больше икон, они имелись практически во всех церквах епархии. В 1860 г. их насчитывалось 750, к 1917 г. количество храмов возросло до 844 [9, с. 73, 123]. Но объем настоящей статьи не позволяет охватить все почитаемые народом образа́, поэтому мы обратимся к анализу почитания наиболее известных икон (как официально признанных, так и «народных») в заявленные хронологические рамки.

Чудотворные иконы, официально признанные Русской Православной Церковью

Главной святыней Смоленщины, официально признанной православием, с начала XII в. являлась Смоленская икона Божией Матери «Одигитрия». До 1611 г. она находилась в древнем Успенском соборе, построенном князем Владимиром Мономахом в 1103 г. Затем, после разрушения храма во время Смутного времени и возвращения Смоленска в 1654 г. Московскому государству, чудотворный образ до 1941 г. располагался в возведенном в 1670–1770 гг. Успенском кафедральном соборе. Ко второй половине XIX столетия икону Богородицы благоговейно почитали в Смоленске [10, с. 105–107]. На территории губернии насчитывалось 27 храмов, посвященных Одигитрии. К началу XX в. их количество достигло 29 [11, с. 5, 8]. Однако несмотря на такое почитание, чудотворный образ к этому времени, находясь в неотапливаемом соборе, стал «ветшать местами до гнилости» [12, с. 1238]. Кроме того, икона помещалась на опорном столбе храма на значительной высоте (2,45 м), и для желающих ей поклониться приставлялась подвижная деревянная лестница, «весьма неудобная и даже опасная, грозившая падением» [12, с. 1239]. Это требовало срочного вмешательства епархиальной власти. Устройство места для поклонения, подобающего иконе всероссийского масштаба, связано с именем архиепископа Смоленского и Дорогобужского Тимофея (Кетлерова), управлявшего епархией с 1834 по 1859 г., и старосты собора Я. Щекотова. Благодаря указанным ли-

цам, для Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрии» была изготовлена металлическая площадка с чугунной решеткой и лестницами. В 1858 г. Я. Щекотов по благословению владыки Тимофея начал сбор средств для площадки. Однако пожертвований было недостаточно, и купец выделил недостающую сумму из личных средств. В 1858 г. площадка с решеткой была установлена. Архиепископ Тимофей лично утвердил рисунок сооружения [там же, с. 1240].

В 1858 г. на средства Я. Щекотова над иконой был установлен пристолпный киот, изображающий коронование Богородицы [там же, с. 1244]. В 2010–2015 гг., по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла пристолпная икона «Коронование Пречистой Девы» отреставрирована [13, с. 79–80].

Смоленская икона Божией Матери «Одигитрия» играла большую роль в общественно-церковной жизни Смоленской губернии. Верующие видели в ней свою святыню, она, по выражению основоположника местного краеведения И.И. Орловского, была для них «небесным палладиумом» [14, с. 12]. Именно по инициативе граждан г. Смоленска перед «Одигитрией» по вторникам стал совершаться акафист. История возникновения этого богослужения, совершаемого в Смоленске и сейчас, такова.

7 августа 1858 г. жители Смоленска обратились к архиепископу Тимофею с просьбой установить в кафедральном соборе чтение акафиста, приложив к нему разработанное на основе древних чинов последование богослужения. На достаточно обширном прошении (8 листов) поставили подписи 300 смолян [15, с. 1321–1326].

Согласно существующему порядку, преосвященный Тимофей направил на имя губернатора отношение, в котором спрашивал начальника губернии об его мнении относительно просьбы горожан. Губернатор ответил, что с его стороны не имеется препятствий к установлению благочестивого обычая и просил владыку направить просьбу смолян в Святейший Синод на рассмотрение [16, д. 1084, л. 5].

Синод передал рапорт архиерея на изучение митрополиту Филарету (Дроздову). Владыка Филарет, ознакомившись с документами, направил в Синод заключение из 14 пунктов, которые содержали замечания относительно уставных моментов. В целом же иерарх считал, что совершение акафиста перед чудотворным образом «Одигитрии» можно учредить [там же, л. 6–6 об.; 7–12].

Указ Святейшего Синода был направлен в Смоленск в 1860 г. преемнику архиепископа Тимофея, преосвященному Антонию (Амфитеатрову) [там же, л. 13–15].

Еще одним фактом, иллюстрирующим значение Смоленской иконы Богородицы «Одигитрии» в общественно-гражданской жизни региона, может служить установленный для чиновников нерабочий день во время празднования дня «Одигитрии». Он появился по просьбе архиепископа Тимофея в 1854 г. и утвержден вследствие ходатайства губернатора Н.А. Ахвердова Государственным Советом [17, с. 13].

Кроме вышеуказанных фактов воздействия Смоленской иконы на общество, следует отметить, что древний образ способствовал всплеску патриотических чувств у провин-

циального населения. Во время коронования императора Александра II по инициативе смолян с иконы был изготовлен список и установлен в проездных воротах Смоленской крепостной стены [18, с. 6]. В 1896 г., по случаю коронации императора Николая II, копия «Одигитрии» от имени епископа, духовенства и мирян была поднесена царю [19, с. 451].

Еще одной святыней Смоленщины, признанной Церковью и почитаемой народом, являлась так называемая «Надвратная» икона Божией Матери «Одигитрии». Этот образ почитался в епархии даже больше, нежели древняя икона. Он появился в Смоленске при освящении крепостной стены в 1602 г. Долгое время в исторической науке считалось, что эта икона была написана в Москве и прислана в Смоленск Борисом Годуновым. Об этом так писали дореволюционные историки: «Осенью 1602 года стену освятили, причем, на главных воротах города, Днепровских, поставили в нише большую икону Божией Матери “Одигитрию”, копию с соборной иконы, присланную из Москвы царем Борисом Смоленску как образ покровительницы града и небесного стража новой крепости» [14, с. 156]. По имени правителя икону именовали «годуновской». Однако благодаря научной реставрации образа в 2012–2015 гг. и проведенному под руководством автора данной статьи исследованию было доказано, что «Надвратная» икона не является копией соборного образа и имеет свою, местную, смоленскую историю происхождения [8, с. 66].

С именем «Надвратной» иконы Богородицы связана Отечественная война 1812 года. Именно этот образ сопровождал русскую армию от Смоленска до Бородино, перед ним молился перед сражением М.И. Кутузов. Поэтому «Надвратная» икона почиталась в Смоленске как воинская святыня. Во время военных действий второй половины XIX столетия с нее изготавливались копии для передачи в действующую армию [17, с. 375], их дарили представителям Царствующего Дома. Так, в 1854 г. список с иконы через обер-прокурора Святейшего Синода был передан наследнику Александру Николаевичу, отправлявшемуся на фронт. Примечательно то, что инициатива создания списка принадлежала женщинам (дворянкам и гражданкам Смоленска) [20, с. 15–16].

С «Надвратной» иконой Богородицы совершали крестные ходы. Наиболее грандиозным был крестный ход, посвященный 100-летию Отечественной войны в 1912 г. Юбилейные торжества прошли по всей Смоленской губернии, праздник с большим размахом совершался в тех уездах, где проходили крупные сражения. Для торжественного крестного хода был разработан порядок отправления и следования чудотворного образа из Смоленска на Бородинское поле по Старой Смоленской дороге [21]. Церемониал разрабатывала специально учрежденная комиссия из светских и церковных лиц под председательством ректора Смоленской духовной семинарии архимандрита Дамиана (Воскресенского). Чтобы «поддержать торжественность» обстановки крестного хода, комиссия предложила направить на Бородинское поле духовенство (ректор семинарии и ключарь кафедрального собора), представителей

г. Смоленска по избранию Городской управы и 10 членов Смоленского общества хоругвеносцев [22].

Торжества начались 2 августа 1912 г. в Надвратной Одигитриевской церкви. Вечернее богослужение возглавил епископ Феодосий (Феодосиев). На следующий день, после литургии, совершенной при большом стечении богомольцев, икона Одигитрии была вынесена из храма и установлена на специальные носилки. Затем епископ Феодосий отслужил молебен и икона крестным ходом, в сопровождении градского духовенства, представителей гражданской власти и военного ведомства, городских и общественных учреждений направилась на Бородино. Вместе с ходом пошла «огромная толпа молящихся», провожали же образ из города более 30 тысяч человек [23, с. 808–809].

По пути из Смоленска на Бородинское поле «надвратный» образ посетил города Дорогобуж, Вязьму, Гжатск и 77 населенных пунктов Смоленского, Духовщинского, Дорогобужского, Вяземского и Гжатского уездов, совершил 18 ночевок. Везде икону встречали большие массы народа, торжества сопровождались патриотическим и религиозным подъемом населения [21; 24].

27 августа 1912 г., после юбилейных торжеств, икона отправилась в Смоленск по тому же пути, каким была принесена. 23 сентября чудотворный образ прибыл в город, где был встречен духовенством, представителями власти, учащими и учащимися городских учебных заведений, многочисленными верующими [25, с. 303].

Таким образом, анализ документов и литературы по истории почитания двух главных святынь Смоленщины — Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрии» и «Надвратной» иконы Божией Матери «Одигитрии» — позволяет сделать вывод, что обе чудотворные иконы играли важную роль в общественно-церковной жизни Смоленской епархии во второй половине XIX – начале XX в. Их почитание распространялось не только на территорию региона, но и выходило за его границы, что ставило иконы в разряд всероссийских святынь, причем «Надвратный» образ Богоматери считался воинской святыней.

В монастырях Смоленской епархии имелись свои почитаемые иконы. В данной статье, в силу ограниченных рамок исследования, рассмотрим историю и особенности почитания Тихвинской иконы Божией Матери (Спасо-Преображенский мужской монастырь г. Рославля), Колочской иконы Богородицы (Успенский Колочкий монастырь Гжатского уезда), Владимирской иконы Божией Матери (Ордынская Поречская пустынь Поречского уезда). Данные иконы выбраны нами в связи с тем, что их почитание сохранилось до наших дней.

В Спасо-Преображенском мужском монастыре хранится почитаемый верующими список с Тихвинской иконы Богородицы. Точно определить, с какого времени эта икона стала почитаться в монастыре. Ни один из исследователей истории православия на Смоленщине дореволюционного периода не упоминает ни о времени появления чудотворного списка в обители, ни тем более о сопутствовавших этому появлению чудесах [5, с. 15]. Нами в Государственном архиве Смоленской обла-

сти был обнаружен документ, раскрывающий обстоятельства появления иконы в обители. 7 января 1876 г. настоятель монастыря игумен Назарий направил епископу Иосифу отчет о жизни обители. На страницах документа имеются сведения и о почитаемом образе:

«В монастыре имеется чудотворная икона Тихвинской Богоматери. Она, по преданию, принесена <…> неизвестным юродивым Христа ради и оставлена на печи в кухне, где ночевал юродивый. По сновидению гражданки города Рославля, которая была больна, найдена и поставлена в храме Божием. Эта больная, по выздоровлении сделала на сию кону серебряно-вызолоченную ризу в 5 фунтов весу» [26, л. 24].

Из вышеприведенного документа мы не можем узнать о точном времени появления иконы. Нами сделано предположение, что Тихвинский образ появился в монастыре в первой половине XIX столетия. Эта гипотеза подтверждается рядом дореволюционных публикаций и архивными документами. Так, в 1781 г. игумен Илларион (Летяга) направил в Святейший Синод донесение о времени появления возглавляемого им монастыря, храмах, чудотворных иконах и т.д. Однако в донесении отсутствуют сведения о Тихвинской иконе Божией Матери [27, с. 83, 102]. Но в описи монастырского имущества, направленной в Синод 30 октября 1861 г., говорится об иконе, установленной в храме и украшенной серебряной ризой. Приводится и описание внешнего вида этой святыни монастыря [28, л. 9–10]. Следовательно, икона появилась в монастыре не позднее 1861 г.

Икона обители почиталась не только монашествующей братией, но и жителями города. Об этом свидетельствуют щедрые пожертвования на украшение образа. В 1891 г. риза, изготовленная исцеленной женщиной, была заменена новым серебряным окладом. Средства для этого были употреблены не из монастырского капитала [5, с. 18]. Перед Тихвинской иконой Богородицы служились молебны, ей особенно молились матери о здоровье своих больных детей. Эта традиция сохранилась до наших дней.

Если Тихвинская икона Богородицы почиталась, в основном, жителями города Рославля, то Колочский и Владимирский-Поречский образа́ почитались не только на Смоленщине. Колочская икона Божией Матери, обретенная 9 июля 1413 г., пользовалась большим почтением в соседней со Смоленской Московской губернии. В ее городах граждане желали иметь списки с чудотворного образа или на время принести в местные храмы подлинник. Об этом свидетельствуют документы из фондов Государственного архива Смоленской области [29, л. 1–1 об.].

Колочская икона Богородицы пользовалась особым почтением в соседнем с обителью городе Гжатске. Раз в два года в мае-июне чудотворный образ приносили из Колочского монастыря и недели на две или три ставили в местный Благовещенский собор. Во время пребывания иконы в соборе ее обносили по домам соборной стороны. Затем с крестным ходом образ переносили в Богоявленскую церковь, и после того, как все жители города обнесут его по домам, духовенство назначало день для обратного

выноса иконы из города. Тогда, по окончании литургии, икону торжественно провожали за границу города (около 3 верст), после чего ее принимали монахи и относили в монастырь на место постоянного пребывания [4, с. 358–359].

Ныне Колочская икона Божией Матери, как и до революции, почитается в возрожденном монастыре. Список с чудотворного образа имеется в Вознесенской церкви г. Гагарина (Гжатска) Смоленской области.

Владимирская-Поречская икона Божией Матери находилась в Ордынской Богородицкой мужской пустыни Поречского уезда Смоленской губернии. На протяжении почти пяти столетий этот монастырь являлся центром иноческой жизни Поречской земли. Пребывание здесь Владимирской иконы Богородицы способствовало притоку паломников и ставило обитель на видное место среди прочих монастырей Смоленской епархии. Образ славился своими чудотворениями по всей Смоленщине, икону часто приносили из пустыни в окрестные населенные пункты, а также в отдаленные города, такие как Велиж Витебской губернии, Торопец Тверской губернии, смоленские Белый и Поречье. Верующие просили священников, сопровождавших икону, занести ее в дома. Не оставалось ни одного жилища, где бы ни бывал образ [9, с. 86]. В честь Владимирской иконы в Ордынской пустыни был установлен ежегодный праздник 23 июня. В этот день число паломников достигало до 9 тысяч человек, так что все храмы обители не могли вместить молящихся. После литургии с чудотворным образом совершался крестный ход вокруг монастыря. В день Владимирской иконы недалеко от монастыря проходила ярмарка [9, с. 86–87]. О значимости и известности Владимирской-Поречской иконы Божией Матери в истории Русской Православной Церкви свидетельствует тот факт, что в книге «Царица Небесная, спаси землю Русскую» Владимирской-Поречской иконе посвящена отдельная статья [30, с. 317–318]. Сейчас икона Богородицы почитается в приходе, основанном на месте Ордынской Поречской пустыни.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX в. смоленские иконы, официально признанные Церковью, играли важную социально-общественную и религиозную роль не только в жизни Смоленской епархии и на смежных территориях, но и во всероссийском масштабе. К ним обращались как в радостные, так и в скорбные моменты. Их носили крестными ходами, с них делали списки, использовали в официальных церковных и государственных торжествах.

Образа «народного» православия

Кроме икон, официально признанных церковной властью чудотворными, на территории Смоленской губернии имелось много образóв, почитавшихся верующими на местах. Ареал почитания таких местночтимых икон обычно распространялся на территории приходов, реже — выходил за рамки их пределов. Как уже было сказано выше, практически во всех приходах Смоленщины имелись свои иконы. В рамках данной статьи рассмотрим историю иконы святителя Николая села Лугов Рославльского уезда, т.к. в на-

стоящее время она продолжает пользоваться народным почитанием, причем ее известность переросла уже границы некогда существовавшего прихода.

Икона святителя Николая (Луговская) появилась в начале XVIII столетия в Рославльском уезде возле родника в лесу на территории, принадлежавшей помещику Шупинскому. О времени, обстоятельствах появления и чудесах, происходивших от иконы, имеется достаточно обширная литература, как дореволюционных историков, так и современных, в том числе — и автора данного исследования [31; 7; 5]. Несмотря на то, что образ святителя Николая не был официально признан церковной властью, он пользовался поистине всенародным почитанием в городе Рославле Смоленской губернии. Начало почитания связано с избавлениями рославльчан от двух случаев холеры (в 1831 и 1848 гг.) и пожаров. Однако после указанных бедствий почитание о́браза не выходило из рамок прихода села Лугов, где он хранился. Но пожар 18 июля 1855 г., надолго разрушивший благосостояние Рославля, и очевидная помощь Луговской иконы святителя Николая, подняли образ на такую высоту народного почитания, которая сопоставима лишь с почитанием древних икон Богородицы в Колоче и Ордынской пустыни. В память о чудесном избавлении Рославля, «с разрешения высшего духовного начальства», в городе ежегодно летом стал совершаться Покаянный канон Андрея Критского, который по церковному уставу читается исключительно во время Великого поста. Об этом также имеются сведения в вышеназванных публикациях. Но, тем не менее, ни один исследователь, в том числе и автор данного исследования, до настоящего времени не могли найти документов, подтверждающих «разрешение высшего начальства». При работе над биографией архиепископа Тимофея, во время которого произошли описываемые события, в фондах Государственного архива Смоленской области автору удалось найти документ, проливающий свет на указанный вопрос. Документ впервые публикуется в настоящей статье.

«Его Превосходительству,
господину военному губернатору
города Смоленска и Смоленскому
гражданскому губернатору, генерал-
лейтенанту и кавалеру
Комиссии Высочайше утвержденной
для оказания пособия
погорельцам города Рославля
рапорт.

Обыватели города Рославля, пострадавшие от пожара, движимые чувством благодарности за оказываемое пособие им от доброхотных дателей, положили священным долгом навсегда при покаянном молебствии 18 июля, разрешенным Его Преосвященством Тимофеем, епископом Смоленским и Дорогобужским, поминать имена благотворителей своих о здравии, но так как жертвованные деньги высылаются без именных подписок, то и просили Комиссию исходатайствовать им список жертвовавших лиц, почему Комиссия честь имеет покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать начальничье распоряжение о высылке просимого погорельцами списка. 9 июня 1856 г.» [32].

Процитированный рапорт позволяет с уверенностью сказать, что разрешение церковной власти в лице

епископа Тимофея на совершение канона произошло в 1856 г., практически через год после пожара.

Крестные ходы с иконой святителя Николая из села Лугов в Рославль совершались до 1930-х гг. Затем чудотворная икона бесследно пропала. Однако святой источник, возле которого был обретен образ, верующие не забыли. Второе рождение он обрел в 1990-е гг. Благодаря цеху тепловых и подземных коммуникаций Смоленской атомной электростанции источник был облагорожен: над ним выстроена сень, недалеко воздвигнута часовня. В 2001 г. постановлением районной Думы муниципального образования «Рославльский район» источник села Луги включен в число наиболее важных объектов культуры и истории Рославльского района. Восстановлена и традиция совершения крестных ходов. Теперь они совершаются с иконой, написанной по сохранившейся фотографии старинного образа [7, с. 34–35]. Сейчас источник села Луги пользуется известностью не только в Смоленской области, но и за ее пределами. К роднику и иконе святителя Николая приезжают паломники со всей Росси и с других стран.

Анализ архивных документов и литературы позволяет сделать вывод, что во второй во второй половине XIX – начале XX в. на Смоленщине имелись два типа чудотворных икон. Все они пользовались почитанием верующих и играли важную роль в церковно-общественной жизни. Важен тот факт, что культ местночтимых икон оказался достаточно развитым, его сложившаяся структура оказалась весьма устойчивой: так, почитание всех упомянутых в исследовании икон, несмотря на сложную религиозную ситуацию советского времени, сохранилось практически во всех местах своего распространения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чистяков, П.Г.* Почитание местночтимых святынь в российском православии XIX – XXI вв. (На примере почитания чудотворных икон в Московской епархии): дис. … канд. ист. наук: 24.00.01. [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет]. М., 2005. 256 с.
2. *Маркелов, А.В.* Местночтимые иконы и святые в церковно-общественной жизни российской провинции второй половины XVII – начала XX в. (На примере вятской епархии): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. [Место защиты: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. Киров, 2011. 393 с.
3. *Романова, А.А.* Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI – начале XVIII в.: религиозная практика и государственная политика: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2016. 507 с.
4. *Трофимовский, Н.В.* Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864. 384 с.
5. *Рафаил (Ивочкин), иеромонах.* Паломник земли Рославльской. (Путеводитель по святым местам Рославльского района.) Рославль, 2002. 46 с.
6. *Аникеев, В.М.* Святыни и подвижники смоленские. Смоленск, 2009. 256 с.
7. *Гречин, Н., Гречина, Е.* Село Луги и его святыня. Смоленск, 2012. 112 с.

8. *Волкова, С.В., Рафаил (Ивочкин), иеромонах, Щенникова Л.А.* Возрожденная святыня. Надвратная Смоленская икона Божией Матери «Одигитрия». Научное издание. Смоленск, 2017. 192 с.
9. *Рафаил (Ивочкин), иеромонах.* Поречская земля: православные храмы. Смоленск, 2007. 184 с.
10. *Цветков, С.П.* Указатель церковных древностей г. Смоленска. Юбилейное издание Смоленского Церковно-Археологического Комитета в память столетия Отечественной войны 1812–1912. Смоленск, 1912. 148 с.
11. *Рафаил (Ивочкин), иеромонах.* Православные храмы Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Смоленск, 2017. 124 с.
12. *Грачев, В.* Об устройстве иконостаса и металлической решетки для чудотворной иконы Смоленской Богоматери – Одигитрии. (Историческая справка) // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1903. № 21. Отдел неофиц. С. 1237–1244.
13. *Дубровский, А.А.* Реставрация пристенных и пристолпных икон Смоленского Свято-Успенского кафедрального собора // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 2016. № 2(89). С. 72–80.
14. *Орловский, И.И.* Избранное. Составление, вступительная статья иеромонаха Рафаила (Ивочкина). Смоленск, 2011. 240 с.
15. *Грачев, В.* Ходатайство жителей г. Смоленска об учреждении в кафедральном соборе вечного торжественного акафистного служения в честь чудотворной иконы Смоленской Пресвятой Богородицы — Одигитрии // Смоленские епархиальные ведомости. 1903. № 22. Отдел неофиц. С. 1321–1326.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 139.
17. Смоленские воспоминания 1854 года // Памятная книжка Смоленской губернии на 1855 г. Смоленск, 1855. С. 13.
18. Смоленские воспоминания 1856 года // Памятная книжка Смоленской губернии на 1857 г. Смоленск, 1857. С. 6.
19. Высочайшая благодарность // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1896. № 10. Отдел офиц. С. 451.
20. *Ознобишин, Д.П.* Смоленская святыня. Листок из Смоленского дневника, воспоминаний туриста 1854 года // Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 г. Смоленск, 1856. С. 15–18.
21. Порядок торжественного отправления и следования иконы Божией Матери «Одигитрии» из надворотней Богоматерской города Смоленска церкви ко дню юбилея Отечественной войны — к 26 августа 1912 года на Бородинское поле по Старо-Московскому большаку // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1912. № 11. Отдел офиц. С. 225–234.
22. Доклад отца ректора семинарии Его Преосвященству // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1912. №14. Отдел офиц. С. 446–447.
23. Юбилейные торжества // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1912. №15. Отдел неофиц. С. 808–814.
24. Великий крестный ход // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1912. №15. Отдел неофиц. С. 820–821.
25. Возвращение иконы Божьей Матери // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1912. № 18. Отдел неофиц. С. 303.
26. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 161.
27. Дело о монастырях Смоленской епархии 1781–1783 гг. // Смоленская старина. Выпуск первый. Часть 2. Смоленск, 1911. С. 81–103.

28. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 3065.
29. ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 322. Л. 1-5; Д. 303.
30. Царица Небесная, спаси землю Русскую: Сказание о чудотворных иконах Богоматери и Ее милостях роду человеческому. М., 1993. В 2 книгах.
31. *Вознесенский, А., Гусев, Ф.* Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб., 1899. 732 с.
32. ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 462 (1856 г.).

REFERENCES

1. Anikeev V.M. *Svjatyni i podvizniki smolenskie*, Smolensk, 2009, 256 p. (in Russian)
2. *Carica Nebesnaja, spasi zemlju Russkuju: Skazanie o cudotvornyh ikonah Bogomateri i Ee milostjah rodu celoveceskomu,* Moscow, 1993, V 2 knigah. (in Russian)
3. Cistjakov P.G. *Pocitanie mestnoctimyh svjatyn v rossijskom pravoslavii XIX – XXI vv. (Na primere pocitanija cudotvornyh ikon v Moskovskoj eparhii)*: PhD dissertation (History). M., 2005. 256 p. (in Russian)
4. Cvetkov S.P. *Ukazatel cerkovnyh drevnostej g. Smolenska. Jubilejnoe izdanie Smolenskogo Cerkovno-Arheologiceskogo Komiteta v pamjat stoletija Otecestvennoj vojny 1812–1912.* Smolensk, 1912, 148 p. (in Russian)
5. Delo o monastyrjah Smolenskoj eparhii 1781–1783 gg., *Smolenskaja starina. Vypusk pervyj. Cast 2,* Smolensk, 1911, pp. 81–103. (in Russian)
6. Doklad otca rektora seminarii Ego Preosvjasenstvu, *Smolenskie eparhialnye vedomosti.* Smolensk, 1912, No. 14, Otdel ofic. pp. 446–447. (in Russian)
7. Dubrovskij A.A. Restavracija pristennyh i pristolpnyh ikon Smolenskogo Svjato-Uspenskogo kafedralnogo sobora, *Smolenskie eparhialnye vedomosti*, Smolensk, 2016, No. 2(89), pp. 72–80. (in Russian)
8. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti*, F. 1, Op. 4, D. 462, 1856.
9. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti*, F. 47, Op. 1, D. 161.
10. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti*, F. 47, Op. 1, D. 322, L. 1–5; D. 303.
11. Grachev V. Hodatajstvo zitelej g. Smolenska ob ucrezdenii v kafedralnom sobore vecnogo torzestvennogo akafistnogo sluzenija v cest cudotvornoj ikony Smolenskoj Presvjatoj Bogorodicy — Odigitrii, *Smolenskie eparhialnye vedomosti,* 1903, No. 22, Otdel neofic. pp. 1321–1326. (in Russian)
12. Grachev V. Ob ustrojstve ikonostasa i metalliceskoj resetki dlja cudotvornoj ikony Smolenskoj Bogomateri, Odigitrii. (Istoriceskaja spravka), *Smolenskie eparhialnye vedomosti. Smolensk,* 1903, No. 21, Otdel neofic., pp. 1237–1244. (in Russian)
13. Grechin N., Grechina E. *Selo Lugi i ego svjatynja,* Smolensk, 2012, 112 p. (in Russian)
14. Jubilejnye torzestva, *Smolenskie eparhialnye vedomosti*, Smolensk, 1912, No. 15, Otdel neofic., pp. 808–814. (in Russian)
15. Markelov A.V. *Mestnoctimye ikony i svjatye v cerkovno-obsestvennoj zizni rossijskoj provincii vtoroj poloviny XVII – nacala XX v.* (Na primere vjatskoj eparhii): PhD dissertation (History), Kirov, 2011, 393 p. (in Russian)
16. Orlovskij I.I. *Izbrannoe. Sostavlenie, vstupitelnaja statja ieromonaha Rafaila (Ivockina).* Smolensk, 2011, 240 p. (in Russian)
17. Oznobisin D.P. Smolenskaja svjatynja. Listok iz Smolenskogo dnevnika, vospominanij turista 1854 goda, *Pamjatnaja knizka Smolenskoj gubernii na 1856 g. Smolensk,* 1856, pp. 15–18.

18. Porjadok torzestvennogo otpravlenija i sledovanija ikony Boziej Materi “Odigitrii” iz nadvorotnej Bogomaterskoj goroda Smolenska cerkvi ko dnju jubileja Otecestvennoj vojny — k 26 avgusta 1912 goda na Borodinskoe pole po Staro-Moskovskomu bolsaku, *Smolenskie eparhialnye vedomosti*. Smolensk, 1912, No. 11, Otdel ofic., pp. 225–234. (in Russian)
19. Rafail (Ivockin), ieromonah. *Palomnik zemli Roslavlskoj*. (Putevoditel po svjatym mestam Roslavlskogo rajona), Roslavl, 2002, 46 p. (in Russian)
20. Rafail (Ivockin), ieromonah. *Porecskaja zemlja: pravoslavnye hramy*. Smolensk, 2007, 184 p. (in Russian)
21. Rafail (Ivockin), *ieromonah. Pravoslavnye hramy Smolenskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nacale XX vv.* Smolensk, 2017, 124 p. (in Russian)
22. Romanova A.A. *Pocitanie svjatyh i cudotvornyh ikon v Rossii v konce XVI – nacale XVIII v.:* religioznaja praktika i gosudarstvennaja politika: ScD dissertation (History). Saint Petersburg, 2016, 507 p. (in Russian)
23. *Rossijskij gosudarstvennyj istoriceskij arhiv*, F. 834, Op. 4, D. 3065.
24. *Rossijskij gosudarstvennyj istoriceskij arhiv*. F. 796. Op. 139. (in Russian)
25. Smolenskie vospominanija 1854 goda, *Pamjatnaja knizka Smolenskoj gubernii na 1855 g.,* Smolensk, 1855, P. 13. (in Russian)
26. Smolenskie vospominanija 1856 goda, *Pamjatnaja knizka Smolenskoj gubernii na 1857 g.*, Smolensk, 1857, P. 6. (in Russian)
27. Trofimovskij N.V. *Istoriko-statisticeskoe opisanie Smolenskoj eparhii,* Saint-Petersburg, 1864, 384 p. (in Russian)
28. Velikij krestnyj hod, *Smolenskie eparhialnye vedomosti*, Smolensk, 1912, No. 15, Otdel neofic., pp. 820–821. (in Russian)
29. Volkova S.V., Rafail (Ivockin), ieromonah, Sennikova L.A. *Vozrozdennaja svjatynja. Nadvratnaja Smolenskaja ikona Boziej Materi “Odigitrija”.* Naucnoe izdanie. Smolensk, 2017, 192 p. (in Russian)
30. Voznesenskij A., Gusev F. *Zitie i cudesa sv. Nikolaja Cudotvorca, arhiepiskopa Mirlikijskogo i slava ego v Rossii*. Saint-Petersburg, 1899, 732 p. (in Russian)
31. Vozvrasenie ikony Bozej Materi, *Smolenskie eparhialnye vedomosti*, Smolensk, 1912, No. 18, Otdel neofic., p. 303. (in Russian)
32. Vysocajsaja blagodarnost, *Smolenskie eparhialnye vedomosti*, Smolensk, 1896, No. 10, Otdel ofic., p. 451. (in Russian)

Ивочкин Демьян Анатольевич, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой богословских и церковно-исторических дисциплин; научный сотрудник, председатель Смоленского отделения Союза краеведов России, idar78@mail.ru

Ivochkin D.A., PhD in History, PhD in Theology, Associate Professor, Chairperson, Theological and Church Historical Disciplines Department; Researcher, Chairman, Smolensk Branch of the Union of Regional Studies of Russia, idar78@mail.ru

УДК 37.018
ББК 74.9

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.Н. МУРАВЬЕВА-ВИЛЕНСКОГО

Е.Б. Емченко

Аннотация. *М.Н. Маравьев-Виленский — видный государственный и военный деятель России. В течение двадцати лет (1842–1862 гг.) он возглавлял Межевой корпус и был попечителем Константиновского межевого института. Он стал инициатором многочисленных реформ в образовании, в результате которых институт приобрел статус высшего учебного заведения и превратился в одно из ведущих инженерных учебных заведений России. М.Н. Муравьев был не только организатором образовательного процесса, но и проявил себя как талантливый педагог, чья педагогическая деятельность началась с 14 лет в Московском обществе математиков.*

Ключевые слова: *Константиновский межевой институт, М.Н. Муравьев-Виленский, история образования в XIX веке в России.*

PEDAGOGICAL ACTIVITY OF M.N. MURAVYOV-VILENSKY

E.B. Emchenko

Abstract. *M.N. Muravyov is a prominent statesman and military figure of Russia. Heading the Boundary Corpus for 20 years, he was a Trustee of the Constantine Boundary Institute. He initiated numerous reforms in education, as a result of which the Institute acquired the status of a higher education institution and became one of the leading engineering institutes in Russia. M. N. Muravyov was not only the organizer of the educational process, but also proved to be a talented teacher, whose pedagogical activity began at the age of 14 in the Moscow society of mathematicians.*

***Keywords*:** *Constantine Boundary Institute, M. N. Muravyov-Vilensky, history of education in the XIX century in Russia.*

© Емченко Е.Б., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Граф М.Н. Муравьев-Виленский был видным государственным и военным деятелем России. Еще при жизни Михаила Николаевича (1896–1866) представителями революционного движения, народничества, а также некоторыми деятелями либерального движения, особенно после подавления восстания поляков в Северо-западном крае Российской империи в 1863 г., было сформировано крайне негативное к нему отношение: «вешатель», «людоед», палач, крепостник и т.д. Созданный миф прочно вошел в советскую историографию, и только в постсоветское время появилось множество исследований — монографий, диссертаций, статей, в которых предпринята попытка переосмыслить и по достоинству оценить деятельность этого незаурядного и неоднозначного государственного деятеля [1–7 и др.]. Основные темы этих исследований: история управления различными губерниями — Курской, Гродненской, Виленской, участие в декабристском движении, проект отмены крепостного права и др. В то же время до недавнего времени современные ученые практически не касались периода, когда М.Н. Муравьев возглавлял Межевой корпус и был попечителем Константиновского межевого института (1842–1862 гг.). Именно на этот период приходится пик педагогической деятельности М.Н. Муравьева, которая и стала предметом анализа в данной статье. Исключением можно считать две работы, посвященные деятельности М.Н. Муравьева как попечителя: «Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1789 год», написанный директором КМИ с 1864 по 1879 гг. А.Л. Апухтина (1822–1903 гг.) [8], и «Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК). История создания и развития. 1779–2004», автором-составителем которого является доктор географических наук, профессор МИИГАиК В.С. Кусов [9].

Книга А.Л. Апухтина (1822–1903) представляет очень подробную летопись института, которую он излагает с использованием архива института — отчетов, планов, разного рода записок, писем. Раздел книги, посвященный периоду попечительства М.Н. Муравьева, можно рассматривать как источник. А.Л. Апухтин был не только современником М.Н. Муравьева, он работал с ним и прекрасно знал. Поэтому в книге он делится как своими личными воспоминаниями, так и воспоминаниями преподавателей и воспитанников.

В монографии В.С. Кусова основное внимание уделено исследованию образовательной деятельности в КМИ, а также участию преподавателей и воспитанников в различного рода экспедициях и научных исследованиях, организованных М.Н. Муравьевым.

Большой объем информации о деятельности М.Н. Муравьева на этом посту содержится в архивных документах, прежде всего, сохранившихся в составе фонда 1295 (Канцелярия Главного директора Межевого корпуса и Управление межевой частью Министерства юстиции, г. Петербург) РГАДА.

Анализ этих источников и литературы позволяет предположить, что в истории российского образования М.Н. Муравьев был одним из самых юных преподавателей. Свою преподавательскую деятельность на общественных началах он начинает в

1810 г., когда ему было всего 14 лет. Являясь студентом физико-математического факультета Московского университета, при помощи своего отца Николая Николаевича Муравьева (1768–1840) он создает «Московское общество математиков».

Знаний, которые давал университет, ему явно было недостаточно. Увлечение математикой, видимо, началось с раннего детства, во многом благодаря отцу и домашнему образованию. Необходимо обратить внимание также на тот факт, что родной дед его Николай Ерофеевич Муравьев (1724–1770) генерал-инженер, будучи преподавателем Шляхетского кадетского корпуса, написал и издал в 1752 г. в Петербурге первую часть «Начального основания математики» (вторая часть осталась неизданной) и как опытный геодезист принимал участие в составлении «Инструкции» по генеральному межеванию Екатерины II. Увлечение математикой и любовь к преподавательской деятельности передались и его сыну Николаю Николаевичу Муравьеву, заботами своего отчима князя Александра Васильевича Урусова (1729–1813) окончившего Страсбургский университет, а также его внуку Михаилу Николаевичу [10, с. 5–6].

Любопытно, что деятельность деда со стороны матери Александры Михайловны Мордвиновой (1769–1809) — инженера-генерала Михаила Ивановича Мордвинова (1730–1782) также была связана с педагогической деятельностью. В 1775 г. он основал «Училище чужестранных единоверцев» («греческая гимназия») для воспитания и обучения привезенных из Греции и с греческих островов мальчиков для борьбы с Турцией. Под его управлением находились артиллерийские и инженерные кадетские корпуса.

Возможно, следуя семейной традиции и благодаря домашнему образованию и воспитанию, юный Михаил опережал университетскую программу.

«Московское общество математиков» располагалось в доме, принадлежавшем отчиму Н.Н. Муравьева князю Урусову на Большой Дмитровке, где стала жить его семья. Содержалось Общество за счет Н.Н. Муравьева. Слушателям были предоставлены необходимые книги и инструменты. Н.Н. Муравьев был избран президентом общества, а Михаил — вице-президентом и директором. Наравне с преподавателями Московского университета он читал бесплатные публичные лекции по аналитической и начертательной геометрии, которые отсутствовали в университетском курсе [5, с. 21–36].

Сохранился устав Московского общества математиков. Он был опубликован в воспоминаниях Николая Васильевича Путяты о Н.Н. Муравьеве. По уставу «истинная и чистейшая любовь к Отечеству» побудила к созданию общества, целью которого является распространение математических знаний: «преподавание, сочинение и переводы». Общество состоит из почетных и ординарных членов, из которых избирается президент, а из числа только «ординарных» — директор (Михаил Муравьев), секретарь и лекторы «по большинству голосов». Только президент имеет второй голос в случае «равенства голосов». В случае, если большинство не согласно с президентом, он не должен «противоречить» «ис-

полнению определения». Таким образом, одним из основных принципов Устава являлось демократическое устройство, а также определенная открытость Общества. Каждый месяц собирались «частные собрания», во время которых иногда проходили экзамены, и дважды в год собирались «общие собрания», куда приглашались «посторонние посетители», и экзамены проходили в их присутствии — своего рода публичные экзамены.

Лекторы ежемесячно сдавали отчет о пройденном материале. В случае нарушения слушателем «правил благопристойности» и «нерадения», лектор напоминал его обязанности, при повторном нарушении — докладывал директору, в исключительных случаях имел право «выставить» с лекции. Слушатели обязаны были во время лекции сохранять молчание, с уважением относиться к лектору, отвечать на поставленные лектором вопросы, «должны быть прилежны и рачительны» и каждые шесть месяцев сдавать отчет «в своих успехах и знаниях», иначе последует исключение из числа слушателей [11, с. 23–30; 10, с. 53–68]. Среди лекторов были студенты и преподаватели Московского университета, в частности, математик и в будущем ординарный профессор и декан отделения физических и математических наук Павел Степанович Щепкин (1793–1836).

В апреле 1811 года устав был «высочайше» одобрен по представлению министра просвещения. Деятельность Московского общества математиков была прервана войной. 23 декабря 1811 г. юный Михаил в 15 лет поступает в школу колонновожатых в Петербурге, сдав экзамен по математике академику С.Е. Гурьеву (1766–1813), и становится дежурным смотрителем над колонновожатыми и преподавателем математики, а затем экзаменатором при Главном штабе [12].

Участие в войне, тяжелейшее ранение в Бородинском сражении и возвращение на военную службу, безусловно, оказали значительное влияние на М.Н. Муравьева. Сформировалась требовательность к себе и другим, радикальный патриотизм, рыцарское отношение к службе («готов жертвовать собою»), личное бескорыстие и т.д. [5, с. 34–36].

К преподавательской деятельности, которую он воспринимает как служение Отечеству, он возвращается в 1815 г., параллельно участвуя в первых декабристских организациях «Союз Спасения» и «Союз благоденствия».

По предложению начальника Главного штаба Его императорского величества князя Петра Михайловича Волконского (1776–1852) в начале 1815 г. Н.Н. Муравьев учредил в том же доме на Большой Дмитровке, который перешел ему в наследство, и на тех же основаниях, что и Московское общество математиков, то есть на свои средства, знаменитое «Московское учебное заведение для колонновожатых». Летом 1815 г. его слушатели отправились на практику в усадьбу «Александровское-Осташево», принадлежавшую Муравьевым, куда в сентябре 1815 года поправить свое здоровье после службы на Кавказе приехал Михаил. Столкнувшись с «разгульным» образом жизни молодых людей, которые пользовались добротой и «мягкосердечием» его отца, он понял, что ему необхо-

дим помощник. После беседы с отцом «по общему соглашению» был составлен план устройства заведения. Для преподавания математики на безвозмездной основе были приглашены профессора московского университета П.С. Щепкин и Ф.И. Чумаков (1782–1837). Для поднятия дисциплины для слушателей были сшиты мундиры. В 1816 г. после посещения Московского заведения императором и князем Волконским, двадцатилетний поручик Генерального штаба М.Н. Муравьев был прикомандирован к учебному заведению своего отца. Именно благодаря участию Михаила Николаевича был продуман и рассчитан учебный план, составлены программы дисциплин и, самое важное, 23 октября 1819 г. князем Волконским был утвержден устав. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию: предполагались «самые строгие меры для прекращения всяких благородному званию неприличных поступков» [10, с. 92–98]. По воспоминаниям тогдашнего слушателя и декабриста Н.В. Басаргина, М.Н. Муравьев, в отличие от своего отца, очень строго следил за дисциплиной. Колонновожатые, как юнкера, не имели права ездить, а должны были ходить пешком. Только в минус 15° мороза разрешали надевать шинели. В результате Н.В. Басаргин простудился, так как с конца января четыре раза в день в одном мундире шел от Каменного моста, где он жил, до Большой Дмитровки. Болея, он продолжал заниматься дома, попросив колонновожатых из старших классов ему помочь. Как он вспоминает, «сами офицеры на дому своем охотно занимались с теми, кто просил их показать что-нибудь непонятное им. Случалось даже обращаться за пояснениями к самому генералу, и он всегда с удовольствием удовлетворял нашу любознательность. Этот дух товарищества и взаимного желания помогать друг другу был следствием того направления, которому он умел подчинить наши юные умы». Однако его сын заметил, что «некоторые из колонновожатых в низших классах иногда ложно сказываются больными и пропускают лекции, свободно гуляя по столице. Для прекращения этого беспорядка он испросил у отца разрешение отправлять «показывающихся больными в военный лазарет». Это его распоряжение многие посчитали оскорбительным и несправедливым. Когда очередной раз Басаргин не смог явиться на занятия из-за болезни, он получил записку от дежурного офицера, что, если он не явится в классы, то он будет отправлен в больницу, где он не смог бы продолжить свои занятия. Поэтому, несмотря на свою болезнь, он поехал к Николаю Николаевичу: «С волнением, почти со слезами, рассказал я ему об оскорблении, которое чувствовал, и о том, как мало заслужил подобную строгость». «Добрый Николай Николаевич, видя, что я говорю правду», разрешил не только остаться дома до полного выздоровления, но пообещал поговорить с сыном [13].

Однако впоследствии, когда М.Н. Муравьев станет попечителем Константиновского Межевого института, он будет применять очень многие педагогические принципы своего отца. По воспоминаниям Николая Васильевича Путяты, его отец обладал даром слова, умел прекрасно объяснять, обладал «искусством ожив-

лять и разнообразить» предметы. Н.Н. Муравьев был прекрасным лектором, которые пользовались большим успехом у слушателей. Николай Николаевич старался «замечать и развивать способности к образованию» своих учеников. Таких офицеров он переводил на преподавательскую работу: А.П. Болотов, князь В.М. Шаховской и др. Точно так поступал впоследствии и его сын, выделяя успешных воспитанников КМИ, давая возможность им продолжать совершенствоваться в своих знания в Академии наук и европейских университетах. И для отца, и для сына главным в учении было — «возбудить любовь к наукам» и «доставить средства заниматься ими в продолжении жизни» [11, с. 10, 14–15].

Кроме того, несмотря на сословный характер образования в николаевской России, во время топографической практики в Осташеве привлекались дети кантонистов, один из которых А.Н. Мамонтов стал преподавателем геодезии в КМИ и дослужился до полковника. В 1821 г. при Генеральном штабе был образован особый корпус топографов из 20 детей кантонистов [там же, с. 16–17].

До 1823 г. Н.Н. Муравьев возглавлял училище, пока не разорился. Также из-за проблем со здоровьем он отказался от дальнейшего заведования своим заведением. Оно просуществовало до 1826 г., выпустив 138 офицеров, из которых 127 было зачислено в свиту Императора по квартирмейстерской части. Спустя некоторое время, оно было закрыто, так как многие из офицеров (22 человека) были замешаны в восстании декабристов. Дом в Москве и имение впоследствии были проданы за долги. Среди выпускников Муравьевского училища многие известные геодезисты: Павел Алексеевич Тучков (1803–1864) — директор Военно-топографического депо Генерального штаба (1843–1855), действительный член Русского географического общества с 1845 г. и московский генерал-губернатор с 1859 г.; Михаил Павлович Вронченко (1802–1855) — один из руководителей топографо-геодезических работ, участник разведывательной военно-географической экспедиции в Малой Азии, переводчик Шекспира, Гете и Мицкевича; Алексей Павлович Болотов (1803–1853) — автор учебника по геодезии; Александр Фомич Вельтман (1800–1870) — картограф, лингвист, археолог, поэт и писатель. Директор Оружейной палаты (1852–1870), член-корреспондент Академии наук (1854 год), действительный член Русского археологического общества (1869 год) и др.

Успех педагогической деятельности Николая Николаевича Муравьева повторил и его сын М.Н. Муравьев, обладавший опытом совместной с ним педагогической деятельности.

2 октября 1842 г. сенатор и тайный советник М.Н. Муравьев был назначен главным директором Межевого корпуса и попечителем Константиновского межевого института. Специальные (профессиональные) учебные заведения учреждались не при Министерстве просвещения, а при различного рода ведомствах и других министерствах. КМИ находился в ведомстве Министерства юстиции вместе с элитарным училищем правоведения. Оба учебных заведения были закрытыми. Но если училище право-

ведения с 1835 г. было «перворазрядным», учебные программы в КМИ совмещали два уровня образования — среднее и частично высшее. Поэтому на момент прихода М.Н. Муравьева его нельзя назвать высшим учебным заведением. Директором Межевого института еще в 1840 г. был назначен Н.П. Смецкой (1840–1856), с которым будет работать в течение почти 14-ти лет М.Н. Муравьев. Затем шесть лет — с Н.Г. Лашкаревым (1856–1864 гг.).

В Межевом архиве РГАДА находится фонд Главного директора Межевого корпуса. В нем сохранились тысячи дел, которые дают представление об огромной роли попечителя в развитии образования в институте: ежедневная переписка с директором — по несколько писем на разные темы каждый день, еженедельные отчеты института: об успеваемости и поведении каждого воспитанника, любых изменениях и событиях, которые происходят в институте, ежемесячные ведомости хозяйственной деятельности, годовые отчеты. Окончательное решение всех вопросов было за попечителем. Самое главное, все внешние связи: с министерством юстиции, академией наук, университетами и другими учебными заведениями, известными учеными, Государственным советом, Межевой канцелярией, губернаторами, Российским географическим обществом, наконец, императором, а также учебные программы и планы, устав, приглашение преподавателей, надзирателей, участие в научных исследованиях и т.п. — все решал попечитель.

Надо сказать, что двадцатилетнее (1842–1862) попечительство М.Н. Муравьева стало одним из самых ярких периодов в развитии КМИ, так как кардинальные преобразования в институте с его приходом не прекращались в течение всего времени, даже тогда, когда он стал членом Государственного совета, Министром государственных имуществ, вице-президентом РГО и участвовал в подготовке проектов отмены крепостного права.

Чтобы познакомиться с институтом, М.Н. Муравьев отправился в Москву, где остановился в одном из помещений на первом его этаже (с ноября 1842 г. по февраль 1843 г.). В письмах М.Н. Муравьева Д.М. Перевощикову и Ф.Л. Морошкину с приглашением их на встречу к нему домой упоминается квартира, которую он занимает в институте, «что на старой Басманной в приходе Никиты мученика» [8, с. 80–83; 14, д. 3622, л. 262–263 об.]. Главная цель — поднять уровень образования в КМИ. Сразу же последовали первые распоряжения: составление новых программ по каждой дисциплине, приобретение книг для библиотеки, заказ различных инструментов как в отечественных мастерских, так и заграницей. По его инициативе в 1843 г. был приобретен литографический станок для печати необходимых для обучения воспитанников материалов [4, с. 103].

В 1843 г. по его распоряжению создается «музеум» — физический, механический, геодезический и архитектурный, а затем минералогический «кабинеты» — шкафы со стеклами для инструментов, моделей, образцов горных пород, реактивов и т.п., расположенные в актовом зале [14, д. 5176, л. 2-3 об.; д. 3039, д. 3611.]. По инициативе М.Н. Мура-

вьева были организованы публичные лекции.

27 апреля 1844 г. «высочайше утвержден» новый устав, в котором КМИ назван «главным учебным заведением» в подготовке землемеров. Преподаватели в высших классах должны иметь университетское образование. Жалование и чинопроизводство директору, инспектору, надзирателям и преподавателям было значительно повышено. Число воспитанников, принимаемых с 12 лет, увеличивается до 200, учебный курс — с 4-х до 6-ти лет, а количество преподаваемых дисциплин — с 11-ти до 17-ти. Воспитанники КМИ стали выпускаться старшими землемерными помощниками с чином 12 класса. Создан новый орган управления в институте — «конференция», которая должна была решать проблемы, связанные с учебным процессом [4, с. 103–110].

Новый устав 27 апреля 1844 г. означал переход к высшему образованию. В одном из документов Министерства юстиции отмечается, что такие же права при чинопроизводстве получают выпускники лицеев, Училища правоведения, Главного Инженерного и Артиллерийского, Морского кадетских корпусов, Институтов путей сообщения и Горного, Учебного отделения для восточных языков при азиатском департаменте МИД, Строительного училища при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий [14, д. 3622, л. 369–370 об.]. Весной 1848 г. М.Н. Муравьев в донесении министру юстиции В.Н. Панину объясняет, что в КМИ преподаются некоторые науки (сферическая тригонометрия, практическая механика, общий обзор судопроизводства и учреждений, минералогия и геодезия и др.), которых нет в других учебных заведениях, готовящих землемеров. «КМИ — высшее учебное заведение по межевой части», — заключает М.Н. Муравьев [там же, д. 5350, л. 2–2 об.].

М.Н. Муравьев, всегда поощрявший стремление к учебе, был очень рад тому, что ряд воспитанников, желавших «получить, по возможности, высшее образование», обратились за разрешением прослушать курсы геодезии и минералогии», и попросил директора от своего имени похвалить их [там же, д. 3595, л. 1–2].

Большое внимание стало уделяться знанию немецкого и французского языков, преподавателями которых были носители языка [там же, д. 3876, лл. 27 об. – 34, 38 об. – 39] . По предписанию М.Н. Муравьева французский и немецкий языки в высших классах воспитанники должны знать «совершенно» — читать книги без всякого затруднения и делать переводы «безостановочно самых разных сочинений, принимая в том числе меры, чтобы воспитанники по возможности могли и объясняться на этом языке» [там же, д. 9179, л. 30–33]

М.Н. Муравьев придавал большое значение роли надзирателей, которые обязаны были следить за успехами воспитанников в учебе и за развитием нравственности: любовь к труду, уважение к родителям и старшим и безусловное повиновение начальству [8, с. 97–98], а также пожелал, чтобы надзиратели, кроме «совершенной нравственной благонадежности, имели бы знания в котором-либо из языков, французского или немецкого» [14, д. 2849. л. 3–4.]. В результате в 1848 г., как следует

из формулярного списка чиновников КМИ за 1848 г., пять надзирателей были выпускниками юридического и философского факультетов Московского университета, попавших в институт сразу же после завершения учебы. Один из надзирателей — выпускник Артиллерийского училища [там же, д. 5796].

С конца августа и до начала октября 1844 г. М.Н. Муравьев находился в Москве, чтобы наладить учебный процесс по новому уставу; изменить учебный план и составить новые программы дисциплин. Главным при составлении программ М.Н. Муравьев считал научить воспитанников применять теоретические знания на практике [8, с. 99–100]. Для обсуждения программ он приглашает профессоров университетов: астронома А.Н. Савича (1810–1883), астронома и математика Д.М. Перевощикова (1788–1880), юриста Ф.Л. Морошкина (1804–1857), математика Н.Е. Зернова (1804–1862), биолога К.Ф. Рулье (1814–1854), филолога С.П. Шевырева (1806–1864) [14, д. 5906.], профессора Военной академии А.П. Болотова (1803–1853) [там же, д. 5459, л. 16] и др. Несколько воспитанников были посланы слушать лекции известных ученых в Петербурге — академика А.К. Купфера (1799–1865), профессоров А.Н. Савича и В.Я. Струве (1793–1864). Еженедельно они обязаны были давать письменные отчеты М.Н. Муравьеву о пройденном материале [там же, д. 5491, лл. 46–49 об., 54–57, 60–62 и др.].

М.Н. Муравьев дополнительно вводит преподавание практической астрономии, для чего в 1846 г. в институте строится астрономическая обсерватория, обустроенная инструментами, заказанными за границей [там же, д. 5491; 8, с. 105–106]. При обсерватории читать публичные лекции согласился адъюнкт московского университета А.Н. Драшусов (1816–1890) [14, д. 5454, 5954], а в 1852 г. для преподавания астрономии был приглашен Б.Я. Швейцер (1816–1873).

15 апреля 1849 г. КМИ посетил император Николай I, и институт получил права перворазрядного учебного заведения и военное устройство. Выпускным стал 8-й класс с добавлением новых дисциплин — минералогии и геогнозии, глазомерной съемки (по рекомендации императора), составление статистических и топографических описаний края. Выпускники становились прапорщиками и подпоручиками [8, с. 120].

М.Н. Муравьева волновало, чтобы «военное устройство» института не привело к тому, чтобы институт выпускал военных топографов. В Межевом корпусе ему самому были нужны люди образованные, поэтому изучение военных наук было ограничено изучением разных родов войск, управлением и умением составить военные маршруты и топографические описания [там же, с. 128–130].

Лучшие выпускники отправляются служить в Пулковскую обсерваторию и в обсерваторию Горного института. Преподаватели высшей геодезии, межевых законов, практической механики, астрономии и математики получали права, дарованные профессорам военной академии [там же, с. 124].

За десять лет преобразований М.Н. Муравьева КМИ становится престижным инженерным вузом. Кроме того, в начале 1850-х годов институт

еще дважды посещает император, члены императорской фамилии и различные должностные лица: великие князья Николай и Михаил Николаевичи, попечитель Московского учебного округа генерал-адъютант В.И. Назимов (1802–1874), приехавший в институт по совету императора, принц Петр Георгиевич Ольденбургский, цесаревич-наследник Александр и великий князь Николай Николаевич [там же, с. 126].

В 1852 г. заработала магнитная обсерватория. Для преподавания минералогии и геогнозии был приглашен ученый минералог И.Б. Ауэрбах (1815–1867). Обучать выпускников читать писцовые книги и древние документы в дополнение к всеобщей и русской истории начал И.Е. Забелин (1820–1909). Были введены пение, танцы и обучение гимнастике. Для подготовки преподавателей был образован 9-й офицерский класс, состоящий из двух лет обучения. М.Н. Муравьев привлекает воспитанников и преподавателей участвовать в научных экспедициях, в том числе организованных РГО, и для геодезических работ для составления атласа Российской империи» [там же, с. 161–163; 9, с. 116].

Занимая в середины 1850-х годов несколько государственных постов, М.Н. Муравьев не прекращает совершенствовать образование в институте. С конца июля до 11 сентября 1855 г. он находится в Москве и, уезжая, оставил своего помощника полковника И.М. Гедеонова (1816–1907), которого назначил председателем Межевой канцелярии. Гедеонов начинает контролировать учебный процесс, докладывая обо всем попечителю, который, в свою очередь, продолжает заботиться об институте и его воспитанниках. В 1858 г. была устроена лаборатория для фотографирования и копирования межевых планов, карт и т.п. [8, с. 171–172], учреждена должность врача, все военные межевые чины, занимающие должности в институте, уравнены в жалованье с соответствующими должностями в военно-учебных заведениях.

Для понимания педагогических взглядов М.Н. Муравьева представляется важным его отношения к воспитанникам. Просматривая ежемесячные отчеты директора Н.П. Смецкого об успеваемости и поведении воспитанников, М.Н. Муравьев обратил внимание на то, что в институте существуют телесные наказания. Он пишет секретное предписание, в котором обращает внимание, что «подобное наказание уставом института не полагается и должно быть употребляемо в самых крайних случаях за какие-либо особенно важные проступки», поэтому он просит на будущее объяснять причины, «побуждающие … обратиться к сей мере». Директор в рапорте ответил, что воспитанники «наказаны были за большую ленность и нерадение в науках» [14, д. 257, лл. 57–57 об., 62]. В конечном счете, М.Н. Муравьев соглашается на использование телесных наказаний, доверяя решение Н.П. Смецкому: «…из опыта будучи уверен в неустанном попечении Вашем о нравственности воспитанников вверенного Вам института и о благоразумных мерах, принимаемых вами к прекращению беспорядков, я представляю Вам на прежде существовавшем основании употреблять меры телесного наказания».

Однако он просит о необходимости каждый раз сообщать ему о причинах, чтобы быть уверенным в том, «что вообще мера эта будет разрешаема только в крайних случаях, когда никакие предварительные взыскания не достигли желаемой цели» [там же, д. 2527, л. 195–197]. Так, узнав, что телесно наказан уже взрослый 16-летний воспитанник, М.Н. Муравьев задает вопрос директору, за что он наказан и «не лучше ли исключить его ныне уже из института» [там же, д. 1751. л. 172–172 об.]. Не меньше его волнует количество больных воспитанников, их заболевания, какие принимаются меры к их лечению [там же, д. 2527. л. 61, 67–67 об.].

По утверждению А.Л. Апухтина, сам Н.П. Смецкой неоднократно заявлял, что детей необходимо любить и их доверие можно заслужить «ласковым и ровным, но отнюдь не слабым обращением» [8, с. 131]. Своих надзирателей и учителей он убеждал в том, что отношение к воспитанникам должно быть похоже на родственные отношения старших и младших и «что одною только любовью к своему делу и достоинством личным можно родить непринужденное повиновение и привязать к себе детей», а укреплению этих отношений способствует «постоянно ровное, ласковое обращение с детьми и благоразумная строгость, основанная на любви к ним» [там же, с. 77]. Н.П. Смецкой был человеком служебного долга, безукоризненно честным и преданным своему делу [там же, с. 70–71]. По его завещанию на его могиле будут написаны слова «Николай Смецкой считал лучшим временем своей жизни 15,5 лет, проведенных им в звании директора Константиновского межевого института» [там же, с. 175; 15, с. 119–123]. Видимо, традицию телесных наказаний, надо сказать довольно редких в институте и только в младших классах, было трудно переломить в то время, когда они существовали абсолютно во всех учебных заведениях, зачастую нелепым образом переплетаясь с искренней любовью к воспитанникам и заботой о них.

В 1842/43 учебном году — первом учебном году своего попечительства М.Н. Муравьев меняет правила приема экзаменов. В первую очередь, он создает «экзаменный комитет», состоящий из директора, инспектора, младшего члена Межевой канцелярии, и в выпускном классе — директора чертежной Межевой канцелярии. Баллы выставляются «по общему согласию» всех членов комитета. Вопросы в билетах должны соответствовать программам. В математических науках, геодезии и землемерии, межевых законах и межевом делопроизводстве особенно обращать внимание следует на «практическое прилежание». Необходимо строго следить за тем, чтобы «не допустить предварительного выбора билетов. Воспитанникам для подготовки к ответу надо дать столько времени, сколько им необходимо. Застенчивых и робких, но прилежных и знающих предмет, надо поддерживать, если они из-за своей робости сбиваются в ответах. Необходимо учитывать работу воспитанников в течение года. Следует обязать преподавателей, чтобы они следили за тем, чтобы воспитанники в свободное время занимались повторением пройденного, и помогать им «по предметам

более затруднительным». Когда экзамены закончатся, «экзаменный комитет» должен дать свое заключение и в протоколах по каждому классу объяснить причины «оставления в прежнем классе» или «удостоенных к выпуску». При выставлении оценок необходимо следовать «строгой справедливости и правильной уравнительности за успехи в науках, так и в нравственности». «Экзаменные листы» и протоколы должны быть представлены попечителю.

На публичном экзамене должны были присутствовать: товарищ Главного директора Межевого корпуса, все члены Межевой канцелярии и исправляющий должность директора чертежной, а также как можно больше «почетных посетителей». В заключение М.Н. Муравьев пообещал быть на экзаменах лично [14, д. 2479. л. 5–17 об.].

А.Л. Апухтин приводит воспоминания воспитанников, которые «его не боялись», потому что при нем было отвечать легче…», хотя «он доводил их, по их выражению, до третьего поту». Он прислушивался к чужому мнению и мог поменять свое. М.Н. Муравьев старался присутствовать на всех экзаменах, особенно на экзаменах по математике, геодезии и астрономии, смотрел чертежи [8, с. 135–136].

Представляется интересным, что с возрастом при всей своей требовательности в отношении к своим воспитанникам он начинает проявлять такие качества своего отца, как добросердечие и желание, насколько возможно, помочь даже не очень успешному воспитаннику исправить свое положение. Несмотря на заключение «экзаменного комитета» с рекомендацией об исключении не подающих надежды воспитанников, он сообщает, что он предварительно желает лично их видеть в будущий свой приезд в Москву, просит оставить их в классе, принять «возможные меры к поощрению их к лучшему учению, объявив им, что с приездом моим в случае дальнейшего их нерадения… будут исключены из института» [14, д. 2479. л. 150–154].

Получая от Н.П. Смецкого списки воспитанников, рекомендованных к исключению, М.Н. Муравьев не спешит их утверждать. Так, он не соглашается с исключением воспитанника Василия Григорьева и предлагает оставить его на второй год, так как ему всего 13 лет и нельзя судить «о дальнейшем развитии его способностей», «внушив» ему, что «ему оказана милость, которую он должен заслужить своим старанием в учебе и поведении…». Он согласился на исключение только, когда узнал от директора, что Григорьев, по заключению доктора, оказался «болен головою», которая была «сильно ушиблена им дома» [14, д. 2479, л. 150–154 об., 177–178]. В 1846 г. Н.П. Смецкой предлагает исключить воспитанника Аксенова, который отличается «ленностию». В ответ М.Н. Муравьев разрешил допустить Аксенова к экзаменам [там же, д. 3882, л. 3–3 об.]. Следом Н.П. Смецкой предложил исключить из воспитанников Якова Лукина, который позволил «неприличные выходки во время пения вечерней молитвы». В ответе директору Н.М. Муравьев написал, что «приняв… во внимание молодость его», а «также удовлетворительные успехи в учении, не зная обстоятельств проступка», ему труд-

но решить вопрос об его исключении. Поэтому необходимо сообщить все подробности происшествия, а пока ограничить наказание, отправив его в «уединенную комнату» [там же, д. 5372, л. 4–5].

В ответ на решение «экзаменного комитета» исключить «малоуспешных» трех воспитанников в предписании от 26 августа 1846 г. М.Н. Муравьев отказался поддержать решение комитета: воспитанник Прутковский учится в институте только один год, а по уставу увольнение возможно только через два года, Демидову — 13 лет, Делюсто — 14 лет и он является одним из лучших по искусству, поэтому его следует оставить до января 1847 г., проведя дополнительное испытание. Муравьев неоднократно повторяет, что воспитанникам следует внушить, чтобы, воспользовавшись милостью начальства, они старались оправдать ожидания успехов в учебе и поведении. Он также настоял на оставлении воспитанника 7-го (младшего) класса Николая Орлова, рекомендованного «экзаменным комитетом» к возвращению к родителям, еще на один год [там же, д. 4868, л. 229–232]. Однако в сентябре директор сообщает об исключении и отправке к родителям всех четырех воспитанников, как не оправдавших надежд [там же, д. 4868, л. 242–243].

При утверждении переводов воспитанников в высшие классы в 1849 г. М.Н. Муравьев приказал передать воспитаннику Померанскому, что его следовало бы исключить из института, но «он оставлен в заведении по уважению к молодости», и если он в будущем году не исправится, то будет исключен [там же, д. 6653, л. 3]. Таким образом в период своего попечительства М.Н. Муравьев, не соглашаясь с мнением директора, а иногда даже «экзаменного комитата», неоднократно выступает против исключения нерадивых воспитанников, надеясь на их исправление.

В 1846 г. директор обратил внимание на то, что при поступлении в институт на казенное содержание преимущество имеют дети из обеспеченных семей, чьи родители имеют возможность лучше подготовить своих детей к вступительным испытаниям, хотя они впоследствии «не показывают должных успехов». В то же время дети бедных родителей, но с отличными способностями, лишены средств для подготовки. Директор предложил определять на вакансии казенных пансионеров тех детей (при условиях, положенных §18-м устава), родители которых представляют законное свидетельство о совершенно бедном состоянии…» [там же, д. 4868, л. 199–199 об.]. Надо сказать, что М.Н. Муравьев посчитал это предложение справедливым, но попросил обойтись без требования официальных документов о бедности [там же, д. 4868, л. 213–215 об].

Все увеличивающаяся учебная нагрузка вызывала недовольство директора. Он считал, что усвоить требуемый объем знаний очень сложно. Воспитанники из-за этого не рассчитывают на успешное завершение обучения, что, в свою очередь, «порождает у них лень», и некоторых из них приходится исключать. Однако М.Н. Муравьев настаивает на своем: следует лучше следить за воспитанниками низших классов, а с теми, кто не успевает, проводить дополнительные занятия [8, с. 149–150].

После экзаменов в 1854 г. 22 человека были исключены и 14 человек остались второгодниками. М.Н. Муравьев объявил выговор инспектору и потребовал усилить надзор как за воспитанниками, так и за теми преподавателями, у которых воспитанники не сдали экзамены. Кроме того, обратил внимание на учебные пособия, в которых следует устранить недостатки. В связи с тем, что практически перестали собираться «конференции», потребовал возобновить их работу, увеличив состав. В частности, были включены председатель Межевой канцелярии и помощник управляющего Межевым корпусом. М.Н. Муравьев, негативно относившийся к переэкзаменовкам, их разрешил, но сам экзамен был максимально усложнен. Н.Л. Апухтин вспоминал, что М.Н. Муравьев в основном присутствовал на экзаменах старших классов, но всегда с самого начала экзамена (9.00) и до конца (16.00) [там же, с. 155–156]. Были заведены красные и черные доски для успешных воспитанников и воспитанников дурного поведения.

Как и его отец Николай Николаевич, М.Н. Муравьев постоянно следил за успешными воспитанниками и делал все, чтобы помочь наиболее талантливым. В 1858/59 учебном году он предложил воспитанников, окончивших с отличием 9-й класс, переводить на дальнейшее обучение, которое было продлено до двух лет и включало отправку за казенный счет на учебу за границу. Обратившись к императору, он получил разрешение за казенный счет отправить 1–2-х офицеров, одним из которых стал Алексей Летников. Прослушав курс математики в Московском университете, он был отправлен на два года заграницу [там же, с. 187–189]. А.В. Летников (1837–1888) стал известным математиком и педагогом, членом-корреспондентом Академии наук, профессором Московского технического училища и директором Александровского коммерческого училища. Он первый из выпускников КМИ защитил докторскую диссертацию в Лейпцигском университете [9, с. 151].

В конце 1859 г. были командированы за границу за счет казны «в замечательнейшие тамошние учебные заведения...» в Бельгию, Францию и Германию инспектор А.Л. Апухтин, поручики Тихеев и Зиновьев, в 1861 г. — штабс-капитан Рашков и поручик Зубатов. После возвращения из-за границы А.Л. Апухтина, изучавшего систему преподавания в парижской Политехнической школе и Брюссельской военной школе, была введена система дополнительных занятий с отстающими. Была оставлена только черная доска, как крайняя степень наказания [8, с. 192]. Телесные наказания исчезли в КМИ с начала царствования Александра II.

Отправляя выпускников-отличников в научные экспедиции, М.Н. Муравьев обязывал начальников партий «доносить» ему ежемесячно об успехах их занятий и о поведении. Он неоднократно повторял: «…я искренне желал бы и впоследствии быть им полезным по службе и следить за их действиями, доколе они утвердятся в правилах на поприще жизни», а также просил директора передать им его просьбу писать ему, подписывая на конверте «в собствен-

ные руки» [14, д. 4865, л. 200–200 об.; д. 4868, л. 206–209 об.].

М.Н. Муравьев постоянно заботился о нравственном воспитании, поэтому, даже отпуская воспитанников в отпуск на праздники к родителям, постоянно напоминал в предписании директору, что могут быть отпущены только те воспитанники, которые «действительно прилежанием и благонравием заслуживают внимание начальства и родители которых достаточно благонадежны в отношении сохранения нравственности детей своих» [там же, д. 8113, 8093 и др.]. Даже после окончания надзиратели по его указанию должны были наблюдать за воспитанниками, у которых нет родителей и поэтому живут они «на общих квартирах» [там же, д. 6640].

20 ноября 1862 г. КМИ посетил император Александром II, а 29 ноября 1862 г. М.Н. Муравьев ушел в отставку. На его место был назначен И.М. Гедеонов [8, с. 246–247].

В заключение можно сказать, что, благодаря М.Н. Муравьеву, КМИ становится одним из самых динамично развивающихся и известных учебных заведений. Институт был оснащен дорогостоящими новейшими инструментами и богатой библиотекой, построено две обсерватории, устроены специализированные кабинеты и лаборатории. Обучение увеличилось с 4-х до 10-ти лет с последующей стажировкой лучших студентов и преподавателей в европейских высших учебных заведениях. Постоянно осуществлялась связь с известными университетскими профессорами, преподавателями ведущих военных учебных заведений и ученых Академии наук. Как результат, с каждым годом растет количество желающих учиться в КМИ. Увеличивается число прошений родителей о зачислении их детей в воспитанники [14, д. 4868, лл. 131–146, 149, 131–146, 149, 131–146, 149, 285, 286, 287, 304, 318 и др.].

А.Л. Апухтин писал, что институт был «любимейшим детищем» М.Н. Муравьева: «своим постоянным вниманием к институту, своею воистину просвещенной заботой об учебной его части, своею лаской и отличием по службе лучших воспитанников он развил в институте любовь к труду… Служить при М.Н. Муравьеве было трудно, но и чрезвычайно приятно. Сам он, неутомимый труженик, заставлял трудиться и других много [8, с. 246]. Преподаватель математики А.М. Ламовский вспоминал, что обсуждения программ затягивались до 2-х часов ночи, а к 9-ти часам необходимо было принести выполненную работу [там же, с. 85]. При этом М.Н. Муравьев всегда высоко ценил успех в работе своих подопечных и всегда умел отблагодарить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев, С.В.* М.Н. Муравьев-Виленский: политическая биография: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2007.
2. *Бендин, А.Ю.* Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский — усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. [б.м.], 2017.
3. *Дунаева, Н.В.* Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъективности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX веке. СПб., 2010.

4. *Емченко, Е.Б.* М.Н. Муравьев и Константиновский межевой институт // На службе отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866). Сборник научных трудов и документов. СПб.: Президентская библиотека, 2017.
5. *Жуковская, Т.Н.* Братья Муравьевы в Отечественной войне 1812 года // На службе отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866). Сборник научных трудов и документов. СПб.: Президентская библиотека, 2017.
6. На службе отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866). Сборник научных трудов и документов. СПб.: Президентская библиотека, 2017.
7. *Федосова, Э.П.* Граф М.Н. Муравьев-Виленский (1796–1866). Жизнь на службе империи. М., 2015.
8. *Апухтин, А.Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2002.
9. *Кусов, В.С.* Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК). История создания и развития. 1779–2004 / под ред. В.П. Савиных. М., 2004.
10. *Кропотков, Д.А.* Жизнь графа М.Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно: Биогр. очерк. СПб., 1874.
11. *Путята, Н.В.* Генерал-майор Н.Т. Муравьев, биограф. очерк. СПб., 1852.
12. *Самаль, А.* Справка на букву М. Муравьев Михаил Николаевич (электронный ресурс). Проект «Виртуальный музей декабристов». Материал составлен согласно ГАРФ. Ф.48. Оп.1. Д.189.URL: http://decemb.hobby.ru/index.shtml?alphavit/alf_m (дата обращения: 12.07.2019).
13. *Басаргин, Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. URL: http://www.hrono.info/libris/lib_b/basarg_ucheba.html (дата обращения 13.07.2019).
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1295. Оп. 1. Канцелярия Главного директора Межевого корпуса и Управление межевой частью Министерства Юстиции, г. Петербург.
15. *Рыжкова, Е.В., Широкорад, И.И.* К вопросу о деятельности Н.П. Смецкого на посту директора Константиновского межевого института // Московский экономический журнал. М., 2016. № 4.

REFERENCES

1. Ananev S.V. *M.N. Muravev-Vilenskij: politiceskaja biografija: Extended Abstract of Phd dissertation (History).* Saratov, 2007. (in Russian).
2. Apuhtin A.L. *Ocerk istorii Konstantinovskogo meževogo instituta s 1779 po 1879 god*. Moscow, 2002. (in Russian).
3. Basargin N.V. *Vospominanija, rasskazy, stati,* Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe kniznoe izdatelstvo, 1988, available at: http://www.hrono.info/libris/lib_b/basarg_ucheba.html (accessed: 13.07.2019).
4. Bendin A.Ju. *Graf Mihail Nikolaevic Muravev-Vilenskij — usmiritel i reformator Severo-Zapadnogo kraja Rossijskoj imperii*. Bendin, 2017. (in Russian).
5. Dunaeva N.V. *Mezdu soslovnoj i grazdanskoj svobodoj: evoljucija pravosubektivnosti svobodnyh selskih obyvatelej Rossijskoj imperii v XIX veke*. Saint-Petersburg, 2010. (in Russian).
6. Emcenko E.B. M.N. "Muravev i Konstantinovskij mezevoj institute", in: *Na sluzbe otecestvu: pamjati Mihaila Nikolaevica Muraveva (1796–1866). Sbornik naucnyh trudov i dokumentov.* Saint-Petersburg, Prezidentskaja biblioteka, 2017. (in Russian).

7. Zukovskaja T.N. “Bratja Muravevy v Otecestvennoj vojne 1812 goda”, in: *Na sluzbe otecestvu: pamjati Mihaila Nikolaevica Muraveva (1796–1866). Sbornik naucnyh trudov i dokumentov*. Saint-Petersburg, Prezidentskaja biblioteka, 2017. (in Russian).
8. Kropotkov D.A. Zizn grafa M.N. *Muraveva, v svjazi s sobytijami ego vremeni i do naznacenija ego gubernatorom v Grodno: Biogr. ocerk.* Saint-Petersburg, 1874. (in Russian).
9. Kusov V.S. *Moskovskij gosudarstvennyj universitet geodezii i kartografii (MIIGAiK). Istorija sozdanija i razvitija. 1779–2004,* ed. V.P. Savinyh. Moscow, 2004. (in Russian).
10. *Na sluzbe otecestvu: pamjati Mihaila Nikolaevica Muraveva (1796–1866). Sbornik naucnyh trudov i dokumentov*. Saint-Petersburg, Prezidentskaja biblioteka, 2017. (in Russian).
11. Putjata N.V. *General-major N.T. Muravev, Biograf. Ocerk*. Saint-Petersburg, 1852. (in Russian).
12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 1295. Op. 1. *Kanceljarija Glavnogo direktora Mezevogo korpusa i Upravlenie mezevoj castju Ministerstva Justicii*, Saint-Petersburg. (in Russian).
13. Ryzkova E.V., Sirokorad I.I. K voprosu o dejatelnosti N.P. Smeckogo na postu direktora Konstantinovskogo mezevogo instituta, *Moskovskij ekonomiceskij zurnal*. Moscow, 2016, No. 4.
14. *GARF*. F. 48. Op. 1. D. 189, Samal A. Spravka na bukvu M. Muravev Mihail Nikolaevic. Proekt «Virtualnyj muzej dekabristov», Material sostavlen soglasno, available at: http://decemb.hobby.ru/index.shtml?alphavit/alf_m (accessed: 12.07.2019). (in Russian).
15. Fedosova E.P. *Graf M.N. Muravev-Vilenskij (1796–1866). Zizn na sluzbe imperii*. Moscow, 2015. (in Russian).

Емченко Елена Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, учебно-научный центр актуальных проблем исторической науки и образования им. А.Г. Кузьмина, заведующая кафедрой, Московский педагогический государственный университет; Московский государственный университет геодезии и картографии, emchenko@list.ru

Emchenko E.B., PhD in history, Senior Researcher, Kuzmin Educational and Research Center of Actual Problems of Historical Science and Education, Chairperson, Moscow Pedagogical State University; Moscow State University of Geodesy and Cartography, emchenko@list.ru

УДК 94
ББК 63.3(0)61

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОНЦЕССИЯ ГЕРМАНСКОЙ ФИРМЫ «ФРИДРИХ КРУПП» В СССР (1922–1928 гг.)

И.С. Блинов

Аннотация. *В статье рассматривается опыт концессионного сотрудничества германской фирмы «Фридрих Крупп» с СССР в 1922–1928 гг. Показано, что в условиях общегерманского кризиса 1920-х годов организация сельскохозяйственной концессии Круппа в Советской России стала во многом вынужденным политическим шагом. Делается вывод, что советское правительство, мотивированное политическим значением договора с крупной фирмой Германии, не смогло обеспечить адекватных условий для взаимовыгодного сотрудничества, вследствие чего фирма понесла значительные убытки.*

Ключевые слова: *фирма Крупп, сельскохозяйственная концессия, промышленники Германии, концессионная политика, Веймарская республика, Рапалльский договор.*

AGRICULTURAL CONCESSION OF THE GERMAN COMPANY "FRIEDRICH KRUPP" IN THE USSR (1922–1928)

I.S. Blinov

Abstract. *The article considers the experience of the concession cooperation of the German company "Friedrich Krupp" with the USSR in 1922–1928. It is shown that in the conditions of the general German crisis of the 1920s, the organization of the Krupp agricultural concession in Soviet Russia was largely a forced political step. It is concluded that the Soviet government, motivated by the political significance of the agreement with a large German company, could not provide adequate conditions for mutually beneficial cooperation, as a result of which the company suffered significant losses.*

Keywords: *Krupp Company, agricultural concession, German industrialists, concession policy, Weimar Republic, treaty of Rapallo.*

© Блинов И.С., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Волна общегерманских экономических и политических проблем, последовавшая за подписанием Версальского договора, не могла не затронуть крупнейшие промышленные производства страны. Для концерна «Фридрих Крупп» начало 1920-х гг. ознаменовалось появлением целого комплекса острых вопросов, связанных, во многом, с принудительной конверсией военного производства [1, с. 320]. Переход фирмы на выпуск гражданской продукции (в том числе сельскохозяйственной техники) определил новый вектор ее развития на ближайшие годы. Поиск рынка сбыта продукции заводов Круппа и политические интенции Германии совпали с активной деятельностью РСФСР по привлечению иностранного капитала. 30 декабря 1921 г. со стороны акционерного общества «Фридрих Крупп» поступает первое предложение о создании на территории РСФСР сельскохозяйственной концессии. Сотрудничество с «крупнейшим капиталистом Германии» [2, л. 129] могло принести советскому правительству большие политические бонусы на предстоящей Генуэзской конференции, поэтому В.И. Ленин потребовал *срочно* дать согласие на предложение Круппа, обозначив важность этого сотрудничества, прежде всего в политическом смысле [3, с. 135].

В неизменно актуальном проблемном поле германо-советских отношений межвоенного периода особое место занимают проблемы сотрудничества крупных промышленников Германии с советским правительством. Одним из проявлений такого сотрудничества было заключение концессионных договоров в 1920–1930-х гг. Руководитель крупнейшего германского концерна «Фридрих Крупп» Густав Крупп фон Болен стал пионером в деле подписания концессионных договоров с советским государством, организовав в 1923 г. на территории СССР сельскохозяйственную концессию. Между тем, в отечественной историографии тема концессии Круппа частично затрагивается только в рамках исследований концессионной политики СССР 1920–1930-х гг. Можно выделить несколько специальных работ по данной теме, которые, однако, фокусируются лишь на экономическом аспекте проблемы, оставляя без внимания целый спектр вопросов [4–7]. В зарубежной историографии рассматриваемая тема затрагивается в основном в политическом контексте сотрудничества Германии и СССР в период Рапалльского соглашения [8–10].

Заметим также, что некоторым западным исследователям свойственно подвергать сельскохозяйственную концессию Круппа скептической и даже ироничной оценке. Принимая во внимание личность руководителя фирмы Густава Круппа фон Болена, они обозначают его «сельскохозяйственную авантюру» в России как одну из самых странных и эксцентричных идей [11, p. 328] в истории предприятия. К тому же, утверждается, что сам Густав Крупп был последним человеком, который мог бы превратить русскую степь в хлебные поля [12, p. 93].

Столь радикальные заявления некоторых исследователей, неподкрепленные серьезной аргументацией и лакуны в исследованиях отечественных авторов, заставляют вновь обратиться к теме, сосредоточив осо-

бое внимание на следующих проблемных вопросах: была ли концессионная кампания Круппа изначально обречена на неудачный исход; какова была истинная мотивация германского промышленника; какие практические факторы повлияли на ликвидацию концессии? Таким образом, данная статья представляет собой попытку дополнительного анализа концессионного опыта германской фирмы «Фридрих Крупп» на территории СССР в 1922–1928 гг.

Если для советской стороны, предстоящее сотрудничество с именитой германской фирмой должно было принести очевидный ряд преимуществ, прежде всего политических[1], то мотивация Круппа кажется не столь очевидной и требует дополнительного анализа.

Экономический расчет Круппа заключался в следующем — необходимо было подготовить плацдарм для будущего сбыта сельскохозяйственной техники, которую в больших количествах стали производить бывшие оружейные цеха. Очевидный выбор пал на бедствующую Советскую Россию, которая, однако, не могла позволить себе простую закупку техники, но охотно соглашалась на организацию концессии. Предполагалось, что образцовое сельское хозяйство с использованием передовой германской техники в перспективе должно было стимулировать другие районы СССР на закупку машин[2] производства Круппа [13, S. 412].

Однако экономические интересы Круппа этим не ограничивались. Восстановление довоенных позиций на военном рынке интересовали Круппа не меньше, чем продажа тракторов и сеялок. Но, очевидно, что военно-промышленное сотрудничество было осуществимо только в обход Версальского договора, поэтому было крайне важно отвлечь внимание мировой общественности от военно-промышленных амбиций фирмы в России [17, S. 82], например, с помощью сотрудничества на почве сельского хозяйства.

В связи с этим заметим, что сотрудничество Круппа с советским правительством также попадало в сферу интересов «русской политики» генерала фон Секта и рейхсканцлера Йозефа Вирта, «настоящих пионеров германо-советского сотрудничества» [18, с. 206]. Крупная немецкая концессия с налаженными каналами поставок товаров на территорию СССР могла стать хорошим прикрытием для тайной переброски военной техники [19, S. 52].

Также идеальная модель будущей концессии предполагала с помощью немецкого сельскохозяйственного ноу-хау сделать из молодого советского государства крупного экспортера зерна для Германии, что

[1] Элиас Гурвич на страницах «Die Weltbühne» утверждает, что для советского правительства было очевидно сомнительное экономическое значение концессии Круппа. Ссылаясь на данные «антибольшевистского «Русского экономиста», он отмечает, что в ближайшие годы никакой экономической выгоды концессия советскому государству принести не могла, так как цена на закупку зерна у Круппа была бы намного выше, чем в любом другом месте [13, S. 416].

[2] Вероятно, поэтому Крупп отправил в СССР большое количество разнообразной сельскохозяйственной техники. По данным инспекции Главконцесскома при СНК СССР, как минимум, одних только тракторов на территории концессии насчитывалось 8 типов [14, л. 222], отмечалось также «бесплановое снабжение концессии излишними машинами и инвентарем» [15, л. 296]. В этом смысле показательно красноречивое описание концессионной техники в очерке Б. Кушнера: «Машинный парк подобран очень пестро. Нет двух машин одинаковых — все разные, как будто их сюда не для работы доставили, а на выставку или на выкидку» [16, с. 3].

исключило бы ее зависимость от заокеанских колоний (которых она теперь лишалась) и Америки. Такой оптимистичный взгляд разделял широкий круг общественно-политической элиты Германии [20, с. 1]. В частности, заместитель председателя наблюдательного совета компании «Фридрих Крупп» К. Зорге в интервью берлинскому «Фоссише Цайтунг» заявил: «…когда собственная потребность России в зерне будет целиком покрыта, можно будет думать о том, что Россия — житница Европы — будет отдавать в будущем часть своих излишков Германии, так, как это было до войны» [21, S. 1].

Существующая пока только на бумаге концессия Круппа приобрела большое политическое значение, попав в оптимистичный поток «духа Рапалло», и была позитивно воспринята в контексте оценки русско-германского договора в различных политических кругах Германии от «КПГ до ДФП» [18, с. 205].

Ко всему, концессия помогла бы решить вопросы имиджа фирмы, так как позиционировалась в качестве помощи германской промышленной мысли в деле борьбы Советской России с голодом, о чем прямым текстом заявлял и Курт Зорге [21, S. 1], и член совета директоров Отто Видфельд, обозначив, что концессия «станет визитной карточкой Круппа» [4, с. 88].

Таким образом, так называемая «авантюра» Круппа была всецело оправданным и расчетливым шагом. Оценив рыночную конъюнктуру и экономико-политический контекст сближения Германии и России, Крупп попытался извлечь из сотрудничества с русскими максимально возможную выгоду для своего предприятия, находящегося в тяжелых условиях.

Однако к весне 1922 года катастрофический рост инфляции и падение марки заставили Круппа отказаться от вложения капитала в такое рискованное предприятие. Внезапный отказ Круппа вызвал настоящее негодование в кругах советского правительства. Были придуманы жесткие способы воздействия на Круппа: от занесения фирмы в черные списки и прекращении всех торговых отношений до третейского суда [7, с. 99].

Принять отказ Круппа было невозможно, советская сторона понимала, что контракт с Круппом — гарант того, что его примеру последуют и другие крупные фирмы. Действительно, к концу 1922 года «эйфория Рапалло» практически испарилась, многие промышленники Германии стали опасаться вкладывать крупные средства в советскую экономику [19, S. 65]. Убийство Ратенау, болезнь Ленина, низвержение марки, угроза оккупации Рура делали и без того нестабильную политическую атмосферу более напряженной. В таком двойственном положении необходим был решительный шаг одного, чтобы за ним последовали другие [9, S. 281].

Определенное давление на Круппа оказывали и в Германии, в частности, министр иностранных дел В. Ратенау [11, p. 328] и рейхсканцлер Й. Вирт [10, S. 34]. Некоторые промышленники также не оценили решение Круппа. Так, один из директоров концерна «АЭГ» (*Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft*) Феликс Дейч обозначил, что Крупп таким образом дискредитирует всю германскую промышленность [5, с. 238].

Оказавшись под двухсторонним давлением, Крупп был вынужден дать свое согласие на организацию концессии. После затяжных переговоров и внесения некоторых поправок в первый договор, 17 февраля 1923 года директора К. Зорге и П. Красс со стороны АО «Фридрих Крупп» и полпред Н.Н. Крестинский совместно с торгпредом Б.С. Стомоняковым от РСФСР подписали концессионное соглашение [22, л. 21]. Но фирма по-прежнему не могла себе позволить большие вложения, поэтому было принято решение привлечь английский капитал. Так была запущена идеальная, по словам А. Иоффе, концессионная схема: «английский капитал, германский труд, русская земля» [23, с. 949].

Концессионный договор включал в себя множество пунктов, по которому концессионер был обязан вести рациональное сельское хозяйство на выделенной ему территории в 25 тыс. десятин. Среди прочих, стоит выделить два ключевых пункта договора: во-первых, концессионер был обязан вести *чисто зерновое хозяйство*, исключая занятие скотоводством. Во-вторых, в обязательства входило *активное использование механических средства труда* (тракторов, паровых плугов и т.д.), заменяющие человеческую и животную рабочую силу [22, л. 44].

В середине июня 1923 года из Гамбурга в порт Новороссийска вышел первый пароход с грузом, предназначенным для концессии Круппа [24, л. 32]. Через год немецкие газеты с нескрываемой гордостью заявят, что «немецкая рациональная обработка земли окажет радикальное благоприятное воздействие на обработку крестьянских полей» [25, л. 66], но спустя еще четыре года они же будут с отчаяньем восклицать: «сколько труда и денег были потрачены впустую!» [26]. Действительно, чистая концессия Круппа, потеряв к концу 1928 года 2,5 млн. рублей, была ликвидирована в связи с нерентабельностью [4, с. 88].

Убыточность предприятия определялась множеством факторов, анализ которых, позволит определить причины неудачного концессионного опыта Круппа в СССР.

Главным *petra scandali* между советским руководством и концессионером стал, в буквальном смысле, «земельный вопрос». Поспешность советского руководства, в частности, В.И. Ленина при подписании концессионного договора, привела к тому, что под концессию была отведена практически первая попавшаяся пустующая территория в степях Донской области[3]. При этом даже в официальных отчетах Главконцесскома от 1928 г. четко обозначено, что «условия хозяйства края и почва отведенного участка были совершенно неизвестны для концессионера, да и с нашей стороны предварительного обследования сдаваемого в концессию объекта не производилось»

[3] Под концессию был отведен степной регион под Ростовом-на-Дону близ областного центра Сальск. Концессия получила название «Маныч» в честь протекающей здесь речки. Красноречивое описание местности Б. Кушнера хорошо иллюстрирует то, в каких условиях оказался германский концессионер: «Сам Маныч доживает уже последние стадии своей геологической дряхлости. По существу, это уже мертвая река. Оттого, что Маныч умирает, степь вокруг него становится постепенно совершенно безводной. Летом вся она превращается от зноя в негостеприимное серое, пыльное пространство…» [16, с. 14].

[27, с. 284]. Таким образом, концессионеру, обязующемуся по договору вести *чисто зерновое хозяйство*, отвели участок, о пригодности почвенно-климатических условий которого будут вестись длительные споры.

Неосведомленность концессионера о качестве предоставленного земельного участка, привела к тому, что моторно-тракторный парк, доставленный из Германии, оказался в большинстве своем непригоден для работы в предлагаемых условиях. Уже в первых отчетах о работе концессии от 1924 года отмечалось, что крупповское сельскохозяйственное оборудование по своим свойствам не подходило для обработки целинной земли: часто выходило из строя и требовало постоянного ремонта. По данным инспекции, более 50% тракторного парка постоянно находилось в ремонте, в полях фактически работало лишь 35% от имеющихся машин [14, л. 201].

Постоянный ремонт техники или обновление тракторного парка приводил к дополнительным расходам. Во избежание дополнительных финансовых вложений концессионеру приходилось саботировать оговоренное обязательство по стремлению к всесторонней *механизации труда*, привлекая для работ местных крестьян в качестве низкооплачиваемых работников, что всецело порицалось советской стороной, так как в этом случае концессия «не оправдывала свое существование и цель, ради которой она была *допущена* правительством» [15, л. 65].

Стоит также заметить, что уже с 1925 года концессионеру стало очевидно, что гораздо эффективнее использовать трактора *американского* производства «Фордзон» [28, л. 158], что перечеркивало весь первоначальный замысел Круппа о сбыте сельскохозяйственной техники собственного производства.

После того как к лету 1926 года из-за неурожая и некоторых ошибок в ведении хозяйства концессионер потерял почти 1 миллион рублей [15, л. 117], в СССР прибыла делегация германских специалистов по сельскому хозяйству во главе с Т. фон Вильмовски, родственником Круппа фон Болена, главой наблюдательного совета по вопросам концессии. По большому счету, только в этот период был проведен полноценный анализ почвенно-климатических условий концессионного участка, после которого германские специалисты сделали вывод о том, что зерновое хозяйство возможно вести только на 8000 десятин из выделенных 25000. На оставшихся десятинах предлагалось вести мериносное овцеводство, в связи с чем необходимы были поправки в существующих договор и смена специализации концессии [там же, л. 118].

После затяжной переписки с ГКК, длившейся почти весь 1926 год, и несмотря на активные возражения советской стороны о пригодности территории для зернового хозяйства [там же, л. 65], Т. фон Вильмовски удалось убедить советское правительство в том, что развитие овцеводства на предоставленном участке принесло бы большую прибыль.

Здесь же заметим, что одним из важных факторов неудачного исхода концессии можно считать нежелание советской стороны рассматривать и принимать инициативы, исходившие от концессионера. Так, например,

предложения о смене специализации концессии приходили в Главконцесском еще летом 1924 года [29, л. 130], однако тогда Главконцесском посчитал эту идею выгодной только немецкой стороне, советская сторона по концессионному договору участвовала лишь в доле с урожая, поэтому не увидела в этой идее никакого резона, вследствие чего концессионер получил отказ [там же, л. 133].

9 сентября 1927 года советское руководство заключило с Круппом новый договор, по которому 19000 десятин отводилось под разведение овец [30, л. 89]. Несмотря на то, что развитие животноводства показало свою прибыльность, разведение овец требовало значительных вложений новых капиталов. Как и многие крупные промышленники Германии, в условиях кризиса 1920-х годов компания Круппа пользовалась кредитами со стороны государства [10, S. 36], поэтому от дополнительных крупных вложений в абсолютно нерентабельную советскую концессию было решено отказаться. К концу 1928 года чистая концессия Круппа была ликвидирована, потеряв за 5 лет существования 2,5 млн. рублей [30, л. 45]. На смену чистой концессии пришло смешанное русско-германское товарищество «Маныч-Крупп», где сама фирма Круппа участвовала лишь в качестве инвестора, а вся ответственность за концессию возлагалась на советскую сторону [4, с. 105].

В качестве дополнительных факторов, повлиявших на работу концессии, можно выделить идеологическую составляющую раннего советского режима и несовершенство государственного бюрократического аппарата, вследствие чего решения по многим важнейшим вопросам концессии требовали долгого утверждения от многочисленных инстанций [31, л. 19].

Пожалуй, факт того, что концессия, практически вдохнула жизнь в пустынный регион СССР, заложив основу для дальнейшего развития региона, стал единственным бесспорным преимуществом ее существования. Концессионеры оставили после себя большое количество построек различного назначения: школы, жилые дома, амбары, гаражи, бани, радио-электростанции и т.п. [32, л. 29].

Таким образом, можно говорить о том, что сельскохозяйственная концессия германской фирмы «Фридрих Крупп» в СССР под многофакторным воздействием политических и экономических реалий трансформировалась из выгодного «бизнес-проекта» в вынужденный политических шаг исключительно в интересах государства, оказавшись бременем для Круппа. Различное целеполагание сторон привело к большому количеству разногласий, вследствие чего ожидания, возложенные советским правительством на концессионера, не оправдались, а концессионер понес значительные убытки. К тому же опыт сельскохозяйственной концессии Круппа в СССР можно рассматривать как показательный пример тенденций в рамках советско-германских отношений в период 1920-х годов. Сиюминутное желание советского правительства извлечь всестороннюю выгоду из иностранного капитала, без предоставления необходимых комфортных условий для сотрудничества, сильно разнилось с перспективными экономическими планами промышленников Германии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шредер, Э., Вейхер З.* Великие промышленники. Р.-н.Д.: Феникс, 1998. 320 с. URL: http://militera.lib.ru/bio/schreder/index.html (дата обращения 03.12.2018).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1568.
3. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Издательство политической литературы, 1975. 864 с.
4. *Загорулько, М.М., В.В. Булатов.* Наркомземовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 480 с.
5. *Марьин, Д.А.* Россия и Германия: опыт экономического сотрудничества (На примере фирмы «Фридрих Крупп») // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Волгоград, 2004. Вып. 6. С. 231–251.
6. *Плохотнюк, Т.Н.* Колонизационная сельскохозяйственная концессия акционерного общества Фридрих Крупп в России: о причинах и обстоятельствах создания // Международные отношения XX века в исторических судьбах стран Европы и Северной Америки. Межвузовский сборник статей. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2004. Вып. 1. С. 89–103.
7. *Ерохина, О.В.* Германские сельскохозяйственные концессии Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти // Экономическая история. Ежегодник. М., 2012. С. 98–148. URL: http://statehistory.ru/5707/Germanskie-selskokhozyaystvennye-kontsessii-Severo-Kavkazskogo-kraya-v-pervye-desyatiletiya-sovetskoy-vlasti (дата обращения 03.12.2018).
8. *Schlarp, K.* Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922-1933 unter besonderer Berucksichtigung der Landwirtschaft // Zwischen Lubeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom fruhen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundrt. Lunenburg: Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1996. S. 441–476.
9. *Pogge von Strandmann, H.* Großindustrie und Rapallopolitik. Deutsche-Sowjetische Handelsbeziehungen in der Weimarer Republik // Historische Zeitschrift. Bd. 222, H. 2. 1976. S. 265–341.
10. *Schmieder, M.* Fremdkörper im Sowjet-Organismus. Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922–1934. Franz Steiner Verlag, 2017. 339 S.
11. *Manchester, W.* The Arms of Krupp 1587–1968. Boston: Little, Brown, 1968. 942 p.
12. *Batty, P.* The House of Krupp. New York: Stein & Day, 1967. 341 p.
13. *Hurwicz, E.* Krupp in Sowjet-Russland // Die Weltbühne. 19/I. S. 411–413.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1084. Оп. 2. Д. 478.
15. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1161.
16. *Кушнер, Б.* Крупп и Маныч // Новый ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств. М.: Госиздат, 1927. № 1. С. 3–12.
17. *Linke, H. G.* Der Weg nach Rapallo: Strategie und Taktik der deutschen und sowjetischen Außenpolitik // Historische Zeitschrift, Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH. Bd. 264, H. 1. 1997. S. 55–109.
18. *Винклер, Г.А.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 876 с.
19. *Ziedler, M.* Reichswehr und Rote Armee 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München: Oldenbourg, 1993. 374 S.
20. Сельскохозяйственная концессия Круппа и общественное мнение за границей // Известия. 1923. № 21.
21. Eine Unterredung mit Dr. Sorge // Vossische Zeitung. 1922. № 580.

22. ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 12.
23. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / сост.: Я.С. Драбкин, Л.Г. Бабиченко, К.К. Ширинья. М.: Наука, 1998. 949 с.
24. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 843.
25. ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1777.
26. Krupps Mustergutsanlage in der Wüste // Berliner Tageblatt. 1928. № 473.
27. Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): документы и материалы. Серия «Отечественный опыт концессий». Т. II; под ред. проф. М.М. Загорулько; сост.: М.М. Загорулько, В.В. Булатов, А.П. Вихрян, О.В. Иншаков, Ю.И. Сизов, Т.В. Царевская-Дякина. М.: Современная экономика и право, 2005. 854 с.
28. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1085.
29. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 931.
30. ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 355.
31. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1005.
32. ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1776.

REFERENCES

1. Batty P. *The House of Krupp*, New York, Stein & Day, 1967, 341 p.
2. Drabkin J.S. *Komintern i ideja mirovoj revoljucii. Dokumenty*, Moscow, Nauka, 1998, 949 p. (in Russian)
3. Eine Unterredung mit Dr. Sorge, *Vossische Zeitung*, 1922, No. 580.
4. Erohina O.V. Germanskie selskohozjajstvennye koncessii Severo-Kavkazskogo kraja v pervye desjatiletija sovetskoj vlasti, *Ekonomicheskaja istorija. Ezhegodnik,* Moscow*,* 2012, pp. 98–148. (in Russian)
5. *Gosudarstvennyi arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF),* F. R-8350, Op. 1, D. 1568. (in Russian)
6. *GARF,* F. R-8350, Op. 1, D. 1776. (in Russian)
7. *GARF,* F. R-8350, Op. 1, D. 1777. (in Russian)
8. *GARF,* F. R-8350, Op. 3, D. 12. (in Russian)
9. *GARF,* F. R-8350, Op. 3, D. 355. (in Russian)
10. Hurwicz E. Krupp in Sowjet-Russland, *Die Weltbühne*, 19/I, S. 411–413.
11. Krupps Mustergutsanlage in der Wüste, *Berliner Tageblatt*, 1928, No. 473.
12. Kushner B. Krupp i Manych, *Novyj LEF: Zhurnal levogo fronta iskusstv*, Moscow, Gosizdat, 1927, No. 1, pp. 3–12. (in Russian)
13. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 54*, Moscow, Izdatelstvo politicheskoj literatury, 1975, 864 p. (in Russian).
14. Linke H. G. Der Weg nach Rapallo: Strategie und Taktik der deutschen und sowjetischen Außenpolitik, *Historische Zeitschrift*, Oldenbourg, Wissenschaftsverlag GmbH, Bd. 264, H. 1, 1997, S. 55–109.
15. Manchester W. *The Arms of Krupp 1587–1968*, Boston: Little, Brown, 1968, 942 p.
16. Marin D. A. Rossija i Germanija: opyt ekonomicheskogo sotrudnichestva (Na primere firmy “Friedrich Krupp”), *Ekonomicheskaja istor ija Rossii: problemy, poiski, reshenija. Ezhegodnik*, Volgograd, 2004., No. 6, pp. 231–251. (in Russian)
17. Plohotnjuk T.N. Kolonizacionnaja selskohozjajstvennaja koncessija akcionernogo obshhestva Fridrih Krupp v Rossii: o prichinah i obstojatelstvah sozdanija, *Mezhdunarodnye otnoshenija XX*

veka v istoricheskih sudbah stran Evropy i Severnoj Ameriki. Mezhvuzovskij sbornik statej, Pjatigroskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, Pjatigorsk, 2004, No. 1, pp. 89–103. (in Russian)

18. Pogge von Strandmann H. Großindustrie und Rapallopolitik. Deutsche-Sowjetische Handelsbeziehungen in der Weimarer Republik, *Historische Zeitschrift*, Bd. 222, H. 2, 1976, S. 265–341.
19. *Rossiyskiy gosudarstvennyi arhiv ekonomiki (RGAE),* F. 1084, Op. 2, D. 478. (in Russian)
20. *RGAE,* F. 478, Op. 2, D. 1161. (in Russian)
21. *RGAE,* F. 478, Op. 2, D. 1005. (in Russian)
22. *RGAE,* F. 478, Op. 2, D. 1085. (in Russian)
23. *RGAE,* F. 478, Op. 2, D. 843. (in Russian)
24. *RGAE,* F. 478, Op. 2, D. 931. (in Russian)
25. Schlarp K. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berucksichtigung der Landwirtschaft, *Zwischen Lubeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom fruhen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundrt*, Lunenburg, Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1996, S. 44–476.
26. Schmieder M, *Fremdkörper im Sowjet-Organismus. Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion* 1922-1934, Franz Steiner Verlag, 2017, 339 p.
27. Selskohozjajstvennaja koncessija Kruppa i obshhestvennoe mnenie za granicej, *Izvestija*, 1923, No. 21. (in Russian)
28. Shreder E. *Velikie promyshlenniki*, Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 320 p. (in Russian)
29. Vinkler G.A. *Vejmar 1918–1933: istorija pervoj nemeckoj demokratii*, Moscow, ROSSPEN, 2013, 876 p. (in Russian) (in Russian)
30. Zagorulko M.M. Bulatov V.V. *Narkomzemovskie koncessii: selskoe hozjajstvo i vodnye promysly,* Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo, 2010, 480 p. (in Russian).
31. Zagorulko M.M. *Inostrannye koncessii v SSSR (1920–1930 gg.): dokumenty i materialy*, Moscow: Sovremennaja jekonomika i pravo, 2005, 854 p. (in Russian)
32. Ziedler M. *Reichswehr und Rote Armee 1920–1933: Wege und S tationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit*, München: Oldenbourg, 1993, 374 p.

Блинов Иван Сергеевич, аспирант, кафедра всеобщей истории, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, furorteutonicus12@gmail.com

Blinov I.S., Post-Graduate Student, World History Department, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, furorteutonicus12@gmail.com

УДК 94
ББК 63.3(7)

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «КИБЕРВОЙНА» В СТРАТЕГИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ США ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ (2001–2018)

Сейед Асгар Кейван Хоссейни, Мохаммад Юсоф-ванд

Аннотация. *Появление новых проблем в киберзоне ставит под угрозу безопасность многих правительственных и неправительственных субъектов. Кибертерроризм, кибервойна, кибершпионаж и т.п. — новые темы на арене национальной безопасности, которые приводят к ограничению и угрозе национальному суверенитету и разрушению жизненно важных инфраструктур. Соединенные Штаты Америки являются одной из основных стран, фундаментальная инфраструктура которых полностью встроена в киберпространство, и в этом отношении они больше всех влияют и при этом подвергаются наиболее серьезному влиянию на мировой арене. Настоящее исследование направлено на изучение статуса кибервойн и связанных с ними механизмов безопасности в стратегии безопасности трех правительств США — Джорджа Буша-младшего, Барака Обамы и Дональда Трампа. Ключевой вопрос статьи заключается в том, как в рамках американской стратегии безопасности после 11 сентября изменилось понятие кибервойны и соответствующих инициатив по безопасности? Авторы приходят к выводу, что в процессе ведения политики кибервойны США предприняли три шага: в эпоху Буша заметна попытка «первых шагов по формированию политики кибербезопасности», в руководстве Обамы была сформулирована политика «киберсдерживания», в правление Трампа в центре внимания находится «отход от прошлого на основе всестороннего превосходства».*

Ключевые слова: *кибервойна / кибербезопасность, стратегии безопасности США, политика кибербезопасности, киберсдерживания.*

© Сейед Асгар Кейван Хоссейни, Мохаммад Юсоф-ванд, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT "CYBER WAR" IN US SECURITY STRATEGIES AFTER SEPTEMBER 11 (2001–2018)

Seyed Asgar Keivan Hosseini, Mohammad Yusof-vand

Abstract. *The emergence of new problems in the cyber zone threatens the security of many governmental and non-governmental actors. Cyber terrorism, cyber warfare, cyber espionage, all these are new topics in the national security arena that lead to the restriction and threat to the national sovereignty and the destruction of the vital infrastructures of different countries. The United States of America is one of the main countries whose fundamental infrastructure is fully integrated into cyberspace, and in this respect, it is most influential and at the same time, most seriously affected on the world stage. This study aims to examine the status of cyber warfare and related security mechanisms in the security strategy of the three US governments, George W. Bush, Barack Obama, and Donald Trump. The key question of the article is how, in the framework of the American security strategy, the category of cyber warfare and related security initiatives changed after September 11th. The authors conclude that in the process of conducting a cyber war policy, the United States took three steps: in the Bush era, an attempt was made to "the first steps to formulate a cybersecurity policy", the policy of "cyber containment" was formulated in the Obama leadership, in Trump's rule, the focus is on "moving away from past based on overall superiority.*

Keywords: *cyber warfare/cybersecurity, US security strategies, cybersecurity policy, cyber containment.*

Введение

В XXI веке, который также назвали веком информационной (коммуникационной) революции, киберпространство занимает особое место. В этой ситуации некоторые страны используют концепцию «цифровых обществ» для описания последствий такого рода технологических изменений. Эффективность в сфере безопасности в данном случае имеет высокую важность, так как может привести к изменению позиции негосударственных субъектов и размыванию границ суверенных государств [1]. В американской системе принятия решений по вопросам безопасности особое развитие получило включение кибернетических возможностей в Стратегию безопасности, особенно после инцидентов 11 сентября. Ключевой вопрос статьи заключается в осмыслении того, как в рамках американской стратегии безопасности после 11 сентября изменилась отношение к кибервойне и соответствующим инициативам по безопасности.

1. Концептуальная модель: кибервойна

Существуют различные определения понятия «кибервойна». Некоторые считают, что это война, которую ведут правительства, как клю-

чевые игроки, чтобы уничтожить объекты, возможности и сильные стороны врага. Важно то, что в этом типе конфликта конечная цель состоит в том, чтобы враг сдался посредством мобилизации кибер-армии, неправительственных субъектов или даже хакеров и отдельных лиц. Но все же главным и ведущим игроками остаются правительства [2, p. 99–113]. Корпорация Рэнд определяет кибервойну как «борьбу правительств и международных организаций против других правительств, направленную на уничтожение информационной и компьютерной сети». Эти атаки включают вирусы, трояны и другие вредоносные программы [3]. Нужно отметить, что ни одно из приведенных определений не согласовано экспертами разных стран и четкое определение «кибервойны» отсутствует до сих пор. Оно должно быть описано как сложное и неясное понятие, не имеющее необходимого всеобъемлющего содержания относительно его аспектов и функций [4]. Одна из причин возникновения «естественной неясности» связана с его новизной, другая — с «неизменностью традиционного восприятия» вопроса войны, которое по-прежнему уделяет особое внимание военным вопросам и насильственному использованию военного потенциала. Одна из отличительных черт традиционной концепции войны и кибератаки может рассматриваться в таких терминах и понятиях, как враг, друг, союз, коалиция, фронт, начало и конец войны и т.д., в то время как все они в области кибервойн носят, скорее, метафорический, чем реальный характер [5, p. 170–182). Экспертами отмечается также неопределенность, связанная с идентификацией силы вторжения [6, p. 1].

2. Джордж Буш-младший; первые шаги по определению инициативы «политики кибербезопасности»

Чувствительность Буша к безопасности и кибервойне заметна уже во время его избирательных кампаний [7, p. 22–25]. Но самым ярким событием, повлиявшим на актуализацию данного понятия, можно считать события 11 сентября 2001 г. Несомненно, этот инцидент следует рассматривать как поворотный момент во внешней политике и соображениях безопасности США в условиях, значительно отличающихся на макрополитическом уровне от последнего десятилетия XX века. В результате был сформулирован подход, который предписывал «транснациональные реакции на транснациональный характер угроз» [8, p. 134–136], а киберпространство стало рассматриваться как нервная система США и центр ее управления [9, p. vii–ix]. Буш также подписал Национальную директиву, в которой указал время и способы проведения кибератак против компьютерных сетей противника [10]. Другом шагом американского президента стало «создание управления кибербезопасностью» в Белом доме [11, p. 3]. Третьим — возложение различных обязанностей в области кибербезопасности на Министерство внутренней безопасности [9, p. x]. Указ Буша о разработке «Национальной стратегии безопасности киберпространства» стал еще одним актом, принятым в феврале 2003 г. [12, p. 50]. Некоторые исследователи утверждают,

что этот акт был показателем того, насколько важным стало управление киберпространством в литературе по безопасности США [13, p. 13].

Наряду с приведенным выше особо следует отметить еще три документа, которые были опубликованы соответствующими органами в период с 2006 по 2008 год. Во-первых, речь идет о «Национальной военной стратегии операций в киберпространстве», представленной Минобороны США в декабре 2006 г. Данный документ подчеркивает роль Минобороны в «интеграции оборонительных и наступательных кибернетических операций» [14, p. vii]. Во-вторых, о «Национальной стратегия внутренней безопасности», предъявленной в 2007 г. В документе отмечается «Угроза окружающей среды» для Соединенных Штатов из-за асимметричного характера террористических нападений [15, p. 21]. В-третьих, о представленном в январе 2008 г. документе под названием «Комплексная национальная инициатива по кибербезопасности», включающем 12 целей, в том числе «Определение и разработку стратегий и программ устойчивого предупреждения» [16, p. 6].

В целом можно сказать, что во время руководства Буша возникали инновационные инициативы по работе с киберпространством. Укрепляя альянсы и международные союзы для борьбы с терроризмом, президент готовил НАТО к противодействию новым угрозам XXI века. В этом отношении он указал на необходимость укрепления кибер-инфраструктуры НАТО. Следует отметить и приоритетность «Комплексной политики кибербезопасности» в качестве нового подхода к борьбе с террористическими атаками [17, p. 2].

3. Барак Обама: эпоха реализации «киберсдерживания»

Масштабныя переориентация Обамы под названием «перемены» стала поводом для пересмотра американской политики безопасности. На самом деле, хотя стратегия «борьбы с терроризмом» по-прежнему занимала центральное место в повестке дня военной безопасности его правительства, по разным причинам (энтузиазм местной элиты в отношении изменения внешнего направления; трансформации международной обстановки, особенно с появлением новых очагов угроз; и, наконец, отношение Обамы к международным явлениям и его восприятие их модели взаимосвязанности) постепенно начали материализовывать изменения в его понимании политики безопасности, особенно в области кибербезопасности. Действия этого президента, направленные на решение проблем в области кибербезопасности в период руководства Обамы, могут быть определены по следующим осям.

А. Модернизация политики безопасности в связи с киберугрозами

Первая позиция Обамы относительно связи киберпространства и национальной безопасности в мае 2009 года подчеркивала, что цифровая инфраструктура США является своего рода стратегическим национальным достоянием, и на этой основе «киберсдерживание» в военной политике нового правительства стало более эффективным в борьбе за кибербезопасность [18]. Концепция была включена в документ «Международная стратегия кибербезопасности 2011». Впоследствии Обама под-

черкнул концепцию «коллективного сдерживания», в которой подчеркивалась необходимость реализации международного сотрудничества в борьбе для устранения указанных угроз [19, p. 12].

Б. Работа по нормализации международных отношений

Первые признаки ориентации на международную нормализацию как подход к борьбе с киберугрозами обнаруживаются во введении к документу «Комплексной национальной инициативы по кибербезопасности», который был опубликован в 2010 году [20]. Этот тренд можно проследить в «Международной стратегии для киберпространства», где она относится к «Нормализации в рамках Устава ООН», так что действия правительства в этом отношении регулируются и поддерживаются верховенством права [19, p. 8]. Необходимо также упомянуть о таком документе, как «Киберстратегии министерства обороны США» (2015), в котором, помимо проблемы нормализации и укрепления доверия, четко прописано возможность применения карательных и наступательных мер [21, p. 2].

В. Угроза применения «взаимных действий» против угрожающих лиц

Глава американского разведывательного сообщества в рамках доклада Сенату заявил, что киберпространство из экономической возможности превратилась в «угрозу безопасности» интересам правительства в период с 2010 по 2016 год, в то время как до этого главной угрозой считался терроризм. Документ «Стратегии безопасности киберпространства» (2015) впервые признал использование агрессивных действий и контрмер в киберпространстве относительно враждебных государственных и негосударственных субъектов [21, p. 12]. В этом отношении привлекает внимание желание США наладить сотрудничество с такими потенциальными соперниками, как Китай и Россия, с целью взаимного сдерживания угроз, связанных с нарушением кибербезопасности.

Что касается Китая, то следует отметить, что, хотя для руководств безопасности и обороны США это правительство считалось одной из основных баз нападения на США в киберпространстве, напряженность между ними постепенно ослабла до такой степени, что в ходе поездки в Соединенные Штаты китайского президента Си Цзиньпина в сентябре 2015 года была достигнута договоренность, что оба правительства будут избегать преднамеренной поддержки кибератаки в интеллектуальную собственность [22]. Аналогично развивались в этом вопросе и отношения с Россией. В американской оценке глобальных угроз 2012 года она (наряду с Китаем) была названа главной заботой США в киберпространстве, тем не менее, после встречи 5 сентября 2016 года с Владимиром Путиным Обама заявил о нежелании предпринимать меры против этой страны [23]. Однако ослабление дружеских отношений и некоторые события тех лет побудили Обаму принять санкции против России по обвинению в кибератаках на Центральный комитет Демократической партии и преследовании американских дипломатов. Вслед за этим последовало увольнение 35 российских дипломатов из США [24].

4. Дональд Трамп: радикальный разрыв с прошлым и широкомасштабное продвижение кибербезопасности

После прихода Дональда Трампа американская внешняя политика приняла инновационную ориентацию. Ключевым ее моментом стал принцип «Америка превыше всего», который означал перенесение внимания от сотрудничества с внешним миром на сами Соединенные Штаты. Присущие ему атрибуты лидерства, сильно связанные с его индивидуальными особенностями (странная экстраверсия) и восприятием окружающей среды, способствовали появлению новой модели принятия решений, направленной для обеспечения превосходства США. Одним из ее проявлений можно считать его отношение к вопросам кибервойны. В этой связи можно ссылаться на позиции Трампа в избирательной кампании 2016 года, в частности, на его обещания сформировать «группу киберобзора» [25]. В своем первом публичном выступлении Трамп подчеркнул, что у него на повестке дня есть комплексный проект по защите жизненно важной инфраструктуры США против кибератак [26]. Данный подход показал, что этот тип безопасности (кибербезопасность) имеет онтологическое или экзистенциальное значение для США и поэтому его можно охарактеризовать как «радикальный разрыв» от кибернетического подхода Обамы [27]. В документе «Стратегия национальной безопасности» (декабрь 2017 г.) также подчеркивается связь между кибербезопасностью и экономическим процветанием и настаивается на необходимости инвестировать в потенциал быстрого реагирования против кибератак. Однако, не было предъявлено никаких предложений, как выиграть такого рода войну [28, p. 21]. Также можно увидеть настойчивое требование в отношении кибербезопасности в стратегическом документе «Стратегия национальной кибербезопасности США». Важным является следующие вопросы повестки дня для достижения превосходства Америки в киберпространстве:

- защита граждан, родины и американского образа жизни;
- повышение экономического процветания;
- достижение мира вместе с силой и сдерживанием;
- усиление проникновения и влияния США на международной арене.

В документе «Кибер-стратегия Министерства обороны» от 18 сентября 2018 года подчеркивается, что цифровая эра создала проблемы для Министерства обороны США и американского народа, в частности, усугубила угрозу, создаваемую соперниками, воздерживающимися от вооруженного конфликта с Соединенными Штатами и их союзниками. Этот вопрос до сих пор остается открытым. Важный момент заключается в том, что в основе документа лежат «стратегическое соперничество великих держав» и «готовность к войне» [29, p. 1]. Некоторые эксперты считают этот документ более рискованным и агрессивным, чем предыдущий, так как он обеспечивает больше пространства для маневров армии и ответных реакций [30].

Заключение

Одной из определяющих особенностей стратегии безопасности является выявление новых угроз и разра-

ботка подходящих и эффективных ответных действий. Это правило всегда имело первостепенное значение в американской среде при принятии решений по вопросам безопасности. После инцидентов 11 сентября прогнозирование изменение состояния мира, в том числе с связи с переходом от традиционных военных угроз к другим типам угроз, а также возможность невоенного характера будущих войн стали предлогом для разработки системных мер по противодействию киберугрозам. Эта разработка привела, как минимум, к трем шагам по «ведению политики кибербезопасности», предпринятым на протяжении последних пятнадцати лет. Между тем, огромный объем соответствующих документов и включенных в них новшеств поставили новые задачи. Похоже, что в поисках согласования между «растущим темпом кибертехнологий», «динамичным потоком киберугроз» и «восприятием лидерами США кибербезопасности и соответствующей ему политики» правительства этой страны все более четко и строго воспринимают вопросы кибервойны / кибербезопасности, а также пространство мышления в сфере безопасности, что требует внимательного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Drezner, McQuade, Singh, Ford, McLeary, Zenko, Walt and Boot. I'm cyber-confused // Foreign Policy. 2017. URL: http://foreignpolicy.com/2013/02/04/im-cyber-confused/ (accessed: 27.10.2017).
2. *Lee, D.* China dismisses U.S. accusations of cyber-spying // Los Angeles Times. 2013. URL: http://articles.latimes.com/2013/may/07/world/la-fg-wn-china-us-cyber-spying-20130507 (accessed: 19.11.2017).
3. Rand.org. Cyber Warfare. 2019. URL: https://www.rand.org/topics/cyber-warfare.html (accessed: 10.05.2019).
4. *Clarke, R.* War From Cyberspace. 2009. URL: http://users.clas.ufl.edu/zselden/courseread ing2011/Clarkecyber.pdf (accessed: 10.05.2019).
5. *Libicki, M.* Cyberdeterrence and Cyberwar. 2009. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/ pubs/monographs/2009/RAND_MG877.pdf (accessed: 10.05.2019).
6. *Sanger, D.* Document Reveals Growth of Cyberwarfare between the U.S. and Iran. 2015. URL: https://www.nytimes.com/2015/02/23/us/document-reveals-growth-of-cyberwarfare-between-the-us-and-iran.html (accessed: 10.05.2019).
7. *Dietrich, J.* The George W. Bush foreign policy reader. London: Routledge, 2015.
8. *Rice, S.* U.S. National Security Policy Post-9/11: Perils and Prospects. 2004. URL: https://www. brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/20040122.pdf (accessed: 10.05.2019).
9. *Bush, W.G.* National Strategy to Secure Cyberspace. Washington DC: The White House, 2003.
10. *Graham, B.* Bush Orders Guidelines for Cyber-Warfare. 2003. URL: https://www.washingtonpost. com/archive/politics/2003/02/07/bush-orders-guidelines-for-cyber-warfare/dd8b4a18-140c-4690-88a5-0041d4ce1b1c/?noredirect=on&utm_term=.aef70711cce7 (accessed: 10.05.2019).
11. *Weimann, G.* Cyberterrorism How Real Is the Threat? Washington, DC: United States Institute of Peace, 2004. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf (accessed: 10.05.2019).
12. White House. The National Strategy to Secure Cyberspace. Washington, D.C., 2003. URL: https:// www.uscert.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf (accessed: 10.05.2019).

13. *Hare, F.* "The Cyber Threat to National Security: Why Can't We Agree?", in: Conference on Cyber Conflict Proceedings 2010. Tallinn, Estonia, CCD COE Publications, 2010, pp. 211–226.
14. National Military Strategy for Cyberspace Operations. Washington, D.C: U.S. Department of Defense, 2006. URL: https://www.hsdl.org/?view&did=35693 (accessed: 01.01.2019).
15. Department of Homeland Security. National Strategy For Homeland Security. 2007. URL: https://www.dhs.gov/national-strategy-homeland-security-october-2007 (accessed: 30.05.2019).
16. *Henning, A.* Comprehensive National Cybersecurity Initiative: Legal Authorities and Policy Considerations. Washington, D.C.: Congressional Research Service Reports, 2009. URL: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R40427.pdf (accessed: 02.05.2019).
17. Whitehouse Archives. Policies of the Bush Administration: 2001–2009. 2008. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/bushrecord/documents/Policies_of_the_Bush_Administration.pdf (accessed: 02.05.2019).
18. *Trujillo, C.* The Limits of Cyberspace Deterrence. Washington, D.C: The National Defense University Press, 2014.
19. International Strategy for Cyberspace. Washington, D.C.: The White House, 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (accessed: 07.05.2019).
20. The Comprehensive National Cybersecurity Initiative. 2010. URL: www.whitehouse.gov/issues/foreign-policy/cybersecurity/national-initiative (accessed: 07.05.2019).
21. DoD Cyber Strategy. Washington, D.C.: United States Department of Defense. 2015. URL: http://archive.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/final_2015_dod_cyber_strategy_for_web.pdf (accessed: 07.05.2019).
22. White House. FACT SHEET: President Xi Jinping's State Visit to the United States. 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/25/fact-sheet-president-xi-jinpings-state-visit-united-states (accessed: 19.11.2018).
23. Chicagotribune.com. Chicago Tribune – We are currently unavailable in your region. 2016. URL: https://www.chicagotribune.com/news/90728462-132.html (accessed: 19.05.2019).
24. BBC News. 2016 .اوباما روسیه را به اتهام حمله سایبری انتخاباتی تحریم کرد. URL: http://www.bbc.com/persian/world-38459984 (accessed: 19.05.2019).
25. *Shabad, R.* Donald Trump vows to strengthen cybersecurity capabilities. 2016. URL: https://www.cbsnews.com/news/donald-trump-vows-to-strengthen-cybersecurity-capabilities/
26. Billington CyberSecurity. On Day 1, Pres. Trump to Direct Pentagon to Develop Plan to Protect Cybersecurity of Infrastructure – Billington CyberSecurity. 2017. URL: https://www.billingtoncybersecurity.com/day-1-pres-trump-direct-pentagon-develop-plan-protect-cybersecurity-infrastructure/ (accessed: 03.06.2019).
27. Council on Foreign Relations. The White House National Cyber Strategy: Continuity with a Hint of Hyperbole. 2018. URL: https://www.cfr.org/blog/white-house-national-cyber-strategy-continuity-hint-hyperbole (accessed: 10.05.2019).
28. *Encina, C.* The Trump Administration's National Security Strategy. 2018. URL: http://www.realinstitutoelcano.org (accessed: 09.05.2019).
29. DoD Cyber Strategy. Washington, D.C.: United States Department of Defense, 2018. URL: https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/-1/1/CYBER_STRATEGY_SUMMARY_FINAL.PDF (accessed: 09.05.2019).
30. Realcleardefense.com. 2018. URL: https://www.realcleardefense.com/articles/2018/12/03/an_assessment_of_the_2018_us_department_of_defense_cyber_strategy_summary_113997.html (accessed: 12.04.2019).

REFERENCES

1. BBC News. اوباما روسیه را به اتهام حمله سایبری انتخاباتی تحریم کرد. 2016, available at: http://www.bbc.com/persian/world-38459984 (accessed: 19.05.2019).
2. Billington CyberSecurity. On Day 1, Pres. *Trump to Direct Pentagon to Develop Plan to Protect Cybersecurity of Infrastructure — Billington CyberSecurity*. 2017, available at: https://www.billingtoncybersecurity.com/day-1-pres-trump-direct-pentagon-develop-plan-protect-cybersecurity-infrastructure/ (accessed: 03.03.2019).
3. Bush W.G. *National Strategy to Secure Cyberspace*. Washington DC: The White House, 2003.
4. Chicagotribune.com. *Chicago Tribune — We are currently unavailable in your region*. 2016, available at: https://www.chicagotribune.com/news/90728462-132.html (accessed: 19.05.2019).
5. Clarke R. *War from Cyberspace*. 2009, available at: http://users.clas.ufl.edu/zselden/coursereading2011/Clarkecyber.pdf (accessed: 10.05.2019).
6. Council on Foreign Relations. *The White House National Cyber Strategy: Continuity with a Hint of Hyperbole*. 2018, available at: https://www.cfr.org/blog/white-house-national-cyber-strategy-continuity-hint-hyperbole (accessed: 10.05.2019).
7. *Department of Homeland Security. National Strategy For Homeland Security*. 2007, available at: https://www.dhs.gov/national-strategy-homeland-security-october-2007 (accessed: 30.05.2019).
8. Dietrich J. *The George W. Bush foreign policy reader*. London: Routledge, 2015.
9. *DoD Cyber Strategy*. (online) Washington, D.C.: United States Department of Defense, 2018, available at: https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/-1/1/CYBER_STRATEGY_SUMMARY_FINAL.PDF (accessed: 09.05.2019).
10. *DoD Cyber Strategy*. Washington, D.C.: United States Department of Defense. 2015, available at: http://archive.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/final_2015_dod_cyber_strategy_for_web.pdf (accessed: 07.05.2019).
11. Drezner McQuade, Singh, Ford, McLeary, Zenko, Walt and Boot. *I'm cyber-confused.* Foreign Policy. 2017, available at: http://foreignpolicy.com/2013/02/04/im-cyber-confused/ (accessed: 27.11.2017).
12. Encina C. *The Trump Administration's National Security Strategy*. 2018, available at: http://www.realinstitutoelcano.org (accessed: 10.05.2019).
13. Graham B. *Bush Orders Guidelines for Cyber-Warfare*. 2003, available at: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2003/02/07/bush-orders-guidelines-for-cyber-warfare/dd-8b4a18-140c-4690-88a5-0041d4ce1b1c/?noredirect=on&utm_term=.aef70711cce7 (accessed: 10.05.2019).
14. Hare F. "The Cyber Threat to National Security: Why Can't We Agree?" In: *Conference on Cyber Confl ict Proceedings 2010*. Tallinn, Estonia: CCD COE Publications, 2010, pp. 211–226.
15. Henning A. *Comprehensive National Cybersecurity Initiative: Legal Authorities and Policy Considerations*. (online) Washington, D.C.: Congressional Research Service Reports, 2009, available at: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R40427.pdf (accessed: 02.05.2019).
16. *International Strategy for Cyberspace*. Washington, D.C.: The White House, 2011, available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (accessed: 07.05.2019).
17. Lee D. *China dismisses U.S. accusations of cyber-spying //* Los Angeles Times. 2013, available at: http://articles.latimes.com/2013/may/07/world/la-fg-wn-china-us-cyber-spying-20130507 (accessed: 19.11.2017).
18. Libicki M. *Cyberdeterrence and Cyberwar*. 2009, available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG877.pdf (accessed: 10.05.2019).

19. *National Military Strategy for Cyberspace Operations*. (online) Washington, D.C., U.S. Department of Defense, 2006, available at: https://www.hsdl.org/?view&did=35693 (accessed: 01.01.2019).
20. Rand.org. *Cyber Warfare.* 2019, available at: https://www.rand.org/topics/cyber-warfare.html (accessed: 10.05.2019).
21. *Realcleardefense.com. 2018,* available at: https://www.realcleardefense.com/articles/2018/12/03/an_assessment_of_the_2018_us_department_of_defense_cyber_strategy_summary_113997.html (accessed: 12.04.2019).
22. Rice S. *U.S. National Security Policy Post-9/11: Perils and Prospects*. 2004, available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/20040122.pdf (accessed: 10.05.2019).
23. Sanger D. *Document Reveals Growth of Cyberwarfare between the U.S. and Iran*. 2015, available at: https://www.nytimes.com/2015/02/23/us/document-reveals-growth-of-cyberwarfare-between-the-us-and-iran.html (accessed: 10.05.2019).
24. Shabad R. *Donald Trump vows to strengthen cybersecurity capabilities*. 2016, available at: https://www.cbsnews.com/news/donald-trump-vows-to-strengthen-cybersecurity-capabilities/
25. *The Comprehensive National Cybersecurity Initiative*. 2010, available at: www.whitehouse.gov/issues/foreign-policy/cybersecurity/national-initiative (accessed: 07.05.2019).
26. Trujillo *C. The Limits of Cyberspace Deterrence*. Washington, D.C., The National Defense University Press, 2014.
27. Weimann G. *Cyberterrorism How Real Is the Threat?* Washington, D.C., United States Institute of Peace, 2004, available at: https://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf (accessed: 10.05.2019).
28. White House. *FACT SHEET: President Xi Jinping's State Visit to the United States*. 2015 (online), available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/25/fact-sheet-president-xi-jinpings-state-visit-united-states (accessed: 19.11.2018).
29. White House. *The National Strategy to Secure Cyberspace*. Washington, D.C., 2003, available at: https://www.uscert.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf (accessed: 10.05.2019).
30. Whitehouse Archives. *Policies of the Bush Administration: 2001–2009*, available at: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/bushrecord/documents/Policies_of_the_Bush_Administration.pdf (accessed: 02.05.2019).

Сейед Асгар Кейван Хоссейни (Иран), доцент, кафедра международных отношений, Университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, a.keivan.ir@gmail.com

Seyed Asgar Keivan Hosseini, Associate Professor, International Relations Department, Allameh Tabataba'i University, Tehran, a.keivan.ir@gmail.com

Мохаммад Юсоф-ванд (Иран), магистрант, Университета им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Yusefvand@gmail.com

Mohammad Yusof-vand, Post-Graduate Student, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Yusefvand@gmail.com

УДК 93/94
ББК 63.3(2)63

DOI: 10.31862/2073-9613-2019-4-312-322

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ИГРОВОМ КИНО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Г.А. Артамонов, А.С. Орлова

Аннотация. *Статья посвящена анализу игровых фильмов и сериалов на тему локальных конфликтов, возникавших у границ России в течение последних 20 лет, в контексте изучения проблемы трансформации образа врага. Если в 2000-х гг., в связи с выходом большого количества кинолент о ситуации в Чечне, наряду с чеченскими боевиками, источником угрозы выступали исламисты, руководители международного терроризма, то в последнее десятилетие в российском кинематографе усиливается тенденция показа действий США и НАТО как агрессивных, использующих приемы информационной войны. «Внутренние враги», воплощенные в фильмах о чеченском конфликте, в 2010-х гг. демонстрируются на экранах все реже, что указывает на стремление к показу российского общества как консолидированного. Наблюдается противопоставление действий российского руководства в 1990-х гг. курсу, принятому с приходом к власти нового президента.*

Ключевые слова: *образ врага, локальные конфликты, политика, игровое кино.*

FEATURES OF THE EMBODIMENT OF THE IMAGE OF THE ENEMY IN THE GAME CINEMA OF MODERN RUSSIA

G.A. Artamonov, A.S. Orlova

Abstract. *The article deals with the analysis of game films and TV series about local conflicts near the borders of Russia during the last 20 years, in the context of the transformation of the image of the enemy. If in the 2000s, due to the release of a large number of films about the situation in Chechnya,*

© Артамонов Г.А., Орлова А.С., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

* Настоящая публикация выполнена в рамках проекта РФФИ «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты» № 18-09-00621 А.

along with Chechen militants, the source of the threat were Islamists, leaders of international terrorism, in the last decade in Russian cinema, the tendency to show the action of the United States and NATO as aggressive, using the methods of information warfare. «Internal enemies», embodied in films about the Chechen conflict, in the 2010 are shown on screens less often, which indicates the desire to show the Russian society as a consolidated one. It is emphasized that the actions of the Russian leadership in the 1990s are opposed to the course adopted with the coming to power of the new President.

Keywords: *image of the enemy, local conflicts, politics, game cinema.*

Современное общество находится в беспрерывном, по экспоненте нарастающем потоке информации, поэтому дополнительную актуальность приобретают научные исследования, связанные с изучением факторов и технологий, воздействующих на массовое сознание. Особое значение в этой связи приобретают способы формирования образа врага, т.к. они являются важным инструментом как консолидации, так и разобщения различных социальных групп в условиях непрерывно возникающих локальных конфликтов, пришедших на смену мировым войнам XX века.

В этой связи все более популярной становится такая научная дисциплина, как имагология, возникшая в XX веке как направление сравнительного литературоведения. В настоящий момент она носит междисциплинарный характер и занимается исследованием образа «чужого» как стереотипа национального сознания, характеризуя также, в связи с процессами рецепции и оценки, и сам воспринимающий субъект. Данная научное направление исследований опирается на бинарную оппозицию «свои»-«чужие», которая, по мнению ученых [1, с. 45; 2, с. 81], является неотъемлемой частью коллективного бессознательного: свое, «родное» служит отправной точкой в оценке другого, чужого [3, с. 31, 32]. Однако степень влияния тех или иных факторов на данный процесс на разных этапах исторического развития общества вызывает споры среди ученых.

Одни исследователи рассматривают образ врага как политический инструмент и отводят основную роль в его конструировании государственной пропаганде [4, с. 69; 5, с. 156], другие подчеркивают, что предугадать заранее, как будет «усвоена» в массовом сознании какая-либо идеологема, с полной уверенностью не представляется возможным, поскольку наряду с воздействием пропаганды на формирование образа врага оказывает влияние социально-исторический опыт данного общества, а также опыт отдельных социальных и этнических групп [6, с. 13; 7, с. 20].

При изучении механизмов воздействия на массовое сознание авторы в последнее время все чаще, наряду с письменными источниками, используют художественные киноленты [8; 9], поскольку многие из них непосредственно отражают осо-

бенности политической ситуации и общественных настроений. Благодаря исключительной силе эмоционального влияния на зрителей, игровые фильмы на сегодняшний день представляют собой мощное средство идеологического воспитания и пропаганды.

В настоящей статье процесс трансформации образа врага рассматривается на материале игровых фильмов и сериалов о событиях в «горячих точках», возникавших у границ России в последние десятилетия (конфликт в Чечне, южноосетинский конфликт, война на Донбассе), некоторые из них, к сожалению, продолжают оставаться таковыми и сегодня. Анализ изображения противников в картинах о боевых действиях, появлявшихся на экранах на протяжении двух десятилетий, позволяет выявить трансформацию образа врага в связи с внешне- и внутриполитической обстановкой в России.

В качестве источников при написании статьи авторами привлечено более 20 отечественных художественных фильмов и сериалов, вышедших на экраны с 2001 по 2019 гг. Дополнительным материалом, позволяющим сделать выводы о целях создателей кино- и телепроектов, а также выяснить реакцию зрителей и критиков, послужили интервью и статьи, опубликованные в открытых источниках.

В фильмах и сериалах, посвященных чеченскому конфликту, в образе врага подчеркивается, прежде всего, жестокость, алчность и цинизм. Чеченские боевики похищают людей ради денег, требуют выкуп за пленных, если же они не представляют никакой пользы, их убивают («Прорыв», «Откричат журавли», «Дело чести»). Под тела погибших они подкладывают мины («Честь имею»), связаны с незаконной продажей нефти, торговлей оружием и наркотиками («Дело чести», «Убойная сила-3»). В нескольких картинах 2000-х гг. акцентируется внимание на связях российского бизнеса в Москве и Петербурге с бандитскими группировками в Чечне («В Москве встретят и помогут оружием и людьми» («Личный номер»), «Я русских дою как коз. У меня в Москве гостиница, рестораны…» («Война»)). При этом показана и трусость врагов: нередко они предлагают деньги русским офицерам, чтобы они пропустили бандитов («Прорыв», «Русская жертва», «Стреляющие горы»). Гораздо реже встречается иной мотив действий противника — месть за родных, погибших во время боевых действий («Дом дураков», «Ахиллесова пята»), а также стремление к независимости от России («Я защищаю мою страну, как мои предки» («Марш-бросок»), в отдельных образах боевиков воплощено следование принципам: «Хасан не будет предателем» («Марш-бросок»), «у нас Аллах, а у собак нет ничего, кроме жадности» («Честь имею»).

Среди тех, кто сражается на стороне чеченских сепаратистов, в фильмах нередко показаны афганцы и афроамериканцы («Марш-бросок», «Прорыв», «Грозовые ворота»), подчеркивая таким образом, что местное население не желает выступать против российских властей, а разжигание конфликта целенаправленно финансируется.

Мирные жители относятся к действиям боевиков исключительно не-

гативно («Теперь нас всех бандитами считают» («Убойная сила-3»)), и помогают им только по принуждению («Марш-бросок», «Честь имею», «Прорыв», «Десантура»). К российским войскам они проявляют доверие («Я знаю русских, с ними придет порядок» («Откричат журавли»), стараются оказать им посильную помощь: сообщить важную информацию («Стреляющие горы») или укрыть военного от боевиков («Десантура»). В сериале «Грозовые ворота» (2006) бывший боевик помогает российским войскам справиться с террористами, чтобы отомстить за убийство своей семьи. В другом сериале («Дело чести» (2007)) главный герой — чеченец по национальности, и именно он решает разоблачить махинации с деньгами, выделенными федеральным бюджетом для восстановления Чечни.

Особняком в этом ряду стоят авторские ленты А. Кончаловского «Дом дураков», А. Учителя «Пленный» и А. Сокурова «Александра». В первом из них главными героями становятся пациенты психоневрологического интерната, находящегося в пограничном районе Чечни и Ингушетии. Они проникаются сочувствием к главарю банды боевиков и не выдают его российским военным. В киноленте А. Учителя российские солдаты берут в плен чеченского юношу, знающего местность, но, оказавшись в окружении, вынуждены задушить его, чтобы не дать парню возможности привлечь внимание боевиков. А. Сокуров в «Александре» показывает трагедию войны именно для мирного населения Чечни: женщин, стариков и детей. Они живут в полуразрушенных домах, у молодежи сломана психика. Местные жители не хотят войны, местный юноша обращается к бабушке русского офицера: «Отпустите нас… Мы устали терпеть».

Во многих медиапроектах присутствует тема угрозы международного терроризма, использующего территорию Чечни в качестве одного из своих полигонов, и чеченские сепаратисты для них — только пешки («Личный номер»). Указывается на связь боевиков с исламистами на Ближнем Востоке, которые преследуют глобальные цели: «Мы должны создать исламский пояс, от моря до моря возникнет новый халифат» («Десантура»). В фильме «Личный номер» и сериале «Мужская работа» в качестве источника угрозы фигурируют также США и НАТО. Грузия рассматривается как место укрытия лидеров террористов («Убойная сила-3», «Личный номер»), а грузино-чеченская граница — как район проникновения боевиков на территорию России («Стреляющие горы»).

Особого внимания заслуживает изображение «внутренних врагов» в контексте чеченского конфликта. К таковым относятся, прежде всего, олигархи и бизнесмены, действующие исключительно в личных интересах («Честь имею!», «Личный номер», «Русская жертва»), офицеры, продающие оружие боевикам, «сливающие» им информацию и замешанные в похищении людей («Убойная сила-3», «Марш-бросок», «Мертвое поле», «Пленный», «Дело чести»). Особенно широко плеяда предателей была представлена именно в 2000-х гг., и наибольшую остроту приобрела в фильме «Русская жертва» (2008), созданном при поддержке Минкульта и Минобороны. В нем проводятся исторические параллели между отре-

чением Николая II, преданного генералами, и подвигом псковских десантников, защищавших Родину от террористов вопреки коварным планам олигархов и продажных военачальников. В фильме А. Кончаловского «Дом дураков» внутренним врагом становится руководство психоневрологического интерната, которое сбежало в период опасности, оставив пациентов на произвол судьбы. Сам режиссер в интервью выразил свою позицию так: «Вполне вероятно, что в правительстве есть люди, которые хотели бы, чтобы эта война продолжалась. Потому что, как и в каждой войне, в ней крутятся деньги, большие деньги» [10]. А. Балабанов в картине «Война» отразил мысль, что представители власти равнодушны к проблемам простых людей не только в России, но и за рубежом, так что англичанин Джон и русский солдат вынуждены вдвоем противостоять бандитам. После 2010-х тема предательства приобретает иные черты. В сериале «Стреляющие горы» (2011) офицер милиции становится предателем по принуждению (его родные — в заложниках у бандитов), но, в конце концов, искупает свой грех — жертвует собой, чтобы не допустить взрыва в военной части.

Конфликт 2008 года в Южной Осетии к настоящему моменту освещен только в двух российских полнометражных игровых кинолентах — «Олимпиус Инферно» И. Волошина (2009) и «Август. Восьмого» Д. Файзиева (2012). Первую из них сравнивали и с американской картиной «Враг народа», и с документальной лентой «08.08.08. Война в прямом эфире» (2009), отсылки к которой присутствуют в «Олимпиус Инферно». Создатели фильма подчеркивают откровенную ложь грузинских властей (стремление выдать свои собственные действия за нападение Южной Осетии на Грузию, о президенте Грузии, выступающем с заявлением, — «И вы ему верите?»), агрессию сто стороны грузинских войск по отношению к мирному населению Южной Осетии: обстрел домов и машин из танка, «растяжки» под телами убитых. В картине прямо демонстрируется единство руководства Грузии и США, оказывающих грузинам поддержку в СМИ (не допускают показа в прямом эфире кадров вторжения грузинских войск на территорию Южной Осетии). Главная героиня, русская девушка, объясняет своему другу — американцу: «Это новый тип войны. Побеждает тот, кто громче кричит… Вот это и есть информационная война». В качестве подтверждения она приводит освещение событий в Ираке. «Олимпиус Инферно» в прессе сразу же назвали пропагандистской, что, впрочем, некоторыми было отмечено как знаковое событие: «Впервые, Россия попробовала защитить свою точку зрения с помощью художественного произведения. Так, как это делает тот же Голливуд на протяжении многих десятков лет» [11].

В картине «Август. Восьмого» так же детально показаны вероломные действия грузинских войск в отношении мирного населения (обстрел автобуса с людьми, нападение на спящий Цхинвал, стрельба по машине с местными жителями). При этом сами причины подобной жестокости грузин к осетинам, как и в предыдущей картине, не озвучиваются. Отмечается, что обстановка в этом регионе оставалась напряженной на протя-

жении 20 лет. В обоих фильмах образы грузинских военных дифференцированы: наряду с теми, кто хочет кровопролития, показаны и бойцы, способные проявить сострадание и помочь героям.

Значительное внимание в фильме уделено роли российских властей: первые лица страны прямо в кадре принимают судьбоносные решения. Невмешательство России в дела Южной Осетии исключается сразу же: «Уйдем из Осетии — потеряем Кавказ». Президент России отдает приказ о введении войск на территорию Грузии, руководствуясь соображениями: «Гибнут мирные жители, атакуют наших миротворцев. Почему вы думаете, что они успокоятся, если мы останемся на границе?». Участие США в данном конфликте в «Августе. Восьмого» выражено не столь явно: о связях Тбилиси и Вашингтона говорит один из советников президента, выступая в роли «внутреннего врага» и предостерегая президента России от решительных действий. От его помощи глава государства в финале картины отказывается.

Конфликт на Украине, наиболее болезненный и актуальный на сегодняшний день, получил более широкое воплощение в художественном кино, несмотря на относительную недавность событий.

К главным чертам, присущим отрицательным персонажам в фильмах об Украине, можно отнести неадекватность, приверженность националистическим идеям, жестокость. Украинские националисты представлены, как правило, в качестве отдельных вооруженных банд («Военный корреспондент») или в лице печально известного батальона «Азов» («Донбасс. Окраина», «Правда. Цель 102»). Подчеркивается готовность противника убивать и мирных жителей, и пленных, и журналистов, его вероломство: обстрел больницы («военный корреспондент»), школы («Невыученный урок 14/41»), стрельба артиллерии по населенным пунктам («Донбасс», «Донбасс. Окраина», «Правда. Цель 102»), использование запрещенного оружия («Военный корреспондент»). В фильме Р. Давлетьярова «Донбасс. Окраина» (2019) полковник СБУ, переодетый в штатское, убивает спасшего его ополченца, за что получает пулю от украинского солдата: «Свои в спину не стреляют». В картине, снятой при поддержке Минкульта, прямо говорится об ответственности Совета национальной безопасности Украины за развязывание войны на Донбассе. В фильме А. Пиманова «Крым» (2017), созданном при участии Фонда кино и Минобороны, также указывается на то, что сами украинские военные не хотят войны и кровопролития. Режиссер и продюсер А. Пиманов отозвался о фильме: «…Я хочу подчеркнуть, что наш фильм не про войну. Он, скорее, антивоенный. Это фильм о российских и украинских офицерах, которые не стали стрелять друг в друга» [12].

В двухсерийной ленте «Военный корреспондент» демонстрируются методы участия украинских националистов в информационной войне: переодевшись бойцами Новороссии, они планируют снять на камеру убийство американского журналиста. В этой же картине — единственной на сегодняшний день — поднимается проблема виновности в катастрофе малазийского боинга, произо-

шедшей в июле 2014 года в Донецкой области. По сюжету американский журналист, находясь в зоне украинского конфликта, хочет лично установить правду. Её сообщает украинская националистка, указывая на то, что, сбивая боинг, радикалы действовали сознательно: «Они все думали, что после самолета запад впишется за нас, ну там войска введет или оружие выдаст».

Нередко в фильмах демонстрируются именно женские образы, разделяющие идеи украинских националистов. В частности, героини фильмов «Крым», «Донбасс. Окраина», «Военный корреспондент». Примечательно, что в двух из них девушки все же одумываются и выбирают противоположную сторону: в картине «Донбасс. Окраина» героиня погибает от рук бойцов «Азова», стремясь спасти от расправы мирных жителей; в «Военном корреспонденте» девушка стреляет в националистов, чтобы спасти жизнь американскому журналисту.

Несмотря на вероломство и жестокость, в фильмах также указывается на трусость противника, если против него действует слаженная и превосходящая по численности сила (эпизод с ожиданием «поезда дружбы» в Севастополе («Крым»)).

Внимания заслуживает и тот факт, что во многих российских полнометражных и короткометражных лентах присутствует сопоставление украинских радикалов и нацистов времен Великой Отечественной войны. Наиболее явно это выражено в короткометражном фильме «Невыученный урок 14/41», где мальчик, находясь в обстреливаемой школе в Донбассе, переписывается со своим ровесником из 1941 года. Отвечая на вопрос о том, чем закончится Великая Отечественная война, современный ребенок отвечает: «Победили, но они почему-то вернулись».

О роли западных стран и, прежде всего, США в конфликте на Украине упоминается почти во всех фильмах. Например, в фильме «Донбасс. Окраина» отмечается, что США диктуют свою волю властям Киева: США запретили расходовать средства на батальон «Азов». В короткометражной ленте «Правда. Цель 102» в карательном отряде украинских националистов показаны иностранные наёмники, говорящие на английском. Наиболее яркое отражение тема американского вмешательства получила в двухсерийном фильме «Военный корреспондент» (2014). Главный герой — американский журналист, который хочет открыть миру правду о происходящем на Украине, не боясь быть непонятым и попасть в опалу у себя на родине. О нем с иронией отзываются: «Его перемкнуло, когда Америка Югославию бомбила». Журналист прямо задает вопрос американскому консулу: «Зачем вы лезете в дела стран, в которых вы ничего не понимаете?» Один из бойцов ополчения — чеченец — отвечает на вопрос о причинах своего участия в этой войне: «Я с Америкой воюю, это она все мутит. Когда у нас в Чечне война была, тоже много чего Америка мутила».

Что касается роли самой России, то в фильме «Крым» подчеркивается её военная мощь и стремление не допустить кровопролития. Действия российских властей и военных отвечают чаяниям самих жителей Крыма, которые хотят защититься от

агрессии Киева. В картине «Донбасс. Окраина» достижение российской границы воспринимается как единственный шанс на спасение в условиях постоянных обстрелов и бесчинств батальона «Азов».

В этой связи примечательны сообщения СМИ об отказе Минкульта и Фонда кино финансировать киноленту о Донбассе по роману А. Проханова «Убийство городов». Еще в 2015 году глава Минкульта В. Мединский выразил готовность поддержать данный проект, но, по словам режиссера В. Бортко, сказанным еще в 2017 году: «Наш фильм… закрывали за полгода четыре раза. Под разными предлогами, чаще надуманными. И четыре раза открывали…» [13]. Причины В. Бортко видит в осторожности российских чиновников: «Как бы чего не вышло!». Возможно, их опасения вызваны и критикой бездействия российских властей, содержащейся в самом романе А. Проханова: «Кольчугин не мог слышать очередное заявление министра иностранных дел, который требовал от Киева прекратить кровопролитие, осуждал бесчеловечный режим. Негодование Кольчугина вызывал не столько бесчеловечный украинский режим, сколько пресные, изо дня в день повторяемые увещевания министра, под укоризны которого убивали людей Донбасса» [14]. По сюжету, главный герой, не имея сил равнодушно смотреть телерепортажи о разрушении городов Донбасса и гибели мирных жителей, сам отправляется в зону конфликта в качестве ополченца.

В рамках воплощения на экранах образа России как миротворца во внешней политике, бескомпромиссного борца с терроризмом и любым проявлением агрессии по отношению к другим странам, характерно и появление художественного фильма «Балканский рубеж» (2019), посвященного трагическим событиям на территории Югославии в конце 1990-х гг. Подобной тематике посвящен и снятый по заказу НТВ 4-х серийный фильм «Батальон» (2019)

В боевике «Балканский рубеж», снятом по всем канонам жанра при поддержке Минобороны, ДОСААФ и сербского министерства культуры, в качестве основного противника представлена банда албанских боевиков. Подчеркивается разбойный характер их действий, жестокость по отношению к мирным жителям: убийство пожилой женщины, священника, отказавшегося прославить Аллаха. Бандитам противостоит группа российских десантников и двое косовских полицейских, один из которых — албанец.

Не раз в картине указывается на степень автономности противника: «В Косово власть окажется у албанских боевиков. НАТОвцы им в этом помогут». Особое место занимает демонстрация бомбардировки Белграда авиацией НАТО, в ходе нее разрушению подвергается роддом, гибнут люди. В сериале «Батальон» прямо говорится о том, что, поддерживая косовских бандитов, НАТО провоцирует геноцид местных сербов.

Внимания заслуживает и то, что в качестве «внутренних врагов» выступают российские власти, отдающие приказы отпустить захваченного преступника в 1995 году и остановить колонну российских военных в Косово в 1999-м, после переговоров советника Клинтона и министра иностранных дел России. На приказ

остановить колонну российский генерал отвечает: «Трусливых приказов я никогда не исполнял». Генеральный продюсер и исполнитель главной роли Гоша Куценко так характеризовал идейную составляющую фильма: «”Марш-бросок на Приштину” — это был первый сигнал о том, что Россия поднимает голову и уходит от той “политики смирения”, которую ей прописали… В России наступали новые времена. И, если помните, через несколько месяцев сначала премьером, а потом — и исполняющим обязанности главы государства стал Владимир Путин» [15].

Таким образом за последние два десятилетия в игровом кинематографе России нашли отражение важнейшие локальные конфликты, происходившие у границ нашей страны. В разные годы в образах врагов фигурировали чеченские боевики, войска и руководство Грузии, украинские радикалы. К основным чертам неприятеля относятся жестокость, вероломство, алчность, агрессия по отношению к мирным жителям и в то же время — трусость. Противники, наделенные определенными принципами, встречаются в фильмах крайне редко. Во многих картинах подчеркивается, что управление непосредственным боевым противником осуществляется или исламистами Ближнего Востока, или США и НАТО. Причем, в последние годы акцент сместился именно в сторону западных стран как источника военной и политической угрозы.

«Внутренние враги», широко представленные в картинах 2000-х гг. о чеченском конфликте в лице олигархов, бизнесменов, коррумпированных чиновников и офицеров, в последующие годы появлялись на экранах все реже и реже, что говорит о наличии тенденции к демонстрации российского общества как единого, консолидированного перед общей угрозой. Наблюдается противопоставление действий российской власти в 1990-х гг. и её внешнеполитических шагов на современном этапе («Балканский рубеж»). Действия российских войск, миротворцев показаны профессиональными и слаженными, решения, принимаемые руководством страны — единственно правильными в сложившихся обстоятельствах (вторжение грузинских войск на территорию Южной Осетии, угроза начала войны в Крыму). Местное население поддерживает участие России в решении конфликта, встречает российских бойцов как спасителей («Балканский рубеж»).

Авторские киноленты о войне в Чечне («Александра», «Пленный») затрагивают тему трагедии мирного населения в зоне вооруженного конфликта, подразумевая, что угрозу ему (сознательно или невольно) несут обе воюющие стороны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козырев, Г.И.* Социология общественного мнения: образ врага в истории, теории и общественном сознании: учеб. пособие. М., 2017.
2. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.
3. *Папилова Е.В.* Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2011. № 4. Серия «Филологические науки». С. 31–39.

4. *Невежин, В.А.* Польша в советской пропаганде 1939–1941гг. // Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. ст. / под ред. Ю.С. Борисова, А.В. Голубева, В.А. Невежина. М., 1997.
5. *Фатеев, А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954гг. М., 1999.
6. *Гудков, Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции// Образ врага: сб. ст. / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М., 2005. С. 7–79.
7. *Сенявская, Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
8. *Иванов, Р.В., Полюшкевич, О.А.* Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 18. С. 44–55.
9. *Исаев, Е.* Историческая политика в России: репрезентация сталинской эпохи в популярном кинематографе // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 3. С. 391–406.
10. Андрей Кончаловский: фильм «Дом дураков» — пророческий. Все это было на Дубровке // NEWS.ru. 28.11.2002. URL: https://www.newsru.com/cinema/28nov2002/durakoff.html (дата обращения: 01.10.2019).
11. *Стешин, Д.* «Олимпиус инферно» -документальная фантастика о недавней войне // Комсомольская правда. 30.03.2009. URL: https://www.kp.ru/daily/24268/464723/ (дата обращения: 01.10.2019).
12. *Кудасова, Е.* Крымская весна. На Первом канале показали главный российский фильм о любви // Аргументы и факты. 19.03.18. URL: https://aif.ru/culture/movie/krymskaya_vesna_na_pervom_kanale_pokazali_glavnyy_rossiyskiy_film_o_lyubvi (дата обращения: 30.09.2019).
13. *Николаева, Л.* Владимир Бортко: Минкульт боится моего фильма о войне в Донбассе // Свободная пресса. 24.05.2017. URL: https://svpressa.ru/culture/article/173018/ (дата обращения: 01.10.2019).
14. *Проханов, А.* Убийство городов. URL: https://fictionbook.ru/author/aleksandr_prohanov/ubiyistvo_gorodov/read_online.html (дата обращения: 01.10.2019).
15. *Гамов, И.* Гоша Куценко: Я играю не конкретно Юнус-Бека Евкурова, но работал над ролью под его командирским присмотром // Комсомольская правда. 25.06.18. URL: https://www.kp.ru/daily/26846/3888443/ (дата обращения: 01.10.2019).

REFERENCES

1. Kozyrev G.I. *Sociologiya obshchestvennogo mneniya: obraz vraga v istorii, teorii i obshchestvennom soznanii: ucheb. posobie*. Moscow, 2017. (in Russian)
2. Porshnev B.F. *Socialnaya psihologiya i istoriya*. Moscow, 1979. (in Russian)
3. Papilova E.V. Imagologiya kak gumanitarnaya disciplina, *Vestnik MGGU im. M.A. Sholohova*, 2011, No. 4. Seriya “Filologicheskie nauki”, pp. 31–39. (in Russian)
4. Nevezhin V.A. “Polsha v sovetskoj propagande 1939–1941gg.”, in: *Rossiya i vneshnij mir: dialog kultur*. Sb. st. pod red. Yu.S. Borisova, A.V. Golubeva, V.A. Nevezhina. Moscow, 1997. (in Russian)
5. Fateev A.V. *Obraz vraga v sovetskoj propagande. 1945–1954 gg*. Moscow, 1999. (in Russian)
6. Gudkov L. “Ideologema “vraga”: “Vragi” kak massovyj sindrom i mekhanizm sociokulturnoj integracii”, in: *Obraz vraga: sb. st.;* sost. L. Gudkov; red. N. Konradova. M., 2005. pp. 7–79. (in Russian)
7. Senyavskaya E.S. *Protivniki Rossii v vojnah XX veka: evolyuciya “obraza vraga” v soznanii armii i obshchestva*. Moscow, 2006. (in Russian)

8. Ivanov R.V., Polyushkevich O.A. Patriotizm i identichnost v sovremennyh rossijskih filmah, *Izvestiya IGU.* Seriya "Politologiya. Religiovedenie", 2016, t. 18, pp. 44–55. (in Russian)
9. Isaev E. Istoricheskaya politika v Rossii: reprezentaciya stalinskoj epohi v populyarnom kinematografe, *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki*, 2015, t. 13, No. 3, pp. 391–406. (in Russian)
10. Andrej Konchalovskij: film "Dom durakov" — prorocheskij. Vse eto bylo na Dubrovke, *NEWS.ru.* 28.11.2002, available at: https://www.newsru.com/cinema/28nov2002/durakoff.html (accessed: 01.10.2019). (in Russian)
11. Steshin D. "limpius inferno" — dokumentalnaya fantastika o nedavnej vojne, *KP.* 30.03.2009, available at: https://www.kp.ru/daily/24268/464723/ (accessed: 01.10.2019). (in Russian)
12. Kudasova E. Krymskaya vesna. Na Pervom kanale pokazali glavnyj rossijskij film o lyubvi, *Argumenty i fakty*, 19.03.18, available at: https://aif.ru/culture/movie/krymskaya_vesna_na_pervom_kanale_pokazali_glavnyy_rossiyskiy_film_o_lyubvi (accessed: 30.09.2019). (in Russian)
13. Nikolaeva L. Vladimir Bortko: Minkult boitsya moego filma o vojne v Donbasse, *Svobodnaya pressa*, 24.05.2017, available at: https://svpressa.ru/culture/article/173018/ (accessed: 01.10.2019). (in Russian)
14. Prohanov A. *Ubijstvo gorodov*, available at: https://fictionbook.ru/author/aleksandr_prohanov/ubiyistvo_gorodov/read_online.html (accessed: 01.10.2019). (in Russian)
15. Gamov I. Gosha Kucenko: Ya igrayu ne konkretno Yunus-Beka Evkurova, no rabotal nad rolyu pod ego komandirskim prismotrom, in: *Komsomolskaya pravda*. 25.06.18, available at: https://www.kp.ru/daily/26846/3888443/ (accessed: 01.10.2019). (in Russian)

Артамонов Герман Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор, кафедра история России, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, ga.artamonov@mpgu.su

Artamonov G.A., PhD History, Professor, Russian History Department, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, ga.artamonov@mpgu.su

Орлова Анна Сергеевна, преподаватель, Спортивно-педагогический колледж Москомспорта, annaorl888@gmail.com

Orlova A.S., Lecturer, Sports Pedagogical College, Moscow Sports Committee, annaorl888@gmail.com

УДК 93/94:303.425.2
ББК 63.3(2):71

DOI: 10.31862/2073-9613-2019-4-323-337

РЯДОВОЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ИСТОРИК: способы создания исторического нарратива на YouTube

Г.И. Зверева

Аннотация. *В статье обсуждаются особенности участия рядовых пользователей платформы YouTube в создании цифровых продуктов, которые выглядят как «народные» рассказы о российской истории XX века. Такие истории создаются рядовыми пользователями в рамках заданных стандартных цифровых алгоритмов и технологий их производства. Это порождает эффект инвариантности построения рассказов и дает возможность выявлять в них повторяющиеся структурные и содержательные элементы. Целью исследования является изучение специфики технологий создания цифровых историй и выявление в них нарративных структур, соотносимых с компонентами медиатизированной культурной памяти. Фокус исследования составляют истории в формате видеороликов, создаваемые рядовыми пользователями, и семантическое расширение видео историй в ветках пользовательских комментариев. В статье предлагается типологизация видео историй по форматам и способам производства, а также по их содержанию и риторике. Далее рассматриваются принципы построения рассказов о Прошлом в комментариях. Это позволяет выявить разные роли, которые пользователи выбирают при создании макро- и микроисторий. Видео истории и комментарии к ним стоит рассматривать как целостные произведения, интерактивный цифровой контент которых складывается и трансформируется в процессе социально-культурных сетевых коммуникаций.*

Ключевые слова: *медиатизированное общество, социальные медиа, рядовой пользователь, YouTube, исторический нарратив, «народные» истории.*

© Зверева Г.И., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

AN ORDINARY USER OF SOCIAL MEDIA AS A HISTORIAN: Ways to Create a Historical Narrative on YouTube

G.I. Zvereva

Abstract. *The article discusses the features of the participation of ordinary users of the YouTube platform in the creation of digital products that look like "folk" stories about Russian history of the twentieth century. Such stories are created by ordinary users within the framework of standard digital algorithms and technologies for their production. This gives rise to the effect of invariance of storytelling and makes it possible to identify repeating structural and substantial elements in them. The aim of the study is to study the specifics of technologies for creating digital stories and identifying narrative structures in them that are correlated with the components of a mediatized cultural memory. The focus of the research is video stories created by ordinary users and the semantic extension of video stories in user comment threads. The article suggests typologization of video stories by formats and production methods, as well as by their content and rhetoric. The following describes the principles of constructing stories about the past in the comments. This allows us to identify the different roles that users choose when creating macro- and microhistories. Video stories and comments on them should be considered as integral works, the interactive digital content of which is formed and transformed in the process of socio-cultural network communications.*

Keywords: *mediatized society, social media, ordinary user, YouTube, historical narrative, "popular" stories.*

Введение

В русскоязычных социальных медиа на разных платформах создается и продвигается огромное количество мультимедийных цифровых продуктов, содержащих многообразные истории о Прошлом. В их производстве и распространении наряду с профессиональными историками принимают активное участие ведущие социальные институты, публичные политики, публицисты, лидеры мнений, рядовые пользователи.

В статье предполагается обсудить особенности участия рядовых пользователей платформы YouTube в создании цифровых продуктов, которые выглядят как «народные» рассказы о российской истории XX века. Это дает возможность глубже понять процессы формирования массовых исторических представлений в российском медиатизированном обществе и их динамику под воздействием различных социальных, политических, экономических и культурных факторов. Цель исследования состоит в том, чтобы показать специфику технологий создания цифровых «народных» историй о российском Прошлом и попытаться выявить в них устойчивые нарративные структуры, соотносимые с компо-

нентами медиатизированной культурной памяти. Это предполагает рассмотрение различных способов производства неспециализированного исторического знания рядовыми пользователями YouTube и определение места их жизненного личного и социального опыта в формировании «историй» о Прошлом. Фокус исследования составляют цифровые истории в формате видеороликов, создаваемые рядовыми пользователями, и семантическое расширение видео историй в ветках пользовательских комментариев.

Многофункциональная цифровая платформа YouTube, на которой размещаются «народные» видео истории, выбрана для исследования неслучайно. Интерфейс YouTube образован на основе соединения технологических возможностей двух типов цифровых платформ: сайта социальных сетей и сайта пользовательского контента. Он дает рядовому пользователю шанс активно взаимодействовать с разными каналами YouTube и формировать из информационных ресурсов собственные цифровые продукты.

Эмпирическую базу исследования образуют видеоролики с сюжетами о российской истории XX века, создаваемые социальными акторами, которые позиционируют себя как рядовые пользователи, а также пользовательские комментарии к видео историям. Отбор источников проведен с учетом анализа личных аккаунтов пользователей с тем, чтобы по возможности исключить из рассмотрения видео продукты, производимые профессиональными историками (в том числе преподавателями — консультантами по ЕГЭ), известными медиа журналистами и публицистами, публичными политиками, «звездными» медийными персонами — лидерами мнений. Сложность выборки связана с тем, что аккаунты пользователей, как правило, содержат минимальное количество личных сведений. Главными критериями отбора источников служат: определенные хронологические рамки создания видео (2010-е годы), заявки создателей роликов на документальность используемого визуального материала (фрагменты неигровых фильмов, фотографии, плакаты и проч.), количество просмотров (более 1000), количество комментариев (от 100 и более), продолжающееся до настоящего времени обсуждение видео историй в пользовательских комментариях.

Следует учитывать, что формы авторской работы рядовых пользователей с историческими информационными ресурсами — разные. Нередко при формировании контента своих аккаунтов пользователи ограничиваются выполнением функции агрегаторов готовых мультимедийных продуктов на исторические темы с тем, чтобы формировать из них коллекции видео. Многие пользователи стремятся к более самостоятельной деятельности и создают собственные видео фильмы, преобразуя разнообразные цифровые материалы в личные аудиовизуальные высказывания. Свободно заимствуя разные интернет-ресурсы, они далеко не всегда полагают необходимым ссылаться на исходный аудио и видео материал. Наконец, большая часть рядовых пользователей предпочитает оставаться в роли комментаторов профессиональных (просветительских, публицистических) и любительских видео. В любом случае индивидуальный социальный и

исторический опыт пользователя выражает себя (имплицитно или эксплицитно) и при отборе готовых видео для своей коллекции, и в процессе их создания и комментирования.

Концептуальную рамку статьи образуют результаты теоретических исследований, проводимых авторами в русле междисциплинарного направления YouTube studies. Они позволяют составить целостное представление о специфике организации и функционирования YouTube как цифровой медиа платформы, особенностях производства, размещения и продвижения на ней разных форматов видео контента [1; 2]. Важную роль для понимания проблем построения мультимедийных цифровых рассказов на YouTube и их жанровых разновидностей играют современные исследования в области визуальной и трансмедиальной нарратологии [3; 4; 5; 6; 7]. Для изучения функций комментаторов видео в процессе сторителлинга весьма полезны работы, в которых обсуждается деятельность пользователей YouTube в контексте партиципаторной культуры [8; 9; 10]. Исследователи рассматривают эту проблематику, как правило, в связке со спецификой социальных медиа коммуникаций в условиях цифровой алгоритмической культуры [11]. Самостоятельное значение при изучении выбранной темы имеют работы, проводимые в рамках направления digital memory studies [12; 13; 14]. Они помогают акцентировать внимание на особенностях репрезентации социальной, культурной и личной памяти в «народных» рассказах о российском Прошлом. В процессе исследования конкретных цифровых историй, содержащихся в видео роликах и комментариях пользователей, в статье используются техники мультимодального нарративного анализа текстов [15; 16; 17; 18].

Условия производства исторических нарративов на YouTube

Для понимания специфики создания рядовыми пользователями «народных» исторических нарративов как цифровых продуктов в информационной среде стоит кратко охарактеризовать основные условия их производства и распространения. Одно из них — открытость и динамизм современного информационно-коммуникативного пространства, в котором «старые» и «новые» медиа оказывают определяющее воздействие на деятельность социальных институтов и характер социальных взаимосвязей. Такое пространство исследователи обозначают понятием «медиатизированное общество» [19; 20]. Медиа влияют на структуры социального и массового исторического сознания, содействуют организации различных форм и видов знания о настоящем и прошлом, создают условия для конструирования пользователями сети разделяемых культурных значений.

Исследователи отмечают [21; 22], что огромную роль в организации жизни современного общества и управлении социальными процессами играют цифровые медийные платформы, что дает им основание рассматривать медиатизированное общество как «платформенное». Иначе говоря, многие стороны общественной жизни задаются условиями социально-экономической и социально-культурной деятельности медийных мегакорпораций, которые образуют и обу-

страивают информационно-технологические и информационно-коммуникационные пространства. Платформа YouTube — одна из них. Ее особенность состоит в том, что она сама не производит пользовательский контент, но организует его для публичного обращения в цифровой среде. Эта цифровая платформа сама определяет, какой медиа контент может размещаться и распространяться на ее каналах, каким образом пользователи могут подключаются к контенту и общаться между собой.

YouTube способен управлять системами, которые побуждают пользователей приспосабливать свои действия на платформе к заданным алгоритмам, кодам, шаблонам. Для того чтобы акты социального общения могли совершаться и распространяться на платформе, они должны быть закодированными в определенных цифровых объектах (в данном случае это аккаунты, видео ролики и комментарии к ним) и технологически управляемыми. Такая специфическая социальность, формируемая и регулируемая цифровыми технологиями, приобретает на медиа платформе черты социотехнического ансамбля, компоненты которого порой трудно различить [11; 22]. Алгоритмы и протоколы глубоко влияют на структуры сознания и способы поведения пользователей YouTube, набирающих в процессе сетевого общения новый социальный и культурный опыт.

Типы любительских видео историй о российском Прошлом: форматы и технологии

Как отмечалось выше, знание о российском Прошлом производится рядовыми пользователями YouTube в процессе социальных коммуникаций, опосредованных цифровыми алгоритмами, и «материализуется» в мультимодальных продуктах, которые содержат в себе различные формы неспециализированного исторического знания. В любом случае это — цифровые продукты, содержащие разделяемые культурные значения и смыслы. Исторический нарратив, формируемый видео роликом, семантически расширяется и переопределяется пользователями в комментариях.

Представляется важным выделить два измерения видео историй: технологическое (как и в каких форматах они производятся?) и содержательное (что представляют собой такие истории, какие повествовательные стратегии они выражают?).

По форматам и способам производства видео истории можно подразделить на несколько типов.

Один тип видео историй — когда основой для создания видео рассказа о российском Прошлом служит текст известной, популярной песни. Коллажи из фотографий плакатов, открыток, фрагментов фильмов, повседневных вещей, отобранных автором видео, призваны иллюстрировать содержание песни. Голос исполнителя песни за кадром выполняет функцию нарратора, а музыкальный ряд создает соответствующий эмоциональный настрой рассказа. К примеру, если основанием для видео истории становятся такие оптимистические советские песни, как «Широка страна моя родная» [23], «Марш Энтузиастов» [24] или «Здравствуй, земля целинная» [25], визуальный ряд складывается из фрагментов кинохроники 1930–1950-х годов, в кото-

рых запечатлены счастливые, радостные люди на праздничных демонстрациях, парадах физкультурников или на освоении целины. Подборка визуальных материалов «полярно» изменяется, когда видео история строится как иллюстрация к песне о сталинских лагерях «Будь проклята ты, Колыма!» [26].

В таких рассказах визуальные изображения сами по себе не являются нарративными структурами. Но в процессе создания мультимодального текста их семантический и нарративный потенциал актуализируется. Цифровые визуальные изображения объектов, которые автор наделяет легко опознаваемыми культурными значениями, становятся важными опорными пунктами для организации связного повествования. Зритель-пользователь сам достраивает предлагаемую ему историю. Таким образом, видео рассказ формируется при соучастии зрителей в процессе семантизации видеоряда, который вступает во взаимодействие с аудиальным и вербальным компонентами. Такой тип любительских рассказов о российском (советском) Прошлом очень распространен на платформе YouTube. Они обычно собирают огромное количество просмотров и пространных комментариев с диаметрально противоположными оценками и включениями семейной памяти или личного жизненного опыта.

В другом типе видео истории основу рассказа образует сценарий автора, который визуализируется посредством монтажа подобранных фотографий, плакатов, рисунков, карт, фрагментов документальных фильмов. Функцию нарратора выполняют закадровый голос автора и работа видеокамеры. Звуковой ряд, нередко дополняемый музыкальной композицией, накладывается на последовательность визуальных изображений. Тем самым видео фильм производит эффект наррации и создает у зрителя-пользователя необходимое эмоциональное впечатление от рассказа. Типичным примером может служить любительский видео фильм «Иосиф Сталин» из цикла «История на пальцах» [27]. Вехи апологетической биографии Сталина автор представляет в своей истории (рассказчик — в основном закадровый голос) с помощью фотографий и кратких вербальных вставок текста на экране, которые служат своеобразными смысловыми метками в канве рассказа. Разновидностью такого же типа видео истории является построение рассказа главным образом на основе авторской любительской съемки памятных исторических мест. Здесь тоже роли нарратора выполняют закадровый голос автора съемки и его видеокамера. Визуальный ряд формируется из монтажа документальных кадров, которые призваны свидетельствовать о правдивости рассказа о событиях прошлых лет, происходивших в тех местах. Такие видео истории пользователей YouTube часто складываются в результате любительских съемок заброшенных лагерей Гулага и их окрестностей в отдаленных регионах России [28].

Третий тип видео истории обычно используют рядовые видео блоггеры в стремлении завоевать внимание пользователей YouTube. Автор видео сам входит в кадр и определяет направление рассказа как нарра-

тор. При построении визуального ряда таких видео историй активно используются короткие нарезки из документальных и игровых фильмов, компьютерных видео игр, плакаты, графические схемы, фотографии, открытки и проч. Музыкальный ряд в таком рассказе чаще всего отсутствует [29]. В последние годы этот тип любительских видео историй о российском Прошлом стал все больше приобретать доминирующее положение в общем корпусе пользовательских исторических нарративов на платформе YouTube.

Типы любительских видео историй о российском Прошлом: эпический и полемический

При рассмотрении любительских видео историй о российском Прошлом из содержательной (и риторической) перспективы в них можно выделить два основных типа повествований.

Первый тип историй — *эпический*. В них преобладает *тема ностальгии* по безвозвратно ушедшему советскому прошлому. Вне зависимости от выбора пользователями тех или иных исторических тем для построения нарратива в «народных» историях обнаруживаются следы имперской мифологии, постимперского синдрома, тоски по былой державе и утраченному мировому величию [30]. С ней соседствует *тема гордости* за «свою» историю. Стандартные метки гордости создателей видео историй и зрителей — индустриализация, культурная революция, победа в Великой войне, военная мощь, выход в космос, доступность образования и медицинских услуг, громадность территории [31]. В таких мультимодальных историях рядовых пользователей прослеживаются устойчивые нарративные структуры популярной геополитики, которые формируются средствами цифровых технологий из совокупности определенных визуальных, аудиальных, вербальных знаков, символов, образов.

Второй тип историй — *полемический* — создается главным образом в блогерской среде на YouTube. Такие истории формируются в ходе жестких споров (в холиваре), которые ведут между собой политизированные видео блогеры. Стоит отметить, что нередко мощным стимулом и двигателем дискуссии является стремление заполучить бóльшую аудиторию и монетизировать свою известность. В итоге создаются полярные по своим интерпретациям рассказы о советском и недавнем постсоветском прошлом.

С одной стороны — это истории, нацеленные на *осуждение сталинизма*: «Почему в СССР все было плохо», «Я презираю СССР» и т. п. [32].

С другой стороны — огромное количество видео историй, которые содержат открытую *апологию сталинизма,* представляя сталинский период как высший этап развития страны в XX века [33]. Такие истории создаются молодыми видео блогерами левой и коммунистической ориентации. Есть также попытки рядовых пользователей построить видео рассказы о Прошлом с аргументами «за» и «против».

В полемике блогеров, которой насыщены видео истории, обоюдно используются приемы провокации, троллинга, доминирует обсценная лексика. Некоторые из блогеров (с обеих сторон) позиционируют себя как школьные учителя истории (Ежик

Лисичкин, Андрей Рудой, Алексей Шевцов и проч.) или люди, специально изучающие историю (Нестор, Морфеус). Правоту своих позиций и те, и другие обосновывают ссылкой на собственное знание исторических источников. Когда же в такой видео блогосфере появляется кто-то чужой, спорщики-сталинисты переключают свое внимание на него, объединяются в своем неприятии его позиции. Примером может служить реакция левых и прокоммунистических видеоблогеров на фильм известного блогера Юрия Дудя «Колыма — родина нашего страха», который набрал более восемнадцати миллионов просмотров пользователей YouTube [34].

В чем такие видео истории (эпические и полемические) сходятся? При производстве видео историй рядовые пользователи исходят прежде всего из собственных исторических, социальных, политических представлений и суждений о периодах и событиях российской истории. Внешние позиции, оценки (профессиональные исторические или публицистические) принимаются во внимание только в случае их соответствия собственным взглядам и стереотипам. Монополия на авторитетное знание отсутствует в сетевых коммуникациях. Недоверие и пренебрежение по отношению к профессиональному историческому знанию — это общее место в пользовательских суждениях. Такие суждения о вредности и лживости результатов работы профессиональных историков формируются в пользовательских сообществах с учетом оценок официозной телевизионной и журнальной публицистики, которая занимает доминирующие позиции в офлайновой и онлайновой медийных средах. Исходные информационные ресурсы (оцифрованные и цифровые) отбираются и упорядочиваются пользователями по тем же основаниям соответствия и несоответствия своим установкам. Рядовые пользователи — создатели видео рассказов на исторические темы относятся к таким ресурсам по большей части как к «сырым данным», не проводя различий между достоверными и вымышленными источниками, хотя разговоры достоверности привлекаемых информационных ресурсов периодически возникают в комментариях зрителей.

Способы соучастия пользователей-зрителей в производстве цифровых историй

Почему цифровые видео истории неизменно собирают большое количество просмотров и оживленно комментируются? Формульность и интертекстуальность — именно эти черты видео во многом способствуют увеличению их популярности у пользователей. Такие видео нарративы быстро и легко опознаются и апроприируются рядовыми пользователями. Сюжетные линии и смысловые акценты видео рассказов могут расширяться и изменяться в комментариях пользователей, которые принимают активное участие в развитии историй. В своих комментариях зрители вчитывают в стандартизированное содержание видео рассказов свое собственное переживание прошлого, свою жизнь в прошлом и настоящем. Воспринимая «пустую форму» видео рассказа сквозь личный опыт, рядовые пользователи преобразуют схематичную, статичную репрезентацию событий, возвращая им жизнь. Для историче-

ских нарративов в комментариях характерны такие черты, как отрывочность, прерывистость, тематическая ветвистость, разная длительность. Немалую роль в динамике и содержании рассказов в ветках комментариев играют боты и тролли.

Рассмотрение способов и форм построения рассказов о Прошлом в комментариях позволяет увидеть формы и способы самоидентификации его составителей и участников, те роли, которые они для себя выбирают. Преобладающая позиция рассказчика в комментариях — это роль Свидетеля памятных мест или памятных событий («свидетельствую: мне это рассказывали» или «свидетельствую: я был там и сам это видел»). Решающий аргумент свидетеля-рассказчика в пользу своей позиции — это эмпатия. При этом рассказчик-комментатор опирается на аффективную память — память чувств. Такие истории рассказываются по большей части от первого лица (я — мы):

П.[1] (пользователь) 1: *В СССР мы заканчивали институты не за взятки, а за знания. У нас было гарантированное устройство на работу после окончания любого учебного заведения. И не выбирали работников по возрасту. Я даже не говорю о бесплатном жилье. У Мамы была пенсия 121 руб. Хлеб стоил 16 копеек, колбаса самая дорогая 5руб. 50 копеек. Вот и считай. Путевки на отдых или в лагеря пионерские почти полностью оплачивались профсоюзами.*

П. 2: *Только за этой колбасой люди из провинции ездили в Москву, в магазинах в провинции, да и в ближайшем Подмосковье стояли ряды с консервами, нормальную одежду можно было купить, пробежав пол столицы и настоявшись в очередях. Мне 55 и я прекрасно помню то «счастливое» время! Да, сейчас жизнь не сахар, но возвращаться в Совок — да не за какие деньги, вспомню, вздрогну. Гарантированная работа за 120 руб., очередь везде, в магазине, на жилье, все более-менее хорошее — по блату. Профсоюзные путевки, или приближенным или раз в пятилетку* [35].

Другие распространенные роли пользователей-рассказчиков: Хронист, Обвинитель, Защитник, Судья.

Анализ цифровых рассказов в комментариях позволяет выявить три масштаба — уровня повествования: макро-уровень, микро-уровень, мезо-уровень. Личный, частный жизненный опыт пользователя сплавляется в продуктах такого рода с коллективными стереотипными представлениями о «нашем прошлом» и с разным отношением к официальной памяти.

В *макроисториях*, создаваемых рядовыми пользователями как комментаторами видео роликов, наблюдается устойчивая опора авторов на клише из «готового знания», предлагаемого школой, публицистикой, масс медиа. Российское Прошлое представляется в них в масштабе страны и мира. Повествование ведется чаще всего от третьего лица (как взгляд видео камеры с птичьего полета)

П. 1: *СССР в свое время объединил отстающие приграничные России области и превратил в их в пре-*

[1] Никнеймы рядовых пользователей не приводятся в тексте по этическим причинам.

успевающие индустриальные районы. Во времена Советского Союза наша страна была полностью изучена и обустроена, проведены теплотрассы, ж/д магистрали, трубопроводы и так далее. Активно развивалось изучение Арктики. Пятилетки помогли стране догнать остальной мир технически, а отставание было где-то на сотню лет в некоторых отношениях. В магазинах был хоть и дефицит продуктов (далеко не всегда), зато все было натуральным, соблюдался ГОСТ. Вообще тогда все было стандартизировано и проходило проверки, чтобы людям жилось хорошо. Касательно пропаганды и промывки мозгов — а победил бы совок нацистскую Германию без людей, любящих свою страну? Каждый советский гражданин никогда не терял в жизни смысла, всегда вдали виднелась цель — перейти к коммунизму и обеспечить потомкам счастливое будущее [32].

В *микроисториях*, которые пользователи пишут в своих комментариях к видео роликам, запечатлен прежде всего персональный или семейный опыт переживания Прошлого. В этом случае повествование ведется от первого лица, и история представляется в крупном плане личной жизни.

П.1: 80–85 год. *Детский сад в колхозе. Эпидемия дизентерии с разборками и уголовными делами. А потом все было супер. Хорошая воспитатель Лидия Ивановна. Раскладушки. Иногда вместо тарелок были эмалированные кружки. Суп черпали из них. Кормили хорошо. Манную кашу любил, даже на обед тушеная капуста съедобная, не кислая. От молока тошнило. Но я его пил и любил. Родители просили не давать мне молоко. И вместо этого мне давали стаканчик с киселем или напитком. Но я обычно с ребятами менялся на молоко. Никто не принуждал спать и прочее* [36].

П. 2: *История моей бабушки: У нее был брат, работал машинистом и был у него старший машинист, у которого было 3 маленьких детей и жена больная туберкулезом. Однажды они везли эшелон муки, в то время их сопровождали стрелки, он хотел немного взять, но не успел, его заметили, за что был осужден на 25 ЛЕТ, позже суд пересмотрел и дал 15 лет. После смерти Сталина его реабилитировали, и он отсидел только 6. Через два года пришел документ, что он был осужден НАПРАСНО* [32].

Множество рассказов в комментариях пользователей сочетают в себе элементы макро- и микроистории. В них наблюдается наряду с опорой на персональную и социальную память использование клише и стереотипов. В одной и той же истории можно найти повествование от первого и третьего лица.

П.1: *У меня так отца моей прабабушки в ссылку отправили. Он работал на золотопромывочной драге механиком, ему хорошо платили, этому позавидовал его сосед, и отдал ему на починку ружьё, и сообщил, что он незаконно держит оружие, и его увезли в лагере, где он и погиб от болезни. В СССР было много хорошего, но были и такие явления, что волосы дыбом встают. Например, почему всему СССР не сообщили об аварии на ЧАЭС, и не провели должной эвакуации сразу?*

Если я правильно помню, то после аварии на ЧАЭС, спустя несколько дней, был день труда что ли, и люди в Киеве шли парадом под тонной радиации, а потом мы удивляемся, почему у нас так много людей болеет раком [32].

Так сегменты памяти в комментариях рядовых пользователей преобразуются в «истории». Нарративизация Прошлого происходит в процессе «сшивания» следов (знаков, маркеров) индивидуальной и коллективной памяти и «готового знания», которые в совокупности конституируются пользователями как исторические факты. Блоки, из которых формируются истории, выглядят как разделяемые «воспоминания». Но зачастую это воспоминания не столько о самом Прошлом, сколько комбинации воспоминаний о школьном заученном или профанном, публичном опыте восприятия и присвоения Прошлого. Основу построения исторического нарратива образуют ключевые слова-маркеры с оценочными суждениями и коннотациями и персонажи — с заданными ролями. Таким образом, повествование складывается в «картинное» представление Прошлого. Главное — ощущение исторической реальности, ощущение личной сопричастности тому, что называют «нашей историей».

Заключение

Рассмотрение способов и форм построения рассказов такого рода позволяет лучше понять, каким образом формируются и продвигаются «народные» исторические представления в цифровой среде социальных медиа. При построении цифровых мультимодальных историй на YouTube декларативная память нарратора (память о событиях) сплетается с семантической (смысловой) памятью. В процессе общения рядовых пользователей коммуникативная память (память поколений) трансформируется в культурную, вневременную, мифологическую память. При схожести и формульности этих рассказов каждый из них содержит признаки индивидуальности пользователя, воспроизводства его личного медиатизированного опыта восприятия и переживания Прошлого. Конструирование рядовыми пользователями воспоминаний и социальной памяти неразрывно связано с самоидентификацией, построением «своего» и «чужого», разграничением «было» — «стало». Онлайновые истории, создаваемые рядовыми пользователями в YouTube, выстраиваются на основе переработки их собственного социального и жизненного опыта в современной России. Они обнаруживают следы влияния разных контекстов: политического, социально-культурного, медийно-информационного.

Важно отметить, что производители видео историй и их зрители по большей части образуют смысловое целое (они находят друг друга, самоопределяются, идентифицируются, солидаризируются). Каждое видео находит СВОИХ зрителей. Здесь создается примерно тот же эффект «пузыря», что и в сообществах на других платформах социальных медиа (Фейсбук, Вконтакте). Нечастое появление в ветках комментариев чужих-других обычно вызывает коллективные отрицательные ответные реакции со стороны большинства зрите-

лей-комментаторов. Видео истории с полярными интерпретациями российской истории и соответствующими комментариями зрителей формируют замкнутые ниши в социальных коммуникациях и слабо пересекающиеся информационные потоки.

«Народные» истории о российском прошлом создаются рядовыми пользователями в рамках заданных стандартных цифровых алгоритмов и технологий их производства. Это порождает эффект инвариантности построения рассказов и дает возможность выявлять в них повторяющиеся структурные и содержательные элементы. Видео истории и комментарии к ним стоит рассматривать как целостные произведения, интерактивный цифровой контент которых складывается и трансформируется в процессе социально-культурных сетевых коммуникаций. Таким образом, подобные истории — это не только открытые мультимодальные продукты, обладающие динамичной культурной семантикой, но и сложные цифровые объекты, несмотря на технологическую простоту их изготовления и продвижения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Video Vortex Reader: Responses to YouTube / Eds. G. Lovink and S. Niederer. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2008. 320 p.
2. The YouTube Reader / Eds. P. Snickar and P. Vonderau. Stockholm: National Library of Sweden 2010. 512 p.
3. The SAGE Handbook of Visual Research Methods / Eds. E. M. Margolis and L. Pauwels. London, Sage: Macmillan, 2011. 776 p.
4. *Kavoori A.* Reading YouTube: The Critical Viewers Guide. Series: Digital Formations. New York: Peter Lang Inc., 2011. 195 p.
5. *Gitner S.* Multimedia Storytelling for Digital Communicators in a Multiplatform World. New York and London: Routledge, 2015. 406 p.
6. *Thon J.-N.* Transmedial Narratology and Contemporary Media Culture. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 2016. 527 p.
7. *Bryan A.* The New Digital Storytelling: Creating Narratives with New Media. Santa Barbara, California: Praeger. (Second Edition), 2017. 291 p.
8. *Turner G.* Ordinary People and the Media: The Demotic Turn. London, Sage: Macmillan, 2009. 200 p.
9. *Strangelove M.* Watching YouTube: Extraordinary Videos by Ordinary People. Toronto, ON: University of Toronto Press, 2010. 265 p.
10. *Burgess J. and Green J.* YouTube: Online Video and Participatory Culture (Second Edition). Medford, MA: Polity Press, 2018. 191 p.
11. *van Dijck J.* The Culture of Connectivity. A Critical History of Social Media. New York: Oxford University Press, 2013. 240 p.
12. *van Dijk, J.* Mediated Memories in the Digital Age. Stanford CA: Stanford University Press, 2007. 256 p.
13. Save As ... Digital Memories / Eds. J. Garde-Hansen A. Hoskins and A. Reading. Palgrave Macmillan, 2009. 205 p.
14. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. A. Hoskins. New York; London: Routledge, 2018. 312 p.

15. The Routledge Handbook of multimodal analysis / Ed. C. Jewitt. London, Routledge, 2009. 544 p.
16. New Perspectives on Narrative and Multimodality / Ed. R. Page. London, Routledge, 2010. 228 p.
17. Storyworlds across Media. Toward a Media Conscious Narratology / Eds. M.-L. Ryan and J.-N. Thon. Lincoln and London, University of Nebraska Press, 2014. 357 p.
18. New Studies in Multimodality: Conceptual and Methodological Elaborations / Eds. O. Seizov and J. Wildfeuer. Bloomsbury Publishing, 2017. 312 p.
19. *Hjarvard S.* The Mediatization of Culture and Society. New York: Routledge, 2013. 192 p.
20. Mediatized worlds. Culture and Society in a Media Age / Ed. A. Hepp, F. Krotz. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 332 p.
21. *Gillespie T.* Custodians of the Internet. Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media. Yale University Press: New Haven, CT, 2018. 304 p.
22. *van Dijck J., Poell Th., and de Waal M.* The Platform Society: Public Values in a Connective World. — New York: Oxford University Press, 2018. 226 p.
23. «Широка страна моя родная» (Песня о Родине). URL: https://www.youtube.com/watch?v=632BoT2NPdw (дата обращения: 15.12.2019).
24. «Марш Энтузиастов». https://www.youtube.com/watch?v=TinYgNFQ6gI (дата обращения: 15.12.2019).
25. «Здравствуй, земля целинная» — кинохроника 50-х годов. URL: https://www.youtube.com/watch?v=GDBR4FPqjgg (дата обращения: 15.12.2019).
26. «Будь проклята ты, Колыма!». URL: https://www.youtube.com/watch?v=Vn6MwNUfTks&t=44s (дата обращения: 15.12.2019).
27. Иосиф Сталин [История на пальцах]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nCbjE9KTEpQ&t=237s (дата обращения: 15.12.2019).
28. Концлагерь Бутугычаг, Колыма 2017. Долина смерти Магаданская область. URL: https://www.youtube.com/watch?v=8fHZdIyRO5A&t=21s (дата обращения: 15.12.2019).
29. Как изменить отношение к СССР за 7 минут? URL: https://www.youtube.com/watch?v=SbTWd3Yuxf8 (дата обращения: 15.12.2019).
30. СССР, как это было и что мы потеряли. Из Новосибирска с любовью! URL: https://www.youtube.com/watch?v=CNL-Kc90Zwg&t=157s (дата обращения: 15.12.2019).
31. СССР, который мы потеряли. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nuk0h_2a3xg&t=24s (дата обращения: 15.12.2019).
32. Я презираю СССР. URL: https://www.youtube.com/watch?v=lk-8bkoBrJE (дата обращения: 15.12.2019).
33. 10 интересных фактов о Сталине. URL: https://www.youtube.com/watch?v=TxTy520w_00 (дата обращения: 15.12.2019).
34. Колыма — родина нашего страха. URL: https://www.youtube.com/watch?v=oo1WouI38rQ&t=59s (дата обращения: 15.12.2019).
35. Жизнь в СССР после войны. В цвете. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_PcQH5CO7ks&t=573s (дата обращения: 15.12.2019).
36. «Сделано в СССР» — Детские сады. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ij-3vTaBxfI&t=175s (дата обращения: 15.12.2019).

REFERENCES

1. *«Bud proklyata ty, Kolyma!»*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=Vn6MwNUfTks&t=44s (accessed: 15.12.2019). (in Russian)
2. «*Marsh Entuziastov»*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=TinYgNFQ6gI (accessed: 15.12.2019). (in Russian)
3. *«Sdelano v SSSR» — Detskie sady*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=ij-3vTaBxfI&t=175s (accessed: 15.12.2019). (in Russian)
4. «Shiroka strana moya rodnaya» (Pesnya o Rodine), available at: https://www.youtube.com/watch?v=632BoT2NPdw (accessed: 15.12.2019). (in Russian)
5. *«Zdravstvuj, zemlya celinnaya» — kinohronika 50-h godov*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=GDBR4FPqjgg (accessed: 15.12.2019). (in Russian)
6. *10 interesnyh faktov o Staline*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=TxTy520w_00 (accessed: 15.12.2019). (in Russian)
7. Bryan A. *The New Digital Storytelling: Creating Narratives with New Media*. Second Edition, Santa Barbara, California, Praeger, 2017, 291 p.
8. Burgess J. and Green J. *YouTube: Online Video and Participatory Culture* (Second Edition). Medford, MA, Polity Press, 2018, 191 p.
9. *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*, ed. A. Hoskins. New York; London, Routledge, 2018, 312 p.
10. Gillespie T. *Custodians of the Internet. Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media.* Yale University Press, New Haven, CT, 2018, 304 p.
11. Gitner S**.** *Multimedia Storytelling for Digital Communicators in a Multiplatform World*. New York and London, Routledge, 2015, 406 p.
12. Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society*. New York, Routledge, 2013, 192 p.
13. *Iosif Stalin [Istoriya na paltsah]*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=nCbjE9KTEpQ&t=237s (accessed: 15.12.2019).
14. *Kak izmenit otnoshenie k SSSR za 7 minut?* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=SbTWd3Yuxf8 (accessed: 15.12.2019).
15. Kavoori A. *Reading YouTube: The Critical Viewers Guide*. Series: Digital Formations. New York, Peter Lang Inc., 2011, 195 p.
16. *Kolyma — rodina nashego straha,* available at: https://www.youtube.com/watch?v=oo1WouI38rQ&t=59s (accessed: 15.12.2019).
17. *Konclager Butugychag, Kolyma 2017. Dolina smerti Magadanskaya oblast*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=8fHZdIyRO5A&t=21s (accessed: 15.12.2019).
18. *Mediatized worlds. Culture and Society in a Media Age*, ed. A. Hepp, F. Krotz. Basingstoke. Palgrave Macmillan, 2014, 332 p.
19. *New Perspectives on Narrative and Multimodality*, ed. R. Page. London, Routledge, 2010, 228 p.
20. *New Studies in Multimodality: Conceptual and Methodological Elaborations*, eds. O. Seizov and J. Wildfeuer. Bloomsbury Publishing, 2017, 312 p.
21. *Save As ... Digital Memories*, ed. J. Garde-Hansen A. Hoskins and A. Reading. Palgrave Macmillan, 2009, 205 p.
22. *SSSR, kak eto bylo i chto my poteryali. Iz Novosibirska s lyubovyu!* Available at: https://www.youtube.com/watch?v=CNL-Kc90Zwg&t=157s (accessed: 15.12.2019). (in Russian)
23. *SSSR, kotoryj my poteryali*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=nuk0h_2a3xg&t=24s (accessed: 15.12.2019). (in Russian)

24. *Storyworlds across Media. Toward a Media Conscious Narratology*, eds. M.-L. Ryan and J.-N. Thon. Lincoln and London, University of Nebraska Press, 2014, 357 p.
25. Strangelove M. *Watching YouTube: Extraordinary Videos by Ordinary People*. Toronto, ON, University of Toronto Press, 2010, 265 p.
26. *The Routledge Handbook of multimodal analysis*, ed. C. Jewitt. London, Routledge, 2009, 544 p.
27. *The SAGE Handbook of Visual Research Methods,* eds. E. M. Margolis and L. Pauwels. London, Sage, Macmillan, 2011, 776 p.
28. *The YouTube Reader*, eds. P. Snickar and P. Vonderau. Stockholm, National Library of Sweden 2010, 512 p.
29. Thon J.-N. *Transmedial Narratology and Contemporary Media Culture*. Lincoln, London, University of Nebraska Press, 2016, 527 p.
30. Turner G. *Ordinary People and the Media: The Demotic Turn*. London, Sage, Macmillan, 2009, 200 p.
31. van Dijck J. *The Culture of Connectivity. A Critical History of Social Media*. New York, Oxford University Press, 2013, 240 p.
32. van Dijck J., Poell Th., and de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World.* New York, Oxford University Press, 2018, 226 p.
33. van Dijk, J. *Mediated Memories in the Digital Age.* Stanford CA, Stanford University Press, 2007, 256 p.
34. *Video Vortex Reader: Responses to YouTube*, eds. G. Lovink and S. Niederer. Amsterdam, Institute of Network Cultures, 2008. 320 p.
35. *Ya prezirayu SSSR*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=lk-8bkoBrJE (accessed: 15.12.2019). (in Russian)
36. *Zhizn v SSSR posle vojny. V cvete*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=_PcQH5CO7ks&t=573s (accessed: 15.12.2019). (in Russian)

Зверева Галина Ивановна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и теории культуры, декан Факультета культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, galazver@mail.ru

Zvereva G.I., ScD (History), Professor, Chairperson, History and Theory of Culture Department, Dean, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, galazver@mail.ru

УДК 81`347.78.034+821.161.1
ББК 83.07

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ (на материале повести В.Г. Распутина «Живи и помни»)

Сунь Сяомэй

Аннотация. *В статье на примере повести В.Г. Распутина «Живи и помни» и ее переводов рассматриваются некоторые приемы переводческих трансформаций, благодаря которым решаются проблемы трансляции художественного текста, возникающие в связи с лексико-грамматическими особенностями русского и китайского языков. Система приемов базируется на классификации Л.С. Бархударова.*

Ключевые слова: *художественный перевод, переводческие трансформации, художественный текст, китайский / русский язык, классификация Л.С. Бархударова.*

METHODS OF TRANSLATION TRANSFORMATIONS WHEN TRANSLATING THE LITERATURE TEXT FROM RUSSIAN INTO CHINESE (On the Material of the V.G. Rasputin's Novel "Live and Remember")

Sun Xiaomei

Abstract. *The article considers some methods of translation transformations on the example of t V.G. Rasputin's story"Live and Remember"and its translations. Thanks to these transformations the problems of translating a literary text that arise in connection with the lexical and grammatical features of the Russian and Chinese languages are solved. The system of techniques is based on L.S. Barkhudarov's classification.*

Keywords: *literary translation, translational transformations, literary text, Chinese / Russian languages, L.S. Barkhudarov's classification.*

© Сунь Сяомэй, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Трансформация, на семантическом или формальном уровне, является неотъемлемой частью переводческой деятельности. В связи с этим любой профессионально выполненный перевод всегда включает в себя те или иные виды трансформаций, которые служат «для достижения переводческой эквивалентности (т.е. «адекватность» или «полноценность»), вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [1, с. 137].

Понятие «трансформация» в лингвистике до сих пор не имеет однозначной трактовки. Существует немало классификаций переводческих трансформаций, предложенных различными лингвистами. В общем виде «трансформация» определяется как преобразование предложения. В данной статье мы проанализируем особенности перевода художественного текста, используя классификацию известного российского ученого Л.С. Бархударова, согласно которой, все виды преобразований, или трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, можно свести к определенным типам, или видам. В его работах переводческие трансформации фактически уподобляются переводческим приемам, т.е. включают перестановки, замены, опущения и добавления [1, с. 6].

По мнению Л.С. Бархударова, наиболее распространенным и частотным видом переводческих трансформаций является ***замена***. В процессе перевода замене могут подвергаться грамматические единицы разных типов (словоформы, части речи и т.д.) и структуры (виды синтаксической связи, члены предложения и т.д.) [там же, с. 140].

Например, в китайском языке отсутствуют такие глагольные формы, как причастия и деепричастия, поэтому при переводе данных форм с русского языка на китайский их часто заменяют личными формами соответствующих глаголов. При этом структура предложения в переводящем языке тоже меняется. Можно сказать, что в этом случае происходит морфолого-синтаксическая замена [10, с. 121]. Приведем примеры такого рода замен при переводе повести В. Распутина «Живи и помни»:

Его шитик, даже и не ***заваренный*** *еще,* ***перевернутый*** *вверх днищем, одиноко валялся на берегу* [6, с. 122].

*他的小船甚至还没有*放*下水，*泡一泡*，依然*底儿朝天*，孤零零地躺在岸边* [8, с. 217].

(Его шитик еще не ***заварили****, и он одиноко* ***валялся*** *на берегу* ***вверх ногами (перевернуто)****).*

Как следует из примера, страдательное причастие прошедшего времени ***заваренный*** заменено глаголом в форме прошедшего времени множественного числа. При этом двусоставное предложение с причастными оборотами приобретает форму односоставного неопределенно-личного предложения. Причастный оборот ***перевернутый вверх днищем*** в исходном тексте обозначает признак шитика по действию, поэтому переводчик заменил согласованное распространенное определение обстоятельством образа действия (наречным сочетанием ***вверх ногами***, или наречием ***перевернуто***"底儿朝天"). Однако лексема *перевернуто* в русском языке, как правило, является кратким страдательным причастием среднего рода и вы-

ступает в функции сказуемого, поэтому данный вариант переводческой замены (*валялся перевернуто*) нельзя признать удачным. То же касается и словосочетания *валялся вверх ногами* по отношению к неодушевленному предмету (шитику).

Приведем еще пример:

Да и вся эта встреча — в бане среди ночи, отчаянной украдкой, ***не имея возможности взглянуть друг другу в лицо****, а только, как слепым, угадывать друг друга*... [6, с. 12].

*就拿整个这次会面来说吧——深更半夜，偷偷摸摸，躲在澡堂里，****根本看不清对方的脸****，只能像盲人一样猜测对方的表情*... [9, с. 12].

(…невозможно взглянуть друг другу в лицо...)

Как мы видим, здесь нет возможности сохранить форму деепричастия несовершенного вида. Мысль писателя в переводящем языке ясна, но форма переводческого выражения не соответствует нормам языка оригинала.

Кроме причастий и деепричастий, при переводе заменам часто подвергаются другие части речи или происходит инверсия, что нередко сопровождается изменением структуры предложения. Рассмотрим пример:

После *трех с половиной лет разлуки,* ***когда*** *любой день грозил быть последним…* [6, с. 12].

在*度过了随时可能传来噩耗的三年半的别离生活****之后***...[9, с. 12].

(После трех с половиной лет разлучились, любой день грозил быть последним…)

Выражение со значением “после определенного временного промежутка” в китайском языке имеет точный эквивалент, но в данном случае возникает вопрос о переводе временного придаточного предложения с союзом «**когда**». Для русского языка характерно использование сложных синтаксических конструкций, в частности, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, что не свойственно китайскому языку. В приведенном примере из повести В. Распутина временное придаточное носит уточняющий характер. В китайском языке такая синтаксическая структура может быть переведена как “在**什么样的**一段时间之后”, т.е. после **какого-то** временного промежутка [10, с. 106]. Таким образом, в предложенном варианте перевода существенно меняется временно-фактологическая картина происходящего: в исходном тексте разлука длилась три с половиной года, в китайском языке — после трех с половиной лет совместного пребывания произошла разлука; сложноподчиненное предложение меняется на бессоюзное со значением перечисления. Хотя такая трансформация не приводит к полной эквивалентности перевода, однако, с его помощью переводчик смог максимально приблизиться к верной передаче содержания, смысла и главной идеи, поэтому такой метод активно применяется в переводческой практике.

В качестве ещё одного приема переводческой трансформации выступает **перестановка**:

Лица *его в темноте* ***она не могла рассмотреть…*** [6, с. 21].

她在黑暗中看不清他的脸… [9, с.12].

(Она в темноте не могла рассмотреть его лица…)

В данном фрагменте проблемной зоной можно считать **порядок слов**, поскольку он не совпадает в русском

и китайском языках. В таких случаях для достижения большей степени эквивалентности необходимо делать перестановки.

Как мы видим, в приведенном примере синтаксическая конструкция открывается второстепенными членами (дополнение и обстоятельство места), далее следует грамматическая основа предложения — подлежащее, выраженное личным местоимением “她” *«она»*, и составное глагольное сказуемое “看不清” *«не могла рассмотреть»*.

В отличие от русского языка, синтаксис китайского языка регулируется достаточно строгими правилами, диктующими порядок слов в предложении. Как известно, в китайском языке предложение обычно начинается с подлежащего (или группы подлежащего) “她” *«она»*, за которым следует сказуемое (группа сказуемого) “看不清” *«не могла рассмотреть»*, и только потом дополнение “脸” «лицо». Принято считать, что синтаксический строй русского языка относительно свободный [4, с. 153], таким образом, подобные несовпадения в грамматическом строе, безусловно, следует учитывать при переводе.

Третий переводческий прием — **добавление**, т.е. использование в переводе дополнительных слов, не имеющих соответствий в оригинале. Вот несколько примеров из повести «Живи и помни»:

– ***Искали меня?***

– *Милиционер недавно приезжал...* [6, с. 23].

“有人在找我吗？”

“民警不久前来过...” [9, с.12].

(– Кто-то искал меня?

– Милиционер недавно приезжал...)

Вопросительная конструкция «*Искали меня?*» представляет собой неопределенно-личное предложение. В русском языке это типичный вид односоставных предложений, в которых глагол-сказуемое выражает действие, важное само по себе, а субъект действия оказывается неактуальным [4, с. 195]. В китайском языке в данном случае обязателен перевод двусоставной конструкцией (有人(кто-то) + глагол) в соответствии с синтаксическими нормами китайского языка [11, с. 250].

Кроме того, добавления в процессе перевода могут быть вызваны разными причинами. Нередко лексические добавления обусловливаются необходимостью передачи в тексте перевода значений безэквивалентных лексических единиц, например:

*Не **оборотень** ли это с ней был?* [6, с. 23] .

*她会不会是遇到了**善于变形的妖精**?* [9, с.12]. (Описательный перевод)

*(Она, может быть, встречались с **мифологическим существом, способным менять свой облик**?)*

Прежде всего, следует отметить, что в процессе перевода структура предложения и порядок слов также изменилась, но мы здесь обсуждаем только способ перевода безэквивалентных слов.

При переводе безэквивалентные лексические единицы и слова, отражающие реалии той или иной культуры, должны быть объяснены. С этой целью и применяется такой переводческий прием, как ***добавление.*** В данном примере из повести Распутина объяснения требует лексема *оборотень*: **оборотень** — мифологическое существо, способное временно менять свой облик магиче-

ским путем, превращаясь (оборачиваясь, перекидываясь) из человека в другое существо, растение или предмет, или наоборот [5, с. 113]. Из данной дефиниции следует, что основной признак оборотня — способность превращаться. В связи с этим при переводе необходимо указать это свойство (“善于变形的” — способный превращаться).

Таким образом, использование переводческих трансформаций, с одной стороны, призвано помочь трансляторам правильно передать исходное содержание и выразить мысли текста-оригинала. С другой стороны, трансформации необходимы для того, чтобы соблюсти «верность» языковых норм, чтобы речь переводчика воспринималась как «грамотная речь», что, как показывают рассмотренные в статье примеры перевода, не всегда оказывается удачным. Еще одна причина, вызывающая трансформации при переводе, — придать речи естественность, чтобы речь переводчика соответствовала речевым привычкам носителей языка перевода.

Для переводчика идеал — слияние с автором. Но слияние требует умелого использования многих переводческих приемов, например, замены, перестановки, добавления и опущения, причем каждый перевод обязательно заключает в себе индивидуальные черты, отличающие его как от оригинала, так и от других переводов того же текста. Необходимо раскрыть творческую индивидуальность так, чтобы она не заслоняла своеобразия автора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бархударов, Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
2. *Виноградов, В.В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
3. *Виноградов, В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963.
4. *Голуб, И.Б.* Грамматическая стилистика современного русского языка: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1989.
5. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.
6. *Распутин, В.Г.* Живи и помни. М.: Азбука, 2015.
7. *Рецкер, Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974.
8. （苏）拉斯普京著，李廉恕、任达萼译. 活着，可要记住. [M]. 中国社会科学出版社，1978.
9. （苏）拉斯普京著，丰一吟等译. 活下去，并且要记住. [M]. 上海译文出版社，1979.
10. 王仰正, 史铁强等. 俄汉翻译教程. [M]. 上海外语教育出版社，2015.
11. 辛菊等. 现代汉语. [M]. 清华大学出版社，2014.

REFERENCES

1. Barhudarov, L.S. *Yazyk i perevod.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. (in Russian)
2. Dahl V.I. *Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo yazyka.* Moscow; Sankt-Petersburg, Izd. M.O. Volfa, 1880–1882. (in Russian)
3. Golub, I.B. *Grammaticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb. posobie.* Moscow, Vysshaya shkola, 1989. (in Russian)

4. Las Putin, Li Lianshu, Ren Dayu translation. *Living, you have to remember*. China Social Sciences Press, 1978. (in Chinese)
5. Rasputin, Feng Yiyi, etc. *Live and remember*. Shanghai Translation Publishing House, 1979. (in Chinese)
6. Rasputin, V.G. *Zhivi i pomni.* Moscow, Azbuka, 2015. (in Russian)
7. Recker, Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. (in Russian)
8. Vinogradov, V.V. *O yazyke hudozhestvennoj literatury.* Moscow, Goslitizdat, 1959. (in Russian)
9. Vinogradov, V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoj rechi. Poetika.* Moscow, AN SSSR, 1963. (in Russian)
10. Wang Yangzheng, Shi Tieqiang et al. *Russian-Chinese Translation Course*. Shanghai Foreign Language Education Press, 2015. (in Chinese)
11. Xin Ju et al. *Modern Chinese*. Tsinghua University Press, 2014. (in Chinese)

Сунь Сяомэй (КНР), магистрант, кафедра русского языка, Факультет филологии, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, 569189437@qq.com

Sun Xiaomei, Post-graduate Student, Russian Language Department, Philology Faculty, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, 569189437@qq.com

УДК 811.13
ББК 81.471.1

НОВОГОДНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА: лингвистический анализ

Е.К. Абрамова, О.А. Агаркова

Аннотация. *Авторы статьи предпринимают попытку лингвистического анализа новогодних обращений Эммануэля Макрона к французскому народу. Исследования политического дискурса являются на данный момент актуальными и активно разрабатываемыми. Благодаря развитию цифровых технологий политические тексты доступны для различного рода изучения. В статье рассматриваются лексические особенности, стилистические приемы, грамматические характеристики языка президента Пятой республики. Проведенный лингвистический анализ показал: 1) доминирование лексики с положительной семантикой и эмоционально окрашенной; 2) изобилие лексических повторов, метафор, синтаксических конструкций с параллельным построением, длинных фраз с каскадом подчиненных предложений, риторических вопросов, выделительных оборотов; 3) наличие специальной лексики из различных областей (военные действия, строительство, история, медицина, психология, техника), стилистических приемов (гипербола, градация, антитеза, персонификация); 4) отсутствие заимствований.*

Ключевые слова: *новогоднее обращение президента, политический дискурс, французский язык, лексические особенности, грамматические характеристики, стилистические приемы.*

EMMANUEL MACRON'S NEW YEAR MESSAGES: Linguistic Analysis

E.K. Abramova, O.A. Agarkova

Abstract. *The authors of the article try to linguistically analyze Emmanuel Macron's New Year's messages for French people Studies of political discourse are currently relevant and actively developed. Thanks to the development of digital technologies, political texts are available for various kinds of study. The article considers lexical features, stylistic techniques, grammati-*

© Абрамова Е.К., Агаркова О.А., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

cal characteristics of the president's language. The linguistic analysis showed: 1) dominance of vocabulary with positive and emotionally colored semantics; 2) abundance of lexical repetitions, metaphors, syntactic constructions with parallel structure, long phrases with a cascade of subordinate clauses, rhetorical questions, emphasis; 3) presence of special vocabulary from various fields (military operations, construction, history, medicine, psychology, technology), stylistic techniques (hyperbole, gradation, antithesis, personification); 4) absence of linguistic borrowings.

Keywords: *President's New Year's address, political discourse, French, lexical features, grammatical characteristics, stylistic techniques.*

Политическая лингвистика является одним из относительно новых и активно разрабатываемых направлений в современном языкознании. Это объясняется междисциплинарным характером настоящих лингвистических исследований и тем фактом, что сегодня политика богата событиями, которые во многом определяют жизнь страны, общества в целом и каждого гражданина в отдельности. Если в первой половине XX века политические идеи распространялись в основном через радио и печатную прессу, то в наше время это происходит через телевидение и интернет, что значительно сближает политических деятелей и рядовых граждан и упрощает их «взаимодействие». Кроме того, это делает политическую коммуникацию более доступной для изучения. Развитие цифровых технологий сделали тексты политических выступлений воспроизводимыми, записи дают возможность анализировать фонетические и кинетические особенности.

Объектом исследования политической лингвистики, сформировавшейся в отдельное направление в середине XX века, являются политическая коммуникация и политический дискурс. Существуют различные подходы к соотношению данных понятий. Не углубляясь в данную научную дискуссию, согласимся с уже ставшим хрестоматийным определением политического дискурса, данным Е.И. Шейгал: это «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [1, с. 35]. Среди особенностей политического дискурса В.А. Маслова выделяет следующие: идеологизацию, ораторство, превалирование «сверх Я», формализм партийности, претензию на абсолютную истину, повышенную критичность и пламенность, преувеличенную абстракцию и наукообразие, пропагандистский триумфализм, лозунговость, агитаторский задор [2]. Данные черты проявляются в той или иной степени в зависимости от типа текста политического дискурса. В рамках статьи рассмотрим обращения президента к народу в канун Нового года.

Президентская риторика отличается многообразием жанров: предвыборные дебаты, выступление на политическом митинге, инаугурационная речь, юбилейная речь, поздравление по случаю какого-либо праздника, новогоднее обращение, ежегодное президентское послание, официальная речь

и т.д. Обращение президента ко всему народу — довольно редкое явление. Это происходит, когда будущий глава государства побеждает на выборах и обращается с речью к гражданам во время инаугурации, поздравляет нацию с Новым годом, произносит речь по какому-либо непредвиденному (чаще печальному) поводу: сложение своих полномочий, начало или конец военных действий, стихийное бедствие, крупный пожар, важное событие в международной политике и пр.

Новогоднее обращение президента страны относится к числу ритуальных жанров политической коммуникации [3]. Его основная цель состоит не столько в том, чтобы поздравить свою страну, свой народ с Новым годом и выразить свои пожелания, но объединить нацию на основе общих ценностей, достижений, побед, которыми ознаменовался уходящий год, создать эмоционально положительный настрой у граждан. Кроме того, новогоднее обращение — это отличная возможность, с одной стороны, признать существование определенных проблем, и, с другой стороны, обозначить пути их решения, подчеркнуть важность проводимых реформ, а также еще раз от первого лица заявить о принятой в стране политической идеологии.

В данной статье предпринимается попытка лингвистического анализа новогодних посланий действующего президента Франции — Эммануэля Макрона — с целью выявить особенности его риторики. Известно, что французский язык на протяжении своей истории очень бережно относился к своему словарному составу, тщательно отбирал заимствования, боролся за свою «чистоту». Выступая перед студентами Французской академии в Париже по случаю празднования Международного дня франкофонии (март 2019 года), Эммануэль Макрон отметил, что «французский язык должен стать языком завтрашнего дня», «мировым языком» [4]. Можно предположить, что, высказывая подобные мысли, и являясь президентом Пятой республики (пусть и самым молодым в ее истории), Э. Макрон должен подавать отличный пример владения языком, быть образцом для подражания. Французские лингвисты, изучающие риторику своего президента, называют его «président littéraire» наряду с Жоржем Помпиду и Франсуа Миттераном и указывают на его богатый лексикон, идеальную сочетаемость слов, использование слов разных стилей (устаревшие, неологизмы, разговорные), соблюдение всех грамматических согласований, следование правилам обязательного и факультативного связывания. Французский писатель Жан-Мишель Делакомпте так отзывается о людях с подобными языковыми привычками: «*...se constatent chez cet homme tactile — qui* goûte *les mots — le souci des liaisons impeccables, l'accord parfait des participes passés, l'emploi romanesque du passé simple, le respect constant de l'ordre syntaxique, la précision millimétrée des mots, l'absence de cafouillage sur les pronoms relatifs (lequel, laquelle), et même, nec plus ultra, la citation latine au débotté ou, à l'inverse, l'expression triviale qui le rapproche de tout un chacun*» [цит. по: 5].

В рамках настоящей статьи сконцентрируем внимание на том, какие лексические средства, грамматические возможности, стилистические приемы французского языка использует президент в своих новогодних об-

ращениях 2017 и 2018 годов [6; 7]. Условно текст новогоднего обращения содержит следующие элементы: обращение к адресату, обозначение повода обращения, итоги уходящего года, планы на будущий год, идеологический и патриотический компоненты, собственно поздравление, пожелания.

В речи 2017 года обращение к адресату традиционно и кратко: *«Mes chers compatriotes»* [6]. Обращение 2018 года носит более адресный характер: *«Françaises, Français, mes chers compatriotes de l'Hexagone et des Outre-Mer»* [7]. Э. Макрон называет отдельно француженок и французов, упоминает о жителях материковой Франции и заморских территорий, чтобы последние почувствовали, что они не забыты и их права не ущемлены. О них также идет речь далее, когда глава Пятой республики выделяет их проблемы среди остальных и предлагает пути решения: *«...pour nos Outre-mer qui ont beaucoup souffert ces derniers mois et auxquels je veux adresser un salut tout particulier; en adaptant nos règles et en construisant des filières économiques fortes qui permettent davantage d'autonomie énergétique et de créations d'emplois»* [7].

Заключительная фраза в обеих речах неизменна: *«Vive la République et vive la France(!)»* [6; 7], только во втором случае она произносится с приподнятой интонацией и предстает на письме восклицательным предложением.

Говоря об итогах уходящего года или планах на будущий, нельзя обойтись без лексем, эти года обозначающих. В обеих речах упоминания старого года фигурируют по 5 раз. Для 2017 года: *l'année 2017 (2), cette année, l'année du choix, l'anneé s'achève;* для 2018 года: *en 2018, l'année 2018, la leçon de 2018, la célébration du centenaire de l'Armistice de 1918, l'année qui s'achève.* Как мы видим, используются и числовые обозначения, и перифрастические. Последние указывают на события, произошедшие в уходящем году. Так, перифраза *l'année du choix* отсылает нас к президентским выборам, когда французский народ избрал Э. Макрона своим президентом; выражение *la célébration du centenaire de l'Armistice de 1918* говорит о том, Франция принимала участие в праздновании столетней годовщины окончания Первой мировой войны; словосочетанием *la leçon de 2018* оратор говорит о выводах, которые он сделал для себя из предыдущего года: *«Telle est à mes yeux la leçon de 2018: nous voulons changer les choses pour vivre mieux, défendre nos idéaux, nous voulons innover sur le plan démocratique, social, politique, économique et environnemental pour cela»* [7].

Упоминаний нового года больше: 15 раз в речи 2017 года: *2018, en 2018 (2), l'année 2018 (6), l'année qui s'ouvre (2), une année toute particulière, celle de la cohésion de la Nation, celle de nombreux défis, avant qu'une nouvelle année ne s'ouvre;* 6 раз в 2018 году: *en 2019, pour 2019 (2), cette année 2019, l'année qui s'ouvre, l'année à venir, une belle année 2019.* Из вышеперечисленных перифраз видно, что 2018 год фигурирует как год сплоченности нации, год преодоления многочисленных трудностей. Сказать что-то конкретное о 2019 годе по его обозначениям не представляется возможным. Объяснением этого может послужить сама структура второго выступления, которая отличается от традиционной: основная часть обращения посвящена раскрытию

трех главных пожеланий президента (правды, достоинства, надежды).

В своем первом новогоднем обращении 2017 году Э. Макрон уделяет 8% от сказанного, отсюда всего 5 упоминаний, тогда как 2018 году он посвящает 79% речи и так или иначе называет его 15 раз. О своем нежелании останавливаться на старом годе президент говорит еще в начале: *«L'année 2017 s'achève et je ne veux pas passer trop de temps à revenir sur celle-ci»* [6]. Что касается второй речи, то здесь распределение обозначений старого и нового годов практически одинаковое: 5 и 6 раз соответственно.

Рассмотрим далее лексические особенности новогодних обращений. Известно, что новогодняя речь характеризуется использованием слов с положительной и обобщенной семантикой, а также различных эмотивов — единиц, в значении которых присутствует эмоциональная составляющая [8]. Использование лексики с положительной семантикой призвано «создать у адресата ощущение стабильности, спокойствия» [9, с. 139], укрепить веру в будущее страны: *«...j'ai pu constater* ***ces miracles de solidarité, d'engagement et d'enthousiasme****»* [6]; *«Nous sommes capables de* ***l'exceptionnel****»* [6]; *«nous pouvons faire* ***mieux*** *et nous devons faire* ***mieux****»* [7]. Известно, что в новогодних обращениях не содержится ничего нового, в них фатика преобладает над информативностью [1], это достигается благодаря высокой концентрации слов с неопределенной семантикой. Так, в исследуемых текстах находим: указательные местоимения среднего рода *(je me suis attaché à faire* ***ce*** *à quoi je m'étais engagé; je continuerai à faire* ***ce*** *pourquoi vous m'avez élu);* указательные прилагательные *(****ces*** *transformations profondes; le gouvernement devra poursuivre* ***ce*** *travail pour ancrer nombre de* ***ces*** *réformes dans notre quotidien);* существительное с неопределенным артиклем, неопределенные местоимения *(****une*** *transformation en profondeur à l'école pour nos enfants, au travail pour nos citoyens, pour le climat, pour le quotidien de* ***chacun;*** *permettre à vos gouvernants de dessiner* ***un*** *grand projet);* слова с обобщающим значением *(le gouvernement a beaucoup amélioré* ***les choses;*** *le premier ministre avec son gouvernement et le parlement ont fait* ***beaucoup*** *pour le pays, nous voulons changer* ***les choses*** *pour vivre* ***mieux****).*

Согласимся с Т.С. Комисаровой, что новогодние обращения в целом характеризуются «высоким градусом эмоциональной насыщенности, которая создается обилием стилистических приемов и концентрацией разных типов эмотивов, отражающих величие момента (радость, благодарность, любовь) и помогающих развить чувство национального достоинства, связанного с утверждением традиционных национальных ценностей» [10, с. 146]. Кроме того, употребление эмоционально окрашенной лексики призвано создать праздничное настроение, положительный настрой, оптимистичный взгляд в будущее. К примеру, Э. Макрон испытывает счастье, поздравляя французский народ с Новым годом *(je suis heureux).* Он благодарит тех, кто работает в новогоднюю ночь *(je veux les remercier pour cet engagement),* кто защищает покой граждан *(je veux rendre hommage),* он проявляет уважение по отношению к тем, кто не поддерживает его политику *(je les res-*

pecte et je les écouterai toujours), подчеркивает важность каждого гражданина для страны *(la cohésion de la Nation, je suis convaincu que nous avons à inventer un projet profondément français et européen, je suis convaincu que chaque citoyen est nécaissaire pour le projet de la Nation),* выражает гордость за Францию *(fier de notre pays).* В речи 2018 года французский президент позволяет себе личные воспоминания о жизни в провинции и ее проблемах: *«J'ai grandi en province et je connais ces terres qui ont été bousculées durant ces dernières décennies et qui parfois doutent»* [7]. Это делается, безусловно, для того, чтобы быть ближе к народу, повысить к себе его доверие. Также есть предложение, в котором президент выражает солидарность с населением страны и схожие чувства, а именно нетерпение по поводу ожидания ощутимых результатов работы правительства: *«Les résultats ne peuvent pas être immédiats et l'impatience — que je partage — ne saurait justifier aucun renoncement»* [7]. Эмоционально окрашенная лексика встречается также в предложениях, описывающих настроения граждан. Так, выражаемые эмоции можно условно разделить на положительные *(votre confiance),* отрицательные *(nous nous sommes installés dans un déni parfois fragrant de réalité, l'impatience ne saurait justifier aucun renoncement, colère contre les injustices, contre le cours d'une mondialisation parfois incompréhensible, colère contre un système administratif devenu trop complexe, colère contre des changements profonds)* и нейтральные *(votre impatience, vos exigences, vos attentes, les débats sont nécessaires, les désaccords sont légitimes).* Примечательно, что лексика, описывающая состояние населения, с отрицательной семантикой превалирует в речи 2018 года, в конце которого Францию охватили протесты «желтых жилетов».

В новогодних обращениях Э. Макрона можно встретить специальную лексику, которая придает речи метафоричный характер. Преобладает военная лексика со словами *combat, lutte, bataille,* использующимися в контексте обсуждения борьбы с терроризмом, с потеплением климата, за лучшее будущее: *plusieurs combats, les combats présents et à venir, des générations qui nous ont précédé se sont battues..., la lutte contre le terrorisme, lutter contre le réchauffement climatique, lutter contre les intérêts, ces théâtres de bataille, nous gagnerons cette bataille, je me suis pleinement engagé dans cette bataille, cet esprit de conquête, le terrorisme islamiste se déploie sur tous les continents.* Также президент прибегает к выражениям из области строительства *(bâtir les nouvelles sécurités du XXIème siècle, bâtir un avenir meilleur, bâtir de nouvelles réponses, rebâtir une confiance démocratique, l'ordre international bâti en 1945, on ne bâtit rien sur des mensonges, ces chantiers jalonneront l'année, apporter un toit à ceux qui sont sans abri),* делая акцент на идее перестройки, переделки (лексемы *nouvelles, meilleur,* приставка «re»). Стоит упомянуть и одиночные примеры с историческими *(pour ne subir ni le despotisme, ni aucune tyrannie),* морскими *(ancrer nombre de ces réformes dans notre quotidien),* психологическими *(un déni fragrant de réalité),* медицинскими *(mieux nous protéger des intoxications),* текстильными *(ceux qui tissent le lien de la Nation),* архитектурными *(notre*

culture est ce socle commun), художественными *(c'est la ligne que je trace depuis le premier jour),* лингвистическими *(c'est une grammaire de la paix et l'espérance),* металлургическими *(le creuset de cette cohésion),* техническими терминами *(un levier indispensable pour réussir).* Несмотря на то, что лексика специальная, выражения, образованные с ее помощью, придают речи образность и лучше доносят до слушателя замысел говорящего.

Идея стремления к лучшему будущему, пересмотра существующего порядка вещей подчеркивается оратором многократно различными способами. Это, прежде всего, лексические средства с семами «изменение, новое, улучшение»: *une transformation en profondeur, nombre de transformations, transformer notre manière, permettre plus d'innovations économiques et sociales, c'est investir pour innover, des changements de loi, des changements profonds, des changements technologiques profonds, faire face aux grands changements, changer en profondeur les règles, changer les choses, la formation des sécurités nouvelles, bâtir les nouvelles sécurités, bâtir de nouvelles réponses, inventer de nouvelles manières de faire et d'être ensemble, être formé à de nouveaux métiers, innover sur le plan démocratique, améliorer les choses, améliorer l'organisation.* Это грамматические возможности французского языка, а именно: приставка «re» *(renouveler profondément notre vie politique, le projet européen renouvelé, réinventer la grammaire de la paix et de l'espérance, retrouver l'ambition européenne, une unité retrouvée, retrouver un peu de sens, rétablir les droits dans la société, redonner toute sa vitalité à notre démocratie, redonner l'espoir, remettre l'homme au cœur de ce projet, la renaissance de notre monde, notre Renaissance française),* степени сравнения прилагательных *(bâtir un avenir meilleur, la France plus forte et plus juste, notre Nation sera plus forte, un collectif plus fort, plus grand, le secteur public plus efficace, notre système de retraite plus juste, respirer un air plus pur, œuvrer à la plus grande dignité de chacun, une Europe plus souveraine, plus unie, plus démocratique)* и наречий *(vivre mieux, aller plus loin, je veux plus de concorde pour la France, gagner plus, travailler moins).* Семантика самих предложений также способна указывать на данное значение, например: *«J'ai besoin [...] que nous rompions avec les habitudes passées [...]»* [6]; *«Espoir en nous-mêmes, comme peuple. Espoir en notre avenir commun. Espoir en notre Europe»* [7].

Не удивительно, что в предновогодних обращениях президента отсутствуют заимствования. Французский язык довольно «враждебно» относится к заимствованиям, предпочитая использовать собственные ресурсы и прибегает к другим языкам только в крайних случаях. Речь французского президента должна быть эталоном для всех французов. Кроме того, язык официальных речей на французском языке обычно предельно корректен, в нем соблюдены все необходимые грамматические правила (порядок слов, всевозможные согласования), делаются обязательные и факультативные связывания (при устном представлении, как в случае новогоднего обращения), широко используются синонимы, чтобы максимально точно выразить

желаемый смысл, применение различных стилистических приемов продумано и подчинено общему замыслу говорящего, большое внимание уделяется сочетаемости слов, которая стремится образовать интересные, нетривиальные, красивые выражения, преобладают слова с положительной семантикой.

В ходе исследования лексического состава новогодних речей Э. Макрона мы рассмотрели знаменательные слова на предмет частоты их употребления. Представим полученные данные списком[1] в виде таблицы 1:

Сравнивая списки 2017 и 2018 годов, можно увидеть, что некоторые слова повторяются: с уменьшением числа повторов *(aussi, année, plus, travail, faire, pays, permettre, européen),* с увеличением *(vivre, grand, chacun, pouvoir, devoir),* с неизменной частотой *(France, vie, savoir).* Присутствуют слова, которые преобразовались в другую часть речи *(respecter — respect, social — société).* Остальные слова, как мы видим, не пересекаются. Они, по нашему мнению, и представляют интерес для исследователя. Например, вместо слов, описывающих настоящий момент *(aujourd'hui)* и настаивающих на неизменности чего-либо *(même, continuer),* во второй речи фигурируют слова, прямо или косвенно отправляющие нас к семе «будущее»: *projet, espoir, nouveau, mieux, avenir, commencer, changer* и указывающие на осознание необходимости перемен, реформ. Вместо пафосного *Nation* в 2018 году появились более теплые *peuple, chers compatriotes.* Ценности также поменяли свой масштаб: вместо *Europe* это *famille.* Президент, безусловно, хочет расположить к себе граждан, повысить их доверие. Теперь в списке обозначились глаголы мыслительной деятельности *(croire, penser),* но исчезли прилагательные *(français, national, indispensable, chaque, fort, politique).* Изменились конструкции, выражающие долженствование *(besoin, vouloir, engagement — il faut).* В речи 2018 года звучит слово *colère,* которое повторяется 5 раз в двух соседних предложениях.

Отметим, что лексический повтор является одной из часто используемых стилистических фигур в новогодних обращениях французского президента. Находим повторы с двумя, тремя и, реже, четырьмя, пятью элементами. Приведем наиболее показательные примеры: *«Je suis au travail,* ***fier*** *de notre pays,* ***fier*** *de toutes les Françaises et de tous les Français»* [7]; *«...rendre la France plus* ***forte*** *et plus juste; permettre [...] d'être ce qu'il est: un pays* ***fort*** *avec une exigence universelle qui, parce qu'il est plus* ***fort****, produit davantage»* [6]; *«...ce fut l'année du* ***choix****: le* ***choix*** *du peuple français, votre* ***choix*** *par lequel vous m'avez attribué votre confiance»* [6]; *«C'est celui qui doit inspirer* ***notre politique*** *de santé,* ***notre politique*** *en faveur de celles et ceux qui vivent en situation de handicap,* ***notre politique*** *d'hébergement pour les sans-abri,* ***notre politique*** *sociale aidant les plus démunis»* [6]; *«...une* ***colère*** *a éclaté, qui venait de*

[1] Список составлен по убыванию и состоит из 35 слов для каждого года с указанием абсолютного количества повторений. Составляя список из 35 слов, мы исходили из общего количества повторений и возможности предоставить целостную картину частоты употребления. Из статистического анализа нами исключены служебные слова (детерминативы, предлоги, союзы, союзные выражения, приглагольные местоимения, вспомогательные глаголы, «être» в качестве глагола-связки).

Таблица 1

Частота употребления знаменательных слов в новогодних обращениях Э. Макрона

речь 2017 г.		**речь 2018 г.**	
количество	***слова***	**количество**	***слова***
17	*aussi*	15	*plus*
17	*année*	11	*grand*
16	*plus*	10	*pouvoir*
13	*pays*	10	*chacun*
12	*travail*	10	*aussi*
12	*besoin*	9	*devoir*
12	*vouloir*	9	*pays*
11	*permettre*	8	*année*
10	*faire*	7	*savoir*
9	*pouvoir*	7	*croire*
9	*chacun*	7	*projet*
8	*politique*	7	*France*
8	*fort*	7	*travail*
7	*Nation*	7	*espoir*
7	*engagement*	7	*vivre*
7	*France*	7	*faire*
7	*français*	6	*nouveau*
7	*européen*	6	*société*
7	*savoir*	6	*vie*
6	*vie*	5	*colère*
6	*grand*	5	*européen*
6	*continuer*	5	*mieux*
6	*même*	4	*respect*
5	*devoir*	4	*avenir*
5	*aujourd'hui*	4	*monde*
5	*situation*	4	*dignité*
5	*vivre*	4	*famille*
5	*milieu*	4	*commencer*
5	*indispensable*	4	*changer*
5	*respecter*	4	*chers compatriotes*
5	*gouvernement*	4	*peuple*
5	*social*	4	*il faut*
5	*national*	4	*profondément*
5	*Europe*	4	*penser*
5	*chaque*	4	*permettre*

loin; ***colère*** *contre les injustices;* ***colère*** *contre un système administratif;* ***colère*** *aussi contre des changements profonds [...]. Cette* ***colère*** *a dit une chose à mes yeux [...]: nous ne sommes pas résignés»* [7]. Основная цель лексического повтора — акцентировать внимание на важности сказанного, вселить веру в свои слова. Действительно, нельзя не согласиться, что Европа должна заявить о себе с новой силой, что все французы мечтают о сильной Фран-

ции, что 2017 год был годом важного выбора для страны, что социальная политика, проводимая государством, должна быть эффективной. Одним из часто употребляемых слов французского президента, которое он многократно произносил в интервью, предвыборных выступлениях, было слово *projet*. Здесь можно вспомнить знаменитый макроновский призыв, произнесенный во время первого крупного предвыборного митинга в Париже в декабре 2016 года: *«Ce que je veux, c'est que vous, partout, vous alliez le faire gagner! Parce que c'est notre projet!»* [11].

Говоря о повторах Эммануэля Макрона, отметим, что французские исследователи президентской риторики указывают на так называемые «tics de langage» или «formules fétiches», которыми изобилует его неподготовленная речь. К таковым относятся: *pardon de vous le dire* (ставит своего собеседника перед очевидным фактом), *que ça vous plaise ou non* (используется при приведении аргументов), *en même temps* (балансирование между левыми и правыми политическими силами), *je vais être très clair* (подготавливает собеседника к восприятию информации, заслуживающей внимания) [12, 13]. Безусловно, в тщательно выверенных текстах новогодних обращений подобные повторы не встречаются.

Однако для лингвистических исследований интерес представляет и противоположный феномен — использование редких слов, неизбитых сочетаний, слов, принадлежащих к разным стилям. К примеру, в речи 2018 года находим: *«Nous surmonterons ensemble les égoïsmes nationaux, les intérêts particuliers et* ***les obscurantismes****»* [7]. Под последним французский президент понимает «невежество, незнание» и обозначает его книжным вариантом. В речи Э. Макрона можно встретить слова, не принадлежащие к официальному стилю [14]. Это могут быть слова с пометками: «устаревшие», «научные», «разговорные», «грубые» *(illettrées, ipséité, fainéants, carabistouille, bordel, bullshit):* «Macron n'a pas une langue, mais des langues, des styles qu'il utilise selon les interlocuteurs et le public visé. C'est un orateur au sens de la rhétorique ancienne, qui respecte l'une des règles premières de la rhétorique, qui est d'adapter son discours à son auditoire jusque dans le lexique et le registre» [15].

Ранее мы рассмотрели частоту употребления знаменательных слов, исключив из анализа служебные слова. Тем не менее, частота использования некоторых из них (личных местоимений, притяжательных прилагательных) позволит, по нашему мнению, сделать определенные выводы относительно языкового портрета Э. Макрона. Представим полученные данные в таблице 2:

Из приведенной таблицы видно, что в 2017 году Э. Макрон был готов взять на себя больше ответственности и хотел привлечь к себе больше внимания, чем в 2018 году: употребление *je* сократилось с 58 до 38 раз, тогда как использование *nous* увеличилось с 42 до 67 раз (при примерно одинаковом общем количестве слов)[2]. Также отметим одинаковое соотношение местоимений *nous* и *vous* в 2017 году (по 42 раза), в 2018 году использование *nous*

[2] Об этом см. ниже, при рассмотрении синтаксических характеристик речи Э. Макрона.

на порядок выше, чем *vous* (67 и 6 раз соответственно). Анализируя предвыборные речи 2017 года, Од Лорьо отмечает, что среди всех кандидатов в президенты Э. Макрон чаще всех использовал личные местоимения первого лица [16]. Тем самым, по словам Д. Мейафр, он делает ударение не на выражаемых идеях, а на своей персоне: «C'est par le martèlement du "je" qu'il a construit un "je" présidentiel» [цит. по 16]. Э. Макрон не раз заявлял, что Франции необходим сильный президент — «président jupitérien» [17], который был бы способен обеспечить своей стране настоящий прорыв. Такими президентами, по его мнению, являлись Шарль де Голль и Франсуа Миттеран. Возможно, употребление *je* связано с желанием вернуть Франции звание сильной державы, где главе государства отведена первостепенная роль: «...par l'utilisation répétée du "je" E. Macron a intégré la dimension monarchique de notre constitution, qui laisse la part belle au chef» [16].

Что касается притяжательных прилагательных, то число форм первого лица *notre, nos* также возросло с 49 до 61 раза, а формы второго лица *votre, vos,* которых в первой речи насчитывается в количестве 14, во второй речи отсутствуют. Предпочтение множественного числа единственному и первого лица второму свидетельствует о смещении ответственности за судьбу страны в сторону нации в целом и каждого гражданина в отдельности.

Среди прочих стилистических приемов в новогодних обращениях Э. Макрона фигурируют единичные случаи гиперболы: *«... j'ai pu constater dans notre pays* ***ces miracles*** *de solidarité, d'engagement et d'enthousiasme»* [6]; *«Nous sommes* ***capables de l'exceptionnel»*** [6]; антитезы: *«On ne peut pas* ***travailler moins, gagner plus, baisser nos impôts*** *et* ***accroître nos dépenses****, ne rien changer à nos habitudes et respirer un air plus pur!»* [7]; градации: ***«Les débats*** *sont nécessaires,* ***les désaccords*** *sont légi-*

Таблица 2

Частота употребления личных местоимений и притяжательных прилагательных в новогодних обращениях Э. Макрона

местоимения, притяжательные прилагательные	синтаксическая роль (для *nous, vous*)	количество в новогоднем обращении 2017 года	количество в новогоднем обращении 2018 года
je (j')	sujet	58	38
mon, ma, mes		9	10
nous	pronom-sujet	32	32
	pronom-complément d'objet direct / indirect	7	17
	pronom indépendant	2	10
	pronom réfléchi	1	8
notre / nos		49	61
vous	pronom-sujet	14	1
	pronom-complément d'objet direct / indirect	10	4
	pronom indépendant	13	1
	pronom réfléchi	5	0
votre / vos		14	0

times mais ***les divisions*** *irréconciliables minent notre pays»* [6]; персонификации: *«Le terrorisme islamiste continue aussi de* ***sévir****»* [7].

Далее рассмотрим грамматические особенности новогодних обращений Э. Макрона. В плане синтаксиса французский президент отдает предпочтение повествовательным предложениям (67 из 73 в первой речи, 90 из 101 во второй). Находим также предложения с императивом (5/73 и 2/101). Примечательно, что в обращении 2017 года глаголы в повелительном наклонении стоят во втором лице (просьба, совет): *«****Comptez*** *sur ma détermination entière en la matière»* [6]; *«****Demandez-vous*** *chaque matin ce que vous pouvez faire pour le pays et au-delà de votre quotidien, de votre vie, parfois de ses difficultés, dites-vous toujours que vous appartenez à un collectif plus fort, plus grand que vous: la Nation française»; «...vous aurez peut-être dans vos vies personnelles des moments de doute, des drames, mais* ***n'oubliez jamais*** *que nous sommes la Nation française»* [6]; *«...****dites-vous*** *à chaque instant que vous avez quelque chose à faire pour la Nation»* [6]. В первом случае речь идет о том, что люди со статусом беженцев могут рассчитывать на помощь Франции. В других примерах президент напоминает своим гражданам, что они часть великой французской нации и для ее процветания важен вклад каждого. В речи 2018 года глаголы в императиве стоят в первом лице, что отсылает нас к идее совместного действия: *«Alors,* ***cessons… cessons*** *de nous déconsidérer ou de faire croire que la France serait un pays où les solidarités n'existent pas et où il faudrait dépenser toujours davantage!»* [7]; *«Alors* ***débattons,*** *car de là peut naître une action utile et qui nous unit»* [7]. Первый пример осложнен лексическим повтором: Э. Макрон повторяет интересующий нас глагол и выдерживает смысловую паузу, чтобы сделать на нем логическое ударение, на письме это выражается многоточием; к тому же предложение произносится с восклицательной интонацией. Итак, президент призывает граждан перестать недооценивать себя, а во втором примере — объединиться и действовать сообща на благо страны.

В обоих новогодних обращениях присутствуют вопросительные предложения (2/73 и 3/101) — риторические вопросы, которые сконцентрированы в той части речи президента, где он высказывает свое возмущение по поводу нечестного поведения тех, кто обогащается за счет других и тех, кто использует протесты «желтых жилетов» в своих целях. *«Je crois dans la réussite, dans les succès mais que valent ces succès s'ils ne sont en quelque sorte que les succès de quelques-uns? Que s'ils nourrissent les égoïsmes ou les cynismes? Rien de bien durable. Tant de Nations sont en train de se fracasser parce que seuls quelques-uns y réussissent!»* [6]; *«...notre malaise dans la civilisation occidentale et la crise de notre rêve européen sont là. Alors faut-il s'en désespérer? Je ne le crois pas. Et cette liberté, elle requiert un ordre républicain; elle exige le respect de chacun et de toutes les opinions; que certains prennent pour prétexte de parler au nom du peuple — mais lequel, d'où? Comment? Et n'étant en fait que les porte-voix d'une foule haineuse, s'en prennent aux élus, aux forces de l'ordre, aux journalistes, aux juifs, aux étrangers, aux homosexuels, c'est tout simplement la négation de la France!»* [7]. Мы

позволили себе такие распространенные примеры, чтобы показать, что сразу после вопросов идет мнение самого Э. Макрона, произносимое, что примечательно, с восклицательной интонацией. Введение в монолог риторических вопросов связано с желанием сделать речь более эмоциональной, интонационно богатой, создать эффект естественного диалога и непосредственного контакта с аудиторией, вызвать у граждан чувство сопричастности за судьбу страны [18, с. 125]. С подобной целью вводится предложение, произносимое с незаконченной интонацией: *«Enfin, des changements technologiques profonds, au premier rang desquels l'intelligence artificielle, transforment rapidement notre manière de nous soigner, nous déplacer, nous former, produire…»* [7]. Действительно, можно довольно долго рассуждать, каким образом технические новинки изменили нашу жизнь.

Если говорить отдельно о восклицательных предложениях, то их число невелико (1/73 и 5/101), их использование призвано оживить официальную речь: *«Il serait dangereux que notre situation nous conduise à ignorer le monde qui nous entoure. Bien au contraire, car tout se tient!»* [7]; *«On ne peut pas travailler moins, gagner plus, baisser nos impôts et accroître nos dépenses, ne rien changer à nos habitudes et respirer un air plus pur!»* [7].

В целях логического ударения Э. Макрон использует различные способы. Он прибегает к выделительным оборотам, чаще всего обособляются указательные местоимения, которые играют роль подлежащего: «*La fraternité,* ***c'est ce qui*** *nous unit,* ***ce qui*** *nous a fait un,* ***ce qui*** *nous tient ensemble*» [6]; прямого дополнения: *«****C'est ce que*** *nous avons fait au Liban,* ***c'est ce que*** *nous faisons aujourd'hui au Sahel et* ***ce que*** *nous continuerons à faire en Syrie»* [6]; косвенного дополнения: *«...****c'est de cela dont*** *j'ai besoin et* ***c'est pour cela que*** *j'ai besoin de vous»* [6]. Новогодние обращения французского президента изобилуют конструкциями с ярко выраженным синтаксическим параллелизмом. В следующем примере можно наблюдать совместное употребление выделительного оборота и параллельного построения предложения: *«...c'est* ***avec cet*** *esprit de conquête que nous avons en partage,* ***avec cette*** *détermination entière,* ***cette*** *ambition sincère pour notre pays et pour chacun d'entre vous,* ***avec cette*** *volonté de faire vivre notre Renaissance française que je vous présente tous mes vœux pour l'année 2018»* [6].

К предпочитаемым приемам Э. Макрона можно, по нашему мнению, отнести использование сложных предложений с различными типами связи. Примечательно, что зачастую эти предложения довольно распространенные. Обе речи французского президента продолжительны во времени (17,5 минут в 2017 году и 16,5 минут в 2018 году) и составляют 2203 слова или 73 предложения и 2251 слово или 101 предложение соответственно. Таким образом, средняя длина одного предложения составляет примерно 30 слов в первом обращении и 22 слова во втором. В речи 2017 года президент говорит об основных планах в одном предложении, насчитывающем 173 слова [6]. Несмотря на продолжительный характер обращений и длину предложений речь воспринимается довольно легко, она логична, не содержит экивоков. Зачастую длина предложения увели-

чивается за счет использования однородных членов. Причем, преобладают трехчастные конструкции, приведем пример, где однородные члены употреблены с лексическим повтором: *«Ces transformations profondes ont commencé et se poursuivront avec* ***la même*** *force,* ***le même*** *rythme,* ***la même*** *intensité pour l'année 2018»* [6].

С точки зрения использования времен и наклонений особых или нехарактерных случаев не выявлено. Так, présent de l'indicatif, présent continu констатируют настоящее положение дел: *«Je* ***sais*** *que plusieurs d'entre vous* ***ne partagent pas*** *la politique qui* ***est conduite*** *par le gouvernement aujourd'hui»* [6]; *«Vous le voyez, nous* ***sommes en train de vivre*** *plusieurs bouleversements inédits»* [7]; выражают абсолютное настоящее: *«Le peuple français* ***est un grand peuple*** *qui parfois* ***sous-estime*** *ses propres ressorts intimes»* [6]. Passé composé, imparfait, passé simple служат для передачи того, что осталось в минувшем году: *«...ce* ***fut*** *l'année du choix»* [6]; *«...nombre de transformations qu'on* ***pensait*** *jusqu'alors jugées impossibles comme celle du travail ou des chemins de fer,* ***ont été menées*** *à bien»* [7]. Futur simple выражает то, что планируется в новом году: *«Le Gouvernement, dans les prochains mois,* ***devra*** *poursuivre ce travail pour ancrer nombre de ces réformes dans notre quotidien»* [7]. Присутствуют примеры с употреблением времен, принадлежащим всем трем эпохам (прошлому, настоящему и будущему): *«C'est ce collectif qui vous* ***a éduqué,*** *qui vous* ***soigne****, qui quand vous tombez, vous* ***aide*** *à vous relever, qui vous* ***aidera*** *dans vos vieux jours»* [6]. Подобные конструкции вводятся для передачи динамики, движения к лучшему, идеи продолжения начатых процессов. Также встречаются формы présent du subjonctif и conditionnel présent: *«Il* ***serait*** *dangereux que notre situation nous* ***conduise*** *à ignorer le monde qui nous entoure»* [7]. Под *notre situation* Э. Макрон подразумевает протесты «желтых жилетов».

Таким образом, нами предпринята попытка проанализировать новогодние поздравления президента Франции Э. Макрона с точки зрения лексических особенностей, грамматических характеристик, стилистических приемов. Выявлено, что глава Пятой республики отдает предпочтение лексике с положительной семантикой, лексическим повторам, метафорам, синтаксическим конструкциям с параллельным построением, длинным фразам с каскадом подчиненных предложений, риторическим вопросам, выделительным оборотам, прилагательным в превосходной степени. Его речь выразительна и в то же время проста, стерильна и изящна.

В будущем планируется рассмотреть другие официальные обращения и выступления Э. Макрона, что позволит выявить определенные закономерности и составить языковой портрет политика. Кроме того, перспективным будет сравнительное изучение новогодних обращений президентов Франции, выявить схожие и отличительные черты. Исследование политического дискурса представляет интерес не только в лоне лингвистики, но и имеет большую практическую значимость для понимания процессов, происходящих в современной мировой политике. Лингвистические исследования могут сыграть в этом немаловажную роль. Согласимся со словами извест-

ного писателя и философа А.А. Зиновьева, который писал: «Мы — языковые существа. Мы образуем общество именно языковых существ. Мы организуемся, управляемся через язык. Мы организуем, управляем и угнетаем через язык. В нашем мире все ценности появляются таковыми лишь постольку, поскольку могут быть так или иначе выражены в языке, отображены в языке, порождены в языке» [цит. по: 19, с. 21].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. 440 с.
2. *Маслова, В.А.* Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008. С. 43–47.
3. *Кондратенко, Н.В.* Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Труды международной конференции “Диалог 2007”. Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007. М.: Издательский центр РГГУ, 2007. С. 302–306.
4. Макрон: Французский должен стать языком будущего. URL: http://mir24.tv/news/16296928/makron-francuzskii-dolzhen-stat-yazykom-budushchego (дата обращения: 28.04.2019).
5. *Guilbert, C.* La langue de Macron et de la Macronie. URL: http://www.la-croix.com/Debats/Chroniques/langue-Macron-Macronie-2018-04-04-1200928973.html (дата обращения: 28.04.2019).
6. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les défis et priorités de la politique gouvernementale, à Paris le 31 décembre 2017. URL: http://discours.vie-publique.fr/notices/187000011.html (дата обращения: 10.01.2019).
7. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les défis et priorités de l’année 2019, à Paris le 31 décembre 2018. URL: http://discours.vie-publique.fr/notices/197000008.html (дата обращения: 10.01.2019).
8. *Шаховский, В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.
9. *Корнева, М.В.* Новогодние обращения президентов Д. Медведева и Н. Саркози как отражение национальной риторической традиции политической речи // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 2. С. 135–142.
10. *Комисарова, Т.С.* «Новогоднее обращение» как жанр политического дискурса (сравнительный анализ новогодних обращений В.В. Путина и Г. Шредера) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. научн. трудов. Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2005. Вып. 2. С. 143–150.
11. Parce que c’est notre projet. URL: http://youtube.com/watch?v=d7RWlcOcHgg (дата обращения: 28.04.2019).
12. «Pardon de vous le dire», mais Macron a des tics de langage. URL: https://www.bfmtv.com/politique/pardon-de-vous-le-dire-mais-macron-a-des-tics-de-langage-1139406.html (дата обращения: 28.04.2019).
13. *Mongaillard, V.* Tics de langage: «En même temps», le péché mignon de Macron. URL: http://www.leparisien.fr/societe/tics-de-langage-en-meme-temps-le-peche-mignon-de-macron-21-04-2018-7676160.php (дата обращения: 28.04.2019).

14. *Berdah, A.* «Illettrées», «fainéants», «bordel»... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron. URL: http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001-20171005ARTFIG00129-illettrees-faineants-bordel-de-bercy-a-l-elysee-le-langage-choc-de-macron.php (дата обращения: 28.04.2019).
15. *Alduy, C.* La langue de Macron est beaucoup plus proche d'Hollande qu'on pourrait le croire. URL: http://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/2018/05/22/37003-20180522ARTFIG00034-macron-est-beaucoup-plus-proche-d-hollande-qu-on-nepourrait-le-croire.php (дата обращения: 28.04.2019).
16. *Lorriaux, A.* Le "je" d'Emmanuel Macron. URL: http://www.scienceshumaines.com/le-je-d-emmanuel-macron_fr_38469.html (дата обращения: 28.04.2019).
17. Macron: ce que signifie «président jupitérien». URL: https://www.bfmtv.com/politique/ce-que-signifie-le-president-jupiterien-que-souhaite-incarner-macron-1166014.html (дата обращения: 28.04.2019).
18. *Ополовникова, М.В., Зимина, М.В.* Коммуникативная структура текста «новогоднее обращение главы государства к народу» (На примере речи А. Меркель) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2014. № 10. С. 121–126.
19. *Воробьев, В.В.* «Фактор понимания» — логическое завещание Александра Зиновьева // Логико-философские исследования / отв. ред. Ю.В. Ивлев. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. Вып. 6. С. 18–27.

REFERENSES

1. Alduy C. *La langue de Macron est beaucoup plus proche d'Hollande qu'on pourrait le croire,* available at: http://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/2018/05/22/37003-20180522ARTFIG00034-macron-est-beaucoup-plus-proche-d-hollande-qu-on-nepourrait-le-croire.php (accessed: 28.04.2019).
2. Berdah A. *"Illettrées", "fainéants", "bordel"... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron, available* at: http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001-20171005ARTFIG00129-illettrees-faineants-bordel-de-bercy-a-l-elysee-le-langage-choc-de-macron.php (accessed: 28.04.2019).
3. *Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les défis et priorités de la politique gouvernementale, à Paris le 31 décembre 2017,* available at: http://discours.vie-publique.fr/notices/187000011.html (accessed: 10.01.2019).
4. *Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les défis et priorités de l'année 2019, à Paris le 31 décembre 2018,* available at: http://discours.vie-publique.fr/notices/197000008.html (accessed: 10.01.2019).
5. Guilbert C. *La langue de Macron et de la Macronie,* available at: http://www.la-croix.com/Debats/Chroniques/langue-Macron-Macronie-2018-04-04-1200928973.html (accessed: 28.04.2019).
6. Komisarova T.C. "Novogodnee obrashhenie" kak zhanr politicheskogo diskursa (sravnitelnyj analiz novogodnih obrashhenij V.V. Putina i G. Shredera. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse.* Orel, Orel State Institute of arts and culture, 2005, No. 5, pp. 143–150.
7. Kondratenko N.V. "Novogodnee obrashhenie kak ritualnyj zhanr politicheskogo diskursa: makrostrukturnye komponenty i sredstva ih vyrazhenija", in: *Proceedings of the* M*ezhdunarodnoj konferencii "Dialog 2007"* (Bekasovo, May 30 — June 3 2007). Moscow, Izdatelskij centr RGGU, 2007, pp. 302–306. (in Russian)

8. Korneva M.V. Novogodnie obrashhenija prezidentov D. Medvedeva i N. Sarkozi kak otrazhenie nacionalnoj ritoricheskoj tradicii politicheskoj rechi. *Vestnik of Moscow University, Ser. 9, Philology,* 2011, No. 2, pp. 135–142. (in Russian)
9. Lorriaux A. *Le "je" d'Emmanuel Macron, available* at: http://www.scienceshumaines.com/le-je-d-emmanuel-macron_fr_38469.html (accessed: 28.04.2019).
10. *Macron: ce que signifie "président jupitérien", available* at: https://www.bfmtv.com/politique/ce-que-signifie-le-president-jupiterien-que-souhaite-incarner-macron-1166014.html (accessed: 28.04.2019).
11. *Makron: Francuzskij dolzhen stat jazykom budushhego, available* at: http://mir24.tv/news/16296928/makron-francuzskii-dolzhen-stat-yazykom-budushchego (accessed: 28.04.2019). (in Russian)
12. Maslova V.A. Politicheskij diskurs: jazykovye igry ili igry v slova? *Politicheskaja lingvistika.* Ekaterinburg, 2008, Vol. 1(24), pp. 43–47. (in Russian)
13. Mongaillard V. *Tics de langage: "En même temps", le péché mignon de Macron, available* at: http://www.leparisien.fr/societe/tics-de-langage-en-meme-temps-le-peche-mignon-de-macron-21-04-2018-7676160.php (accesed: 28.04.2019).
14. Opolovnikova M.V. Kommunikativnaja struktura teksta "novogodnee obrashhenieglavy gosudarstva k narodu" (Na primere rechi A. Merkel), *Teoria i praktika inostrannogo jasyka v vysshej shkole.* Ivanovo, Ivanovo State University, 2014, No. 10, pp. 121–126. (in Russian)
15. *Parce que c'est notre projet, available* at: http://youtube.com/watch?v=d7RWlcOcHgg (accessed: 28.04.2019).
16. *"Pardon de vous le dire", mais Macron a des tics de langage, available* at: https://www.bfmtv.com/politique/pardon-de-vous-le-dire-mais-macron-a-des-tics-de-langage-1139406.html (accessed: 28.04.2019).
17. Shahovskij V.I. *Kategorizacija emocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka.* Voronezh, Voronezhskij University, 1987. (in Russian)
18. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. *PhD dissertation (Philology).* Volgograd, 2000. (in Russian)
19. Vorobev V.V. "Faktor ponimanija" — logicheskoe zaveshhanie Aleksandra Zinoveva. *Logiko-filosofskije issledovanija.* Moscow, Centr strategicheskoj konjunktury, 2013, No. 6, pp. 18–27. (in Russian)

Абрамова Елена Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка, Оренбургский государственный педагогический университет, helene2310@yandex.ru

Abramova E.K., PhD in Philology, Associate Professor, Romano-Germanic Philology and Methods of Teaching Foreign Languages Department, Orenburg State Pedagogical University, helene2310@yandex.ru

Агаркова Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романской филологии и методики преподавания французского языка, Оренбургский государственный университет, agarkova1612@rambler.ru

Agarkova O.A., PhD in Philology, Associate Professor, Romano-Germanic Philology and Methods of Teaching Foreign Languages Department, Orenburg State University, agarkova1612@rambler.ru

УДК 811.133.1
ББК 81.2-3; 81.471.1

КОНЦЕПТ «RÉPUBLIQUE» (структура и языковая репрезентация)

К.Э. Нагаева

Аннотация. *В статье впервые подвергается исследованию лингвокультурный концепт «République». Особое внимание уделяется его структуре и языковой репрезентации. Настоящее исследование основано на материале толковых, идеографических, ассоциативных и лингвострановедческих словарей. В исследовании применяется метод концептуального анализа. Автор выделяет исторический, актуальный слои, каждый из которых включает понятийную, образную, ценностную и значимостную составляющие, а также этимологический компонент концепта. Имя концепта слово république является высокочастотным во французском языке. Оно является компонентом фразеологизмов и многочисленных прецедентных высказываний. Национальная специфика концепта также находит свое отражение в толковых, идеографических и энциклопедических и лингвострановедческих словарях. Автор делает вывод о том, что концепт «République» имеет особое значение во французской лингвокультуре и является перспективным для дальнейших исследований.*

Ключевые слова: *концепт, актуальный слой, исторический слой, понятийный компонент, образный компонент, ценностный компонент, значимостный компонент, внутренняя форма слова, имя концепта; репрезентанты концепта.*

CONCEPT "RÉPUBLIQUE" (Structure and Language Representation)

K.E. Nagaeva

Abstract. *The article analyzes the lingua-cultural concept "République". Particular attention is paid to its structure and language representation. This study is based on the material from explanatory, ideographic, associative, and linguistic and regional dictionaries. The study uses the conceptual*

© Нагаева К.Э., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

analysis method. The author identifies the historical, current layers, each of which includes the conceptual, figurative, value and significant components, as well as the etymological component of the concept. The concept name of the word république is high-frequency in French. It is a component of phraseological units and numerous case statements. The national specificity of the concept is also reflected in the explanatory, ideographic and encyclopedic and linguistic and regional dictionaries. The author concludes that the concept of "République" is of particular importance in French linguistic culture and is perspective for further research.

Keywords: *concept, current layer, historical layer, figurative component, value component, conceptual component, significant component, internal form of the word, name of the concept, representatives of the concept.*

Основополагающий для французской лингвокультуры концепт «Республика» до сих пор не подвергался исследованию. Актуальность проблемы обусловлена социально-политической реальностью современной Франции, не желающей отказываться от своих ценностей, по большей части представляющих собой республиканские, но переживающей кризис режима V Республики.

Настоящее исследование основано на материале толковых, идеографических, ассоциативных и лингвострановедческих словарей. Цель данного исследования — рассмотреть концепт «République» с точки зрения его структуры и языкового выражения — определяет его задачи: структурирование концепта и анализ его содержательной части с точки зрения представленности в нем языковых единиц. В исследовании применяется метод концептуального анализа.

Хотя концепт является основной единицей лингвокультурологии, среди ученых нет единого взгляда ни на его статус, ни на его структуру, ни на его содержание. По мнению С.Г. Воркачева, эпитет «лингвокультурный» подчеркивает вербальный характер концепта.

Наша точка зрения на структуру концепта является интегративной. Подобно Ю.С. Степанову [1] и И.А. Стернину [2, с. 232], мы считаем, что концепт включает в себя современный («актуальный» по Ю.С. Степанову) и исторический слои, в каждом из которых, вслед за В.И. Карасиком [3], вычленяем понятийную, оценочную составляющие и значимостную, в которую, в отличие от С. Г. Воркачева [4], не включаем внутреннюю форму слова-имени концепта.

Относительно названий «слоев» концепта мы принимаем терминологию Ю.С. Степанова [1], но, в отличие от него, мы считаем, что концепт включает в себя не только современные, но и исторические ассоциации. По нашему мнению, исторический слой концепта отражает, в том числе, информацию о социальном восприятии концепта в диахронии в его ценностном компоненте. В соответствии с приведенными выше концепциями В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина [3] и С.Г. Воркачева [4] мы раз-

личаем в актуальном «слое» концепта ядро и периферию.

Результаты исследования следующие: французский концепт «*République*» является двухвершинным. Его актуальный слой содержит основные, наиболее релевантные признаки, в то время как исторический — дополнительные признаки, не являющиеся актуальными и относящиеся к истории.

Ядерная часто концепта представлена следующими словами: français; démocratie, France; démocratique; président; anarchie, bananière, démocratique, drapeau, Etat, état, État, francais, Française, indivisible, laïque, liberté, Macron, Marianne, Président, Sénat, statue [5].

Оба слоя — актуальный и исторический — состоят из двух частей: к первой относятся ассоциации к слову *république,* ко второй — ассоциации к названию страны *République Française*. Ядро первой представляют собой основные республиканские институты, вторые — названия этих же институтов во Французской республике. Кроме того, современные ассоциации включают название политического режима *la Ve République*. Так, характеристики démocratique, indivisible и laïque представляют собой отсылку к статье 1 Конституции 1958 г.: La France est une République indivisible, laïque, démocratique et sociale, а ассоциация liberté является первой частью девиза Французской Республики.

На периферии актуального слоя находятся словосочетания, отражающие способы становления республиканской формы правления, а также названия стран с этой формой правления.

При этом значимостный компонент и актуального, и исторического слоя является общим для обеих частей. Он представлен антонимами ключевого слова концепта — *despotisme* и *monarchie*, а также производным словом *républicain*, являющимся именем прилагательным или субстантивированным прилагательным. Кроме того, значимостный компонент *репрезентируется его антонимами, выраженными прилагательными: antirépublicain, autocratique, monarchique, monarchiste.* Значимостный компонент исторического слоя противопоставляет республику деспотии и тирании: значение XVIII в., восходящее к Руссо, обозначающее законное, легитимное правление: *«J'appelle donc république tout État régi par des lois, la monarchie elle-même est république»* — «Я называю республикой всякое государство, управляемое законами, даже монархия является республикой»[1] [цит. по: 6].

Ценностный и образный компоненты обоих слоев относятся к части концепта, характеризующей Французскую Республику. В частности, образный компонент представлен символом Французской Республики — статуей Марианны [5].

Ценностный компонент актуального слоя представлен словами liberté и démocratique. В современном французском языке имя французского концепта «*République*» содержит сильную положительную коннотацию. Это объясняется уже упомянутой двухвершинностью французского концепта, так как республи-

[1] Здесь и далее перевод наш. — *К.Н.*

канская форма правления отождествляется с политическим строем Франции. Положительную коннотацию лексема *république* получила в ходе социально-политического развития страны, оно смыкается с понятием «демократия», так как антонимами лексемы являются монархия, от которой Франция окончательно отказалась в конце XIX в., и деспотизм. Это противопоставление является историческим, но и в XXI в. не потерявшим своей актуальности. То же можно сказать и о деривате *républicain*, в качестве прилагательного входящего в такие словосочетания, как *démocrate, journal républicain, convictions républicaines*, репрезентирующие одну из частей актуального слоя концепта, другая часть актуального слоя концепта объективируется фразеологизмом *valeurs républicaines* — словосочетанием, в последнее десятилетие ставшим очень популярным во французском обществе и которое некоторые исследователи считают целым концептом [7]. Интересно, что имя существительное *le républicain стало основой нового названия крупнейшей правой партии во Франции — les Républicains, причем в ходе кампании по переименованию партии в обществе шла оживленная дискуссия, почему именно правые считают себя республиканцами и, таким образом, имплицитно подразумевают меньшую приверженность республиканским ценностям других политических партий.* Ценностный компонент исторического слоя репрезентирован словосочетанием *les principes républicains de 1789* — республиканские принципы 1789 г., года первой Французской революции, которые актуальны по сей день. Этот компонент является общим для обеих частей исторического слоя концепта.

Внутренняя форма слова *république* остается прозрачной, так как соответствует одному из устаревших значений слова-имени концепта [6]. Это подтверждается цитатами, приведенными во французских толковых словарях: «La science des détails, ou une diligente attention aux moindres besoins de la république, est une partie essentielle au bon gouvernement (…)» (Ла Брюйер) — «Искусство вникать в детали, или деятельное внимание к малейшим общественным нуждам, является существенной частью хорошего правления»; «De toutes les dépenses de la république, l'entretien de l'armée de la couronne est la plus considérable» (Руссо) — «Из всех расходов на общественные нужды содержание королевской армии является наиболее значительным»; «Puis jouant sur le mot république (comme *chose publique*), il fait semblant de croire que république ne signifie aucune forme de gouvernement» (Мишле) — «Затем, играя со значением слова *республика* (общее дело), он притворился, что верит в то, что *республика* не означает никакой формы правления» [цит. по: 6; 8; 9].

Что касается классификации репрезентантов концепта по частям речи, то, в основном, концепт представлен именами существительными, преимущественно нарицательными, хотя встречаются и имена собственные. Так, опрос информантов выявил в качестве реакции на стимул *république* имя нынешнего президента Франции Макрона. Имена собственные, репрезентрующие актуальный

слой, представляют названия стран, компонентом которых является слово république, а также названия партии как Франции (Les Républicains). Кроме того, имена собственные представлены в образном компоненте актуального слоя концепта (Marianne, la «Marseilllaise»).

В историческом слое имена собственные представляют как фамилии президентов Франции (например, Эррио, Помпиду, Миттеран), так и названия произведений авторов, в том числе, античных, со словом république: «*La République*» — диалоги Платона об идеальном политическом устройстве; «*De la République*» — трактат Цицерона об идеальной политике; «*Les Six Livres de la République*», политический трактат Жана Бодена (1576); «*Du Souverain ou de la République*» — название X главы «Характеров» Ла Брюйера.

Концепт также репрезентируется именами числительными в составе названий политических режимов Франции (например, Première république, V république), именами прилагательными и, в первую очередь, именем прилагательным, производным от имени концепта — *républicain* (актуальный слой: *journal républicain, convictions républicaines, valeurs républicaines, la garde républicaine, un garde républicain, compagnies républicaines de sécurité* (C. R. S.), исторический слой: *les principes républicains de 1789*, *le parti républicain radical, le mouvement républicain populaire* (M. R. P.), *l'armée républicaine; le calendrier républicain* — республиканский революционный календарь (разделенный на месяцы, декады, дни); *les soldats républicains, les Républicains* — республиканские солдаты, республиканцы прозванные вандейцами (les rouges) les bleus; *la garde républicaine,* la monarchie dite *républicaine* и другими именами прилагательными (*république démocratique, laique, aristocratique, bourgeoise, conservatrice, parlementaire, représentative; ancienne, grande, nouvelle, petite, vieille, vraie république*) и глаголами (*aimer, défendre, détruire, proclamer, renverser, sauver, servir la république; établir, fonder une république*).

Концепт «République» репрезентирован не только лексическими, но и фразеологическими единицами: актуальный слой — *république bananière, république des lettres* (*des arts, des esprits cultivés*) — сообщество литераторов (людей искусства, образованных людей); *l'esprit de la république* — республиканский дух*: passer une belle république (passer une belle [или bonne] république*) — хорошо проводить время, жить припеваючи: *se ficher de la république* (1901, Bruant) — «плевать на всех» и *on est en république!* (1964) — «у нас демократия!»; исторический слой: *Le Prince-Président* — принц-президент — о Луи Наполеоне, будущем Наполеоне III; *fossoyeurs de la République* (или de *la France*) могильщики Франции (о правителях Франции, подготовивших разгром и капитуляцию 1940 года); *que la République était belle sous l'Empire!* — как прекрасна была Республика во времена империи! vouloir marier le Grand Turc avec la *République de Venise* — желать невозможного, пытаться сочетать несовместимое [10].

Итак, французский концепт «*République*» является двухвершинным. Его актуальный слой содержит основные, наиболее релевантные призна-

ки, в то время как исторический — дополнительные признаки, не являющиеся очевидными для носителей языка и относящиеся к истории. Оба слоя состоят из двух частей: к первой относятся ассоциации к слову *république,* ко второй — ассоциации к названию страны *République Française*. При этом значимостный компонент обоих слоев является общим для обеих частей, так как синонимико-антонимическая парадигма слова *république* определяет место, занимаемое именем концепта «*République*» в лексико-грамматической системе языка. Ценностный и образный компоненты обоих слоев относятся к части концепта, характеризующей Французскую Республику. Внутренняя форма слова *république* остается прозрачной, так как соответствует одному из устаревших значений слова-имени концепта.

Имя концепта слово *république* является высокочастотным во французском языке [11]. Оно является компонентом фразеологизмов и многочисленных прецедентных высказываний, зафиксированных во французских толковых словарях. Национальная специфика концепта также находит свое отражение как в толковых [6], так и в идеографических [12] и энциклопедических [9] словарях. Так, лингвострановедческий словарь «Франция» содержит около десятка статей, содержащих имя концепта или его производные [13]. Таким образом, концепт «*République»* имеет особое значение во французской лингвокультуре и является перспективным для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Степанов, Ю.С.* Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
2. *Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 226 с.
3. *Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
4. *Воркачев, С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Техн. ун-т КубГТУ 2002. 142 с.
5. Dictionnaire des associations du français 2019 (DAF-2019). URL: http://dictaverf.nsu.ru/dict3 (дата обращения: 15.05.2019).
6. Le Grand Robert de la langue française // Электрон. дан. 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. *Кирнозе, З.И.* Национальная концептосфера. Россия и Франция: Диалог культур // Статьи разных лет: сб. науч. тр. / сост. В.Г. Зусман, К.Ю. Кашлявик, С.М. Фомин. Н. Новгород: Изд-во Нижегор. гос. линг. ун-та им. Н. А. Добролюбова, 2002. С. 242–251.
8. Dictionnaire de la Langue Française d'Émile Littré. 1872–1877. URL: http://dictaverf.nsu.ru/dict3 (дата обращения: 15.05.2019).
9. Encyclopédie Universelle. URL: http://encyclopedie_universelle.fracademic.com/ (дата обращения: 15.08.2018).
10. *Гак, В.Г.* Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: «Русский язык-Медиа», 2005. 1624 с.

11. *Фенина, В.В.* Репрезентация культурных ценностей во французском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2008. № 25. С. 102–115.
12. Dictionnaire analogique / Georges Niobey, Thomas de Galiana, Guy Jouannon. P.: Ed. Larousse, 2007. 855 p.
13. Франция. Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., исправленное и дополненное / под ред. Л.Г. Веденинной. М.: АСТ-Пресс, 2008. 976 с.

REFERENCES

1. *Dictionnaire analogique*, Georges Niobey, Thomas de Galiana, Guy Jouannon, Paris, Ed. Larousse, 2007, 855 p.
2. *Dictionnaire des associations du français 2019 (DAF-2019*), available at: http://dictaverf.nsu.ru/dict3 (accessed 15.05.2019).
3. *Dictionnaire de la Langue Française d'Émile Littré.* 1872–1877, available at: http://dictaverf.nsu.ru/dict3 (accessed 15.05.2019).
4. *Encyclopédie Universelle*, available at: http://encyclopedie_universelle.fracademic.com/ (accessed: 15.08.2018).
5. Fenina V.V. Reprezentacija kulturnyh cennostej vo francuzskom politicheskom diskurse, *Politicheskaja lingvistika*, 2008, No. 25, pp. 102–115. (in Russian)
6. Francija. *Lingvostranovedcheskij slovar*, 2-e izd., ispravlennoe i dopolnennoe, pod red. L. G. Vedeninoj, Moscow, AST-Press, 2008, 976 p. (in Russian)
7. *Le Grand Robert de la langue française*. 2016. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).
8. Gak V.G. *Novyj bolshoj francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar*. Moscow, Russkij jazyk-Media, 2005, 1624 p.
9. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokulturnyj koncept kak edinica issledovanija. *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki*: *Sb. nauch. tr*., pod red. I. A. Sternina, Voronezh, VGU, 2001, pp. 75–80. (in Russian)
10. Kirnoze Z.I. "Nacionalnaja konceptosfera. Rossija i Francija: Dialog kultur", in: *Stati raznyh let*: sb. nauch. tr. / sost. V.G. Zusman, K.Ju. Kashljavik, S.M. Fomin, Nizhnij Novgorod, Izd-vo Nizhegor. gos. ling. un-ta im. N.A. Dobroljubova, 2002, pp. 242–251. (in Russian)
11. Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka: Monografija*, Voronezh, Istoki, 2007, 226 p. (in Russian)
12. Stepanov Ju.S. *Konstanty: slovar russkoj kultury: opyt issledovanija*, Moscow, Shkola "Jazyki russkoj kultury", 1997, 824 p. (in Russian)
13. Vorkachev S.G. *Koncept schastja v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza*, Krasnodar, Tehn. un-t KubGTU, 2002, 142 p. (in Russian)

Нагаева Ксения Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, mglu@list.ru

Nagaeva K.E., PhD in Philology, Associate Professor, Linguistics and Professional Communication in the Field of Political Science Department, Moscow State Linguistic University, mglu@list.ru

УДК 378.016:811.521
ББК 81.2ЯПО

ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ПЕРЕДОВИЦАХ ЯПОНСКИХ ГАЗЕТ

Л.Т. Нечаева

Аннотация. *В статье описываются разнообразные виды определений, выделенные в результате анализа передовиц основных японских газет «Ёмиури», «Майнити», «Асахи». Статьи брались за одно и то же число из разных газет, посвящены были четырём разным событиям: в 2017 г. — теракт в Париже, в 2019 г. за 2 апреля — объявление названия новой эры правления императора, за 13 апреля 2019 г. — продление решения о выходе Великобритании из ЕС, за 19 апреля 2019 г. — о начале японо-американских торговых переговоров. Все описываемые в статьях события разной эмоциональной направленности, имеющие разное значение для жителей Японии, это нашло свое отражение в особенностях употребления определений в данных статьях.*

Ключевые слова: *японский язык, передовица японских газет, определение, эмоциональность, прилагательные.*

DEFINITIONS IN THE EDITORIALS OF JAPANESE NEWSPAPERS

L.T. Nechaeva

Abstract. *The article considers various types of definitions, identified as a result of the analysis of editorials of the main Japanese newspapers Yomiuri, Mainichi, Asahi. Articles were taken of the same date from different newspapers and were devoted to four different events: in 2017 — the terrorist attack in Paris, in 2019 (for April 2) — the announcement of the new era of the emperor's reign, in April 13, 2019 — the extension of the decision to withdraw Britain from the EU, in April 19, 2019 — the beginning of the Japanese-American trade negotiations. All the events of different emotional orientations described in the articles, which have different meanings for the people of Japan, are reflected in the peculiarities of the use of definitions in these articles.*

Keywords: *Japanese; editorial of Japanese newspapers; definition; emotionality, adjectives.*

© Нечаева Л.Т., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Данная работа посвящена рассмотрению употребления определений в передовицах японских газет на основе сравнительного анализа передовых статей 3 ведущих газет Японии за 2017 год и 2019 г.

Вопрос об употреблении определений рассматривался в лингвистической литературе на примере английского языка [1], но употребление определений в японской газете еще нигде не раскрывалось.

Передовица является разновидностью информационной статьи, обычно посвящена одному из актуальных вопросов внешней или внутренней политики государства, в ней отражается мнение редколлегии по описываемой проблеме.

В передовицах раскрываются вопросы разной тематики, представляющие интерес для общества, в основном, политические, экономические, моральные вопросы.

Передовица характеризуется публицистическим стилем, направленным на информирование людей и воздействия на них. Особенностью публицистического стиля является употребление общественно-политической лексики, эмоциональность, экспрессивность. Экспрессия газетной речи может осуществляться в разных формах.

Оценочность выражается в лексике: в качественно-оценочных по семантике прилагательных и существительных, в особенностях использования синтаксических средств.

В передовице текст четко показывает авторское отношение к излагаемым фактам. Все это находит отражение в стиле статьи.

Известно, что «факторы субъективной оценки оказывают решающее влияние на использование языковых средств, реализующих коммуникативные задачи убеждения, директивности, критического осмысления происходящих событий, т.е. в языке преломляется субъективное стремление коллектива авторов воздействовать на политические, мировоззренческие позиции «широкого» читателя. Языковые средства приобретают здесь ярко выраженный экспрессивный характер» [2, с. 58].

Для передовиц японских газет характерно синтаксическое построение предложений с большим количеством определений, причем определения могут представлять разные части речи — прилагательные, существительные с показателем の *но* или в форме двойного падежа, или с изъяснительной частицей という *тою:*, глаголы, наречия.

В данной статье описываются различные виды определений в передовых статьях объемом в среднем в 900–1000 знаков 3 японских газет — Ёмиури, Майнити, Асахи. Статьи из газет брались за одно и то же число и были посвящены четырем разным событиям: в 2017 г. — теракт в Париже, в 2019 г. за 2 апреля — объявление названия новой эры правления императора, за 13 апреля 2019 г. — продление решения о выходе Великобритании из ЕС, за 19 апреля 2019 г. — о начале японо-американских торговых переговоров. Все описываемые в статьях события разной эмоциональной направленности — позитивная, негативная, нейтральная, эти события имеют разное значение для жителей Японии.

Как же это отражается на употребление определений?

В данной статье рассматриваются определения, выраженные прилагательными — предикативными и полу-

предикативными (их еще называют непредикативными (3, стр. 489), именами в определительной позиции с показателем の *но*, существительными в двойном падеже, существительными с отглагольными послелогами в форме на の *но*, существительными с частицей という *тою:*. Имя подразумевает использование в позиции определения существительного, местоимения, числительного, в некоторых случаях встречаются наречия.

Количество определений в статьях разное, зависит от газеты, от содержания конкретной статьи. Если смотреть общее число определений в 4 статьях, то меньше всего в газете Майнити — 115, в газетах Ёмиури и Асахи — одинаково по 142.

Во всех статьях основными являются определения, выраженные существительными с показателем の *но*, в среднем 18–22 в статье объемом в 900–1000 знаков, существительными в двойном падеже. Меньше встречается определений, выраженных прилагательными. В статьях встречаются прилагательные на い *и*, прилагательные на な *на*. Подробно о прилагательных в японском языке рассматривается в статье В.М. Алпатова «Что такое прилагательное в японском языку?» [3]

Количество прилагательных в статьях разное, зависит от газеты и содержания статьи.

Например:

в статье об объявлении новой эры правления императора газеты Ёмиури — 2 предикативных прилагательных на い *и* и 3 полупредикативных прилагательных на な *на*, соответственно, в газете Майнити — 3 на い *и* и 3 на な *на*, в газете Асахи — 0 на い *и* и 2 на な *на*;

в статье о том, что откладывается решение о выходе Великобритании из ЕС, в газете Ёмиури — 0 предикативных прилагательных на い *и* и 3 полупредикативных прилагательных на な *на*, соответственно, в газете Майнити — 2 на い *и* и 0 на な *на*, в газете Асахи — 2 на い *и* и 4 на な *на*;

в статье о теракте в Париже в газете Ёмиури — 0 предикативных прилагательных на い *и* и 3 полупредикативных прилагательных на な *на*, соответственно, в газете Майнити — 2 на い *и* и 4 на な *на*, в газете Асахи — 1 на い *и* и 3 на な *на*;

в статье о начале японо-американских торговых переговорах в газете Ёмиури — 2 предикативных прилагательных на い *и* и 6 полупредикативных прилагательных на な *на*, соответственно, в газете Майнити — 2 на い *и* и 3 на な *на*, в газете Асахи — 2 на い *и* и 7 на な *на*.

Определительные местоимения типа この *коно* в статьях встречаются редко и не во всех статьях.

Полупредикативные прилагательные в определительной позиции присоединяют な *на*. Полупредикативные прилагательные встречаются в форме: основы-ваго плюс な *на,* сочетание канго плюс な *на,* сочетание канго плюс суффикс 的 *тэки* плюс な *на*. Полупредикативные прилагательные меньше употребляются в статьях газеты Майнити, в некоторых статьях этой газеты они вообще не встречаются. Во всех статьях в основном употребляются полупредикативные прилагательные в форме сочетания канго плюс (суффикс 的) плюс な *на*.

В передовице большая роль в воздействии на читателя отводится выразительности лексики, что можно наблюдать на примере определений, выраженных прилагательными.

Количество и вид прилагательных в позиции определения зависят от нескольких факторов.

1. Важности описываемого события для жизни японцев.

2. Положительного или отрицательного отношения японцев к описываемым явлениям.

3. Стилистики данной газеты.

В статьях о событиях, имеющих положительную окраску, встречается сравнительно много качественно-оценочных прилагательных. Например, в статьях, посвященных названию новой эры, употребляются такие яркие прилагательные, как: 薫り高い文化 *каоритакай бунка* «культура, пахнущая древностью» (М), 知名度の高い作家や学者ら *тимэйдо-но такай сакка я гакусяра* «самые известные писатели и учёные» (М), 幅広い層の意見 *хабахирой со:но икэн* «позиция широких слоёв» (Ё), おおらかな 情緒 *о:рака-на* дзё:тё: «возвышенные чувства» (Ё), 精神的な一体感 (Ё) *сэйсинтэки-на иттайкан* «духовное единение» (Ё), 豊かな国民文化 *ютака-на кокумин бунка* «богатая национальная культура» (Ё), 長い伝統 *нагай дэнто:* «старинная традиция» (Ё), 明るい雰囲気 *акаруй фунъики* «радостная атмосфера» (М), 美しい自然 *уцукусий сидзэн* «красивая природа» (Ё), 伝統的な関係 *дэнто:тэки-на канкэй* «традиционные отношения» (Ё), 貴重な手がかり *китё:-на тэгакари* «ценное наследие» (Ё).

Статьи, описывающие трагические события в Париже – расстрел зрителей на стадионе, характеризуются меньшим количеством определений: в газете Майнити встречается 17 определений, в газете Ёмиури 15, в газете Асахи 22.

При этом, большинство прилагательных имеют негативную окраску, например: 非道な戦争行為 *хидо:тэкина сэнсо: ко:и* «жестокие военные действия» (Ё), 普遍的な価値 *фухэнтэкина кати* «универсальные ценности» (Ё), 残虐なテロ *дзангяку-на тэро* «жестокий террор» (Ё), 無防備な市民 *мубо:би-на симин* «незащищённые граждане», 深刻なグローバル問題 *синкоку-на гуро:бару мондай* «серьёзная глобальная проблема» (А), 強い怒り *цуёй икари* «большая озлобленность» (М), 慎重な取り組み синтё:-на торикуми «осторожные действия» (М), 組織的な犯行 *сосикитэки-на ханко:* «организованное преступление» (М).

Если рассмотреть статьи, посвященные выходу Великобритании из ЕС, то будут определения-прилагательные, описывающие ситуацию с позиции журналистов, отражающих взгляды официального Токио. Эта проблема для японцев не имеет большого значения, поэтому определений не так много. В статьях газеты Майнити встречается 18 определений, в газете Ёмиури 24, в газете Асахи 24.

Например: 強硬な要求 *кё:ко:-на ё:кю:* «непреклонные требования» (М), 厳しい条件 *кибисий дзё:кэн* «жёсткие условия» (М), 厳しい意見 *кибисий икэн* «серьёзный подход» (М), 新たな拠点 *арата-на кётэн* «новая стратегия», 無秩序な離脱 *мутицудзё:-на ридацу* «разрыв без правил» (А), 緊密な関係 *киммицу-на канкэй*, «тесные отношения» (А), 困難な問題 *коннан-на мондай* «трудный вопрос» (Ё), あいまいな表現 *аимай-на хё:гэн* «двусмысленные высказывания» (Ё).

Статьи о торговых японо-американских переговорах хотя и затрагивают японцев, но, видимо, они не вкладывают эмоциональное отношение к этому событию, поэтому в статье газеты Майнити встречается 24

определения, в газете Ёмиури 25, в газете Асахи 17, например:

実質的な結果 *дзиссицутэки-на кэкка* «реальныйрезультат» (А), いい成果 *ий сэйка* «хорошее достижение» (А), 本格的な交渉 *хонкакутэки-на ко:сё:* «основные переговоры» (А), 自由な貿易 *дзию:-на бо:эки* «свободная торговля» (А), 厳しい要求 *кибисий ё:кю:* «жёсткие требования» (А), 不利な立場 *фури-на татиба* «неблагоприятная позиция» (А), 無理な主張 *мури-на сютё:* «необоснованное утверждение» (А), なりがちな二国間の交渉 *наригати-на никокуканно ко:сё:* «постоянные двусторонние переговоры» (А), 重要な貿易相手国 *дзю:ё:-на бо:эки айтэкоку* «важные торговые страны-партнёры» (Ё), 新たな貿易交渉 *арата-на бо:экико:сё:* «новые торговые переговоры» (Ё), 包括的な協定 *хо:кацутэки-на кё:тэй* «всеобъемлющее соглашение» (Ё), 多様な要素 *таё:-на ё:кю:* «разнообразные требования» (Ё), 強硬な要求 *кё:ко:-на ё:кю:* «упорные требования» (М), よいスタート *ёй ста:то* «хорошее начало» (М).

Если говорить о видах прилагательных, то в статьях встречается больше полупредикативных прилагательных. В статьях газеты Ёмиури почти не встречаются предикативные прилагательные, тогда как полупредикативных прилагательных 4–5 в статье.

Определения, выраженные двойным падежом существительных, встречаются во всех статьях, но их количество и вид также везде различается. Например:

в статьях об объявлении новой эры правления императора в газете Ёмиури — 2 варианта NからのN и NへのN, в газете Майнити 3 случая употребления NまでのN и NへのN (2), газете Асахи — 4 случая — NとのN, NへのN (2), NでのN;

в статьях о том, что откладывается решение о выходе Великобритании из ЕС, в газете Ёмиури — 3 варианта — Nまでの, NとのN, NでのN, в газете Майнити 9 случаев — NまでのN, NでのN, NからのN (2), NへのN (3), NとのN(2), в газете Асахи — 2 варианта — NへのN, NからのN;

в статьях о теракте в Париже: в газете Ёмиури — 4 случая — NへのN (3), NとのN, в газете Майнити — 4 случая — NでのN, NからのN, NへのN (2), в газете Асахи — 3 случая — NへのN (2), NでのN;

в статьях о начале японо-американских торговых переговорах: в газете Ёмиури — 1 случай — NへのN, в газете Майнити — 0 случаев, в газете Асахи — 6 случаев — NでのN (2), NとのN (2), NへのN (2).

Наиболее употребительны случаи двойных падежей с показателями へ, と, で.

В основном определения выражены именем с показателем の *но*. Встречаются последовательности нескольких определений с の *но*. Можно сказать, что это своеобразный уход от текста, написанного канго. Такие сложные последовательности канго с の *но* больше характерны для текстов, имеющих позитивную направленность, например, во всех газетах в статье о названии новой эры. Например:

日本の悠久の歴史 *нихон-но ю:кю:-но рэкиси* «вековая история Японии» (М), 5月1日の即位の儀式の細目 *гогацу цуитати-но сокуи-но гисики-но саймоку* «детали церемонии восшествия на престол 1-го мая» (Ё), 平成の考案者の記録 *хэйсэй-но ко:анся-но кироку* «список учёных-изобретателей эпохи Хэйсэй» (А).

Через の может соединяться сочетание слов, в которое входят суще-

ствительные, прилагательные, например: 天皇と元号の伝統的な関係の深さ *тэнно: то гэнго:-но дэнто:тэкина канкэй-но фукаса* «глубина традиционных связей между императором и названием эпохи» (Ё).

Возможны сложные сочетания существительных, в которых наблюдаются разные варианты отношений определяемого и определений, но большей частью к определяемому слову ближе по смыслу слово, стоящее непосредственно перед определяемым словом, например:

中心部の複数の場所 *тю:симбу-но фукусу:-но басё* «множество мест в центре» (А). В данном словосочетании второе слово 複数の относится к третьему 場所, а первое 中心部の к словосочетанию второго и третьего слов.

平成の改元時の段取り *хэйсэй-но кайгэндзи-но дандори* «подготовка к моменту переименования эпохи Хэйсэй» (Ё). Здесь первое существительное 平成の является определением ко второму 改元時の, это словосочетание является определением к третьему слову 段取り.

В некоторых случаях, когда необходимо уточнить какое-либо явление, предмет, приложение присоединяется через определительную форму связки である *дэару*, например: 日本最古の和歌集である「万葉集」 *нихон сайко-но вакасю: дэару манъё:сю:* «самый древний сборник стихотворений Японии Манъёсю» (М), 日本の伝統である元号 *нихон-но дэнто: дэару гэнго:* «название эпохи правления императоров, являющееся японской традицией» (Ё).

Содержание приложения может раскрываться с помощью частицы という *тою:*, например: 「合意なき離脱」という最悪の事態 *го:и наки ридацу тою: сайаку-но дзитай* «самая плохая ситуация — «разделение без соглашения» (Ё).

В качестве определения к существительному могут употребляться местоимения, например: 自分の「新元号」 *дзибун-но «сингэнго:»* «своё новое название эры правления» (А), количественные числительные — 一つの「文化」 *хитоцу-но «бунка»* «одна «культура» (Ё), порядковые числительные — 二つ目の元号 *футацумэ-но гэнго:* «второе название эры правления императора» (Ё), прилагательные в обстоятельственной форме на く — 多くの国民 *о:ку-но кокумин* «много граждан» (Ё), наречия (紛争や過激思想とは) 無縁の、ふつうの市民 (*фунсо: я кагэки сисо: то ва) муэн-но фуцу:-но симин* «обычные граждане, не имеющие никакого отношения (к конфликтам и экстремистским убеждениям)» (А).

Однако основным видом определений является существительное с показателем の *но*.

Перевод определений, выраженных прилагательными, обычно соответствует значению слова, данному в словаре, например:

прилагательные на い: 早い時期 *хаяй дзики* «ранний период» (М), 美しい自然 *уцукусий сидзэн* «красивая природа» (Ё), 若い世代 *вакай сэдай* «молодое поколение» (А);

прилагательные на な: 困難な問題 *коннан-на мондай* «трудная проблема» (Ё), 新たな拠点 *арата-на кётэн* «новая точка опоры» (А), 組織的な犯行 *сосикитэки-на ханко:* «организованное преступление».

Определения, выраженные существительным с показателем の *но*, могут переводиться различными способами, например.

1. с помощью родительного падежа существительного, например: 日本人の生活 *нихондзин-но сэйкацу* «жизнь японцев» (М);

2. прилагательным, например: 半年間の猶予 *ханнэнкан-но ю:ё* «полугодовая отсрочка» 、強気の姿勢 *цуёки-но сисэй* «твёрдая позиция» (М);

3. как приложение, например: 計１１人の議員 (А) *кэй дзю:итинин-но гиин* «11 депутатов»;

Определения, выраженные двойным падежом, переводятся как существительные в косвенном падеже, например:

中東での軍事行動 *тю:то:-дэ-но гундзи ко:до:* (А) «военные действия на Ближнем Востоке» (А);

６月末までの延期 *рокугацу-мадэ-но энки* «отсрочка до июня» (Ё);

労働党との協議 ро:до:то:-то-но кё:ги «переговоры с лейбористской партией» (М);

欧州連合（ＥＵ）からの離脱 *о:сю: рэнго:-кара-но ридацу* выход из Евросоюза (ЕС); (Ё)

「最悪」への備え *«сайаку»-э-но сонаэ* «подготовка к самому плохому». (А)

Такое исследование употребления определений позволяет уточнить стиль передовиц японских газет, определить роль различных определений в построении текста. Естественно, что для полной картины понимания употребления определений необходимы исследования на более обширном материале.

Данные по исследованию дают рекомендации преподавателям японского языка обращать внимание студентов на употребление определений в японских текстах и их перевод.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьева, О.В., Ваулина, Ю.Е.* Адъективная насыщенность английского художественного теста // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка и языковое образование».2017. № 2 (26).
2. *Гальперин, И.П.* Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. М., 2008. № 4.
3. *Алпатов, В.М.* Что такое прилагательное в японском языке? // Японское языкознание. М.: Изд-во «Наука», 1979.

REFERENCES

1. Afanasiewa O.V., Waulina Y.E. Adektivnaya nasitshennost angliiskogo chudozestvennogo teksta, *Vestnik MGPU. Seriya Filologiya. Teoriya yazika. Yazikovoe obrazovanie*, 2017, No. 2 (26). (in Russian).
2. Alpatov V.M., “Chto takoe prilagatelnoe v yaponskom yazike”, in: *Yasaikoznanie, Nauka, 1979.* Moscow, Nauka, 1979. (in Russian).
3. Galperin I.P. Rechevye stili I stilisticheskie sredstva yasika, *Voprosi yasikoznaiya*. Moscow, 2008, No. 4 (in Russian).

Нечаева Людмила Тимофеевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией «Восточные языки в средней школе», Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ltnechaeva@mail.ru

Nechaeva L.T., ScD in Education, Professor, Chairperson, Laboratory “Eastern Languages in Secondary School Department”, Lomonosov Moscow State University, ltnechaeva@mail.ru

УДК 81.34
ББК 88.53

НЕКОТОРЫЕ ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА, ОБРАЩЕННОГО К МЕЖДУНАРОДНОЙ АУДИТОРИИ

Ю.Н. Родионов

Аннотация. *В статье рассматривается специфика телевизионного новостного дискурса как жанра медиадискурса, а также отражение этой специфики в просодической реализации речи дикторов международных новостных телеканалов. Просодическое оформление дикторской речи обусловлено двумя функциями новостного дискурса: функциями сообщения и воздействия. Ведущие новостных программ умело используют интонацию в целях повышения информативности сообщения и воздействия на аудиторию. Приведенные в статье данные показывают, что в условиях новостного дискурса, обращенного к международной аудитории, просодия дикторской речи обладает своей спецификой.*

Ключевые слова: *медиадискурс, звучащий новостной дискурс, лингва франка, просодия, Euronews.*

SOME PROSODIC FEATURES OF ENGLISH TV-NEWS DISCOURSE, ADDRESSED TO INTERNATIONAL AUDIENCE

Yu.N. Rodionov

Abstract. *The article deals with the specific features of TV-news discourse as a genre of media discourse, as well as the ways these characteristics are reflected in international news presenters' speech. Prosodic features of TV-news reading stem from the two functions of the news discourse: those of informing and persuasion. News presenters skillfully use intonation in order to increase the information content of the message and impact on the audience. The data presented in the article show that in the context of a news discourse addressed to an international audience, the prosody of narration has its own specifics.*

Keywords: *media discourse, sounding news discourse, lingua franca, prosody, Euronews.*

© Родионов Ю.Н., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Новостной дискурс как жанр медиадискурса часто оказывается в поле зрения современных лингвистических исследований, в частности, в связи с особым интересом к изучению языковых средств, обеспечивающих донесение информации до аудитории, а также воздействия на нее.

Медиадискурс принято рассматривать как особый вид дискурса, «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [1, с. 202].

Единого подхода к жанрово-типологической структуризации медиадискурса до сих пор не существует. Одной из попыток такой структуризации является разделение медиатекстов на функционально-жанровые типы, а именно на новостные, информационно-аналитические, публицистические и рекламные тексты [2, с. 78].

Для фонетических исследований особый интерес представляет именно звучащий новостной дискурс, то есть те случаи, когда задействован звуковой канал передачи сообщения, в частности, дискурс телевизионных новостей, который рассматривается в настоящей статье.

Как известно, основными функциями новостного дискурса являются сообщение и воздействие. Набор средств реализации функций сообщения и воздействия в условиях телевидения достаточно широк и включает в себя лингвистические, в том числе фонетические средства, такие как интонация, паузация, фразовое ударение, ритм, скорость произнесения и т. д. [3].

Главной особенностью новостного дискурса является преобладание информативности над воздействием. Это отражается в формате новостной передачи и организации новостного сообщения. Исследователями в сфере медиалингвистики было установлено, что структура сообщения подчинена влиянию категории релевантности, что применительно к структуре новостного текста означает выделение в общем потоке информации наиболее важных и значимых элементов.

В новостном дискурсе релевантность проявляется на уровне композиции, визуального сопровождения и комментария, типа презентации информации, наличия информационного фона, а также в оформлении студии, внешности и поведении ведущего, организации речи диктора и т. д. В телевизионном дискурсе категория релевантности тесно связана с явлением просодической выделенности: диктор старается разграничить ключевую и второстепенную информацию с помощью интонации. К числу часто используемых средств просодической выделенности можно отнести эмфатические нисходящие тоны, а также встречающийся гораздо реже нисходяще-восходящий тон: «нисходящие тоны являются обязательным средством выделения ключевых слов при подаче новостей и залогом четкого и ясного интонационного оформления информационных блоков, что, в свою очередь, обеспечивает их однозначное понимание, а также облегчает их восприятие аудиторией» [4, с. 206].

Просодические особенности речи дикторов теленовостей в первую очередь зависят от произносительного стандарта, принятого в стране, где находится редакция канала, например: Received Pronunciation для бри-

танских новостных каналов, General American для каналов, базирующихся в США и т. д. Дикторская речь подчиняется местным стандартам не только на фонематическом уровне, но и на уровне просодии.

Стоит также отметить, что в сфере СМИ происходят постоянные изменения формата и требований к оформлению дикторской речи. К примеру, показатели ЧОТ и темпа, зафиксированные в определенный момент времени, могут совершенно потерять актуальность через несколько лет, что может создать впечатление противоречащих друг другу результатов фонетических исследований. Тем не менее, многие исследователи сходятся в одном — присутствует общая тенденция на ускорение темпа речи в новостном дискурсе [5, с. 22].

Речь американцев заметно отличается от речи британцев, в том числе и на уровне просодии: за счет преобладания волнообразной, скользящей и ровной шкал в среднем диапазоне голоса создается впечатление монотонности, а также очень выразительных терминальных тонов, в том числе восходящих [6, с. 208]. Как известно из результатов исследования американской дикторской речи, проведенного Н.Г. Угловой, для нее характерно частое использование ровной шкалы в сочетании с ускоренным темпом (в среднем 207 слов в минуту), при том, что за средний темп для чтения принят показатель в 150–180 слов в минуту, а для говорения — 200–240 слов в минуту [7, с. 35]. Также исследователь обращает внимание на наличие длительных беспаузальных отрезков речи и преобладание кратких и сверхкратких пауз, что позволяет уместить максимальный объем информации в ограниченный по времени новостной выпуск, но вызывает затруднения в усвоении информации зрителем. На фоне преобладающих у американцев ровных тонов сильно контрастирует просодическая выделенность в виде высокого нисходящего, а иногда и нисходяще-восходящего тона, отчасти за счет которых расширяется диапазон ЧОТ [там же, с. 132–133].

Таким образом, мелодические, а также темпоральные параметры речи дикторов различаются в зависимости от стран вещания и охвата аудитории. Благодаря соответствию произносительного варианта, принятого редакцией телеканала, предпочтениям аудитории, оптимизируется процесс донесения информации до зрителя. Так как наиболее распространенными в современной англоязычной медийной среде являются именно британские и американские СМИ, стандарты RP и GA являются на данный момент доминирующими. Однако процессы глобализации английского языка и его популярность в качестве языка-посредника приводят к столкновению различных вариантов английского друг с другом и к фонетической интерференции: «происходит намеренное сближение (или смешение) различных вариантов произношения с целью передать такое метасемиотическое содержание, которое иначе выразить невозможно. Использование навыков фонетической интерференции, прежде всего, обусловлено стремлением привлечь внимание крайне разнообразной аудитории, для которой предназначены новостные выпуски и которая включает зрителей разного регионального и социального происхождения» [3, с. 85].

В целом, в новостной передаче все подчинено, в первую очередь, оптимизации донесения информации до аудитории: «мелодический и временной компоненты просодии направлены на реализацию основной коммуникативной функции данных программ — информационной» [7, с. 131].

Тем не менее, в настоящее время в новостных выпусках все чаще стали использоваться средства воздействия на аудиторию — обычные новостные сводки все чаще походят на аналитику: изменяется формат новостной передачи, в которой информация чередуется с комментарием, возрастает значение мнения ведущего, корреспондента или приглашенного эксперта. По визуальному каналу воздействие осуществляется посредством выстроенного особым образом видеоряда.

Воздействие на аудиторию также происходит и на речевом уровне, в том числе с помощью соответствующего просодического оформления речи диктора. В частности, встречается умышленное изменение просодических параметров в зависимости от коммуникативного намерения ведущего, например: расширяя в нужной степени диапазон речи, ведущий может демонстрировать возмущение или осуждение, выражать торжественность либо пытаться развлечь аудиторию [5, с. 19].

С целью воздействия на аудиторию дикторы теленовостей используют также и явление фонетической интерференции. К примеру, ведущий BBC не только использует американскую скользящую ритмическую организацию и ускоренный темп речи, чтобы уложиться в эфирное время, но и подмешивает черты американских диалектов для придания сообщению оценочной окраски: американское назальное произношение (nasal twang) и утрированная слоговая выделенность используются для передачи пейоративного подтекста [3, с. 87].

Особый интерес представляет специфика просодического оформления дикторской речи на новостных каналах, обращенных к международной аудитории. В случаях, когда английский язык выступает в качестве lingua franca, к нему предъявляются особые требования, выделенные Браджем Качру. Среди них встречается такой параметр, как нейтральность и беспристрастность [8]. Следовательно, можно сделать вывод, что новостной телеканал, вещание которого охватывает несколько стран, должен в полной соответствовать требованию нейтральности в освещении событий, что будет выражаться как в экстралингвистических, так и в языковых и речевых особенностях новостного выпуска, в том числе — фонетическом оформлении речи диктора.

Для рассмотрения просодических особенностей телевизионного новостного дискурса, обращенного к международной аудитории, нами были выбраны новостные выпуски канала Euronews. Выбор данного канала обусловлен несколькими причинами. Во-первых, данный телеканал, в отличие от ранее упомянутых, нечасто попадает в поле зрения исследователей звучащего новостного дискурса. Во-вторых, присутствует заметное стремление редакции канала к нейтральному и беспристрастному освещению происходящих в мире событий, что, в частности, выражено в слогане: «All views».

В-третьих, канал Euronews позиционируется как глобальное СМИ, что позволяет ставить его в один ряд с такими англоязычными каналами с международным охватом, как BBC World News, CNN International, NBC News, RT и др. Факт глобального охвата также подтверждается наличием локальных веток телеканала, вещающих на местных языках и дополняющих штат сотрудников журналистами и дикторами из 12 стран: «12 языковых версий Euronews, в которых работают 600 журналистов из более чем 30 стран, круглосуточно освещает мировые новости на арабском, английском, венгерском, французском, немецком, греческом, итальянском, персидском, португальском, русском, испанском и турецком языках» [9]. Европейская редакция телеканала располагается во Франции (Лион), но основной версией канала является англоязычная — редкий случай, когда англоязычный канал базируется в не англоязычной стране. При этом, редакция канала заявляет о «глобально-локальном» подходе к освещению событий — учитываются запросы от местной аудитории канала. Стоит также отметить, что в 2017 году произошло объединение служб каналов Euronews и NBC News. Это привело к появлению СМИ, базирующегося в обоих полушариях планеты: тесное сотрудничество между европейской и американской редакциями проявляется в обмене новостными материалами и участии журналистов и дикторов в эфирах обоих каналов.

В эфире англоязычной (основной) версии телеканала превалируют новостные передачи двух типов, существенно различающиеся между собой. Передача первого типа всегда начинается с чтения дикторами кратких заголовков, за которыми следует набор непродолжительных (в среднем, 1-2 минуты) новостных сводок: видеоматериал сопровождается письменным заголовком на экране и закадровым комментарием диктора. В такой программе диктор никогда не появляется в кадре, за редким исключением, когда диктор одновременно является и корреспондентом, представляющим репортаж с места событий. До объединения Euronews и NBC данный формат доминировал в сетке вещания канала. С 2017 года передачи, состоящие целиком из сводок, транслируются лишь по выходным под названиями «Global Weekend» и «Euronews Tonight».

Передачи второго типа имеют более привычный формат: ведущий находится в студии и читает текст, смотря в камеру. Такие передачи выходят в эфир в будние дни и подразделяются на «Good Morning Europe», «Euronews NOW» и «Euronews Tonight», каждую из которых ведет отдельный ведущий. Каждая передача начинается с представления заголовков («top stories», «headlines»). Затем ведущий подробно раскрывает каждое из событий, зачастую обращаясь за комментарием к приглашенному эксперту, журналисту, побывавшему на месте происшествия, ведущему другой рубрики, либо переключаясь на видеосюжет с закадровым комментарием в том же формате, который используется в «Global Weekend».

В ходе перцептивного анализа образцов звучащих медиатекстов были выявлены некоторые просодические особенности каждого из двух типов новостных передач. Следует

отметить, что англоязычная версия телеканала представлена в основном дикторами, являющимися носителями британского произносительного варианта, среди которых есть также бывшие дикторы BBC. Исключения составляют дикторы из США, журналисты телеканала NBC, а также репортеры из неанглоязычных стран, подготовившие видеосюжеты о событиях в своем регионе.

Темп умеренный и редко выходит за границы среднего темпа чтения. Наиболее размеренная речь обнаруживается в новостных передачах с закадровым чтением сводки (в среднем 140–150 слов в минуту), что может объясняться отсутствием зрительного контакта и отдельного канала передачи невербальной информации через позу, мимику, жесты, а также оформление студии — в таких условиях требования к отчетливости речи повышаются. В передачах второго типа темп речи дикторов несколько выше (около 170 слов в минуту), порой приближаясь к темпу говорения. Особенно в этом отношении стоит отметить Роузи Райт — ведущую утренней новостной передачи «Good Morning Europe». Возможно, ускоренный темп (около 200 слов в минуту) в данном случае используется для того, чтобы «будить» аудиторию по утрам.

Как показало исследование, для передач с закадровым чтением текста характерны несколько удлиненные паузы между синтагмами, а также между отдельными фразами, что позволяет зрителю усвоить оптимальное количество информации после каждого завершенного отрывка новостной сводки. Порой, именно за счет такой паузации снижается темп речи. Сокращение длительности пауз, а также наличие беспаузальных отрезков речи были замечены в речи дикторов-носителей американского произносительного варианта.

Описанные выше просодические параметры служат повышению информативности новостного дискурса. Наряду с ними также были обнаружены особенности просодии, свидетельствующие о стремлении воздействовать на аудиторию. Так, отмечаются случаи использования эмфатических пауз, способствующих созданию эффекта просодической выделенности. Например, в следующем отрывке диктор выражает негативную оценку поведения британского премьер-министра Бориса Джонсона, подозреваемого во лжи королеве Великобритании, используя высокий нисходящий тон, специальный подъем (Accidental Rise), а также эмфатическую паузу (сильно контрастирующую на фоне ускоренного темпа) сразу после слова Queen:

*He faces alle'gations that he '**lied** to the `**Queen**|about the reasons he gave for a ↑**five** 'week suspension of ˌParliament.* ‖ (отрывок передачи «Euronews Tonight» от 19.09.2019)

В другом случае замедленный темп, утрированное выделение слов в синтагме, а также шкала с нарушенной постепенностью были использованы с целью оптимизации информативности сообщения. В новостном сюжете говорится о важных политических событиях, происходящих в ФРГ — одном из ведущих европейских государств, и каждое значимое слово должно быть выделено и произнесено с особой четкостью:

*The **German** '**far-right** have made **si↑gnificant** '**gains** in the*

*↑**East** of the ˌcountry: the **AFD** have come ↑**second** in ˈtwo ˈstate eˌlections.* ‖ (отрывок передачи «Euronews Tonight» от 02.09.2019)

Волнообразные шкалы, эмфатические тоны, использование низкого и высокого регистров и общая эмоциональная вовлеченность ведущего — характерные признаки речи ведущих, вещающих из студии. Особенно ярко они проявляются в диалогах с корреспондентами или приглашенными экспертами в студии. Для речи дикторов, читающих текст за кадром, характерна меньшая эмоциональность: преобладают нисходящие шкалы, средний регистр, эмфатические тоны встречаются редко.

*→Disappointed ˈ**tourists** were being ˈturned away from ˈParis' ˈfamous ˌLouvre on ˌFriday,| as the museum was ˈonly aˈllowing ˈpeople ˈin, if they ˈ**pre-booked** oˌnline.* ‖ (отрывок передачи «Global Weekend» от 04.08.2019)

Из вышесказанного следует, что в телевизионном новостном дискурсе, обращенном к международной аудитории, присутствует своя специфика. В первую очередь, это несколько сниженный, а в случае закадрового диктора — сильно сниженный темп речи, что может объясняться стремлением редакции телеканала упростить понимание английской речи для зрителей, не являющихся носителями английского языка. Во-вторых, в речи дикторов и ведущих международного канала «Euronews» присутствуют как британский произносительный стандарт RP, так и американский GA, что подтверждает не только многонациональный кадровый состав канала, но и ориентацию на зрителя по обе стороны Атлантики.

С другой стороны, даже при вещании на международную аудиторию, когда необходим особый, нейтральный подход в построении высказывания, в просодии ведущих и дикторов прослеживаются механизмы воздействия на аудиторию. Среди них эмфатическое выделение слов во фразе, особая паузация, а также волнообразная, эмоциональная интонация в целом. Роль просодических средств в реализации функций сообщения и воздействия в международном новостном дискурсе требует более детального изучения в рамках комплексного исследования с применением методов аудиторского и электронно-акустического анализа, а также математико-статистических методов обработки данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Добросклонская, Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта, 2008. 263 с.
2. *Мартыненкова, М.Г.* Сравнительный анализ телевизионных новостных выпусков (русская, английская, французская версии телеканала “Euronews”) // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 155–158.
3. *Ильина, К.А.* Фонетическая интерференция в новостных программах всемирной службы BBC // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (74): в 2-х ч. Ч. 1. С. 85–90.
4. *Дёмина, М.А.* Телевизионные новости как тип дискурса (лингвистический и прагматический аспекты) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 21 (627). С. 200–210.

5. *Дёмина, М.А.* Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ: на материале британского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012, 24 с.
6. *Шевченко, Т.И.* Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. Дубна: Феникс+, 2011. 256 с.
7. *Углова, Н.Г.* Фоностилистические особенности дикторской речи. М.: Тезаурус, 2014, 174 с.
8. *Фёдоров, В.В.* Статус и роль английского языка в современном мире // Теоретические аспекты современных гуманитарных наук: Материалы ежегодной межрегиональной научно-практической конференции. 8–11 февраля 2011 г. / под ред. Ю.В. Корчагина. Петропавловск-Камч.: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С. 184–189.
9. Euronews. URL: http://ru.euronews.com/about (дата обращения: 25.09.2019).

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: sistemnyy podhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliyskaya mediarech)*, Moscow, Flinta, 2008, 263 p. (in Russian)
2. Dyomina M.A. *Fonopragmaticheskaya obuslovlennost rechi televeduschikh informatsionnykh programm: na materiale britanskogo varianta angliyskogo yazyka: Extended Abstract of PhD dissertation (Philology)*, Moscow, 2012, 24 p. (in Russian)
3. Dyomina M.A. Televizionnye novosti kak tip diskursa (lingvisticheskiy i pragmaticheskiy aspekty), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki,* 2011, Vyp. 21 (627), pp. 200–210. (in Russian)
4. *Euronews,* available at: http://ru.euronews.com/about (access: 25.09.2019).
5. Fyodorov V.V. “Status i rol angliyskogo yazyka v sovremennom mire”, in: *Teoreticheskiye aspekty sovremennykh gumanitarnykh nauk: Materialy ezhegodnoy mezhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 8–11 fevralya 2011 g.*, ed. Yu.V. Korchagina, Petropavlovsk-Kamchatsky, KamGU im. Vitusa Beringa, 2012, pp. 184–189. (in Russian)
6. Ilyina K.A. Foneticheskaya interferentsiya v novostnykh programmakh vsemirnoy sluzhby BBC, *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki,* 2017, No. 8 (74): v 2-h ch. Ch. 1, pp. 85–90. (in Russian)
7. Martynenkova M.G. Sravnitelnyy analiz televizionnykh novostnykh vypuskov (russkaya, angliyskaya, frantsuzskaya versii telekanala “Euronews”), *Politicheskaya lingvistika*, 2013, No. 2 (44), pp. 155–158. (in Russian)
8. Shevchenko T.I. *Fonetika i fonologiya angliyskogo yazyka: Kurs teoreticheskoy fonetiki angliyskogo yazyka dlya bakalavrov*, Dubna, Feniks+, 2011, 256 p. (in Russian)
9. Uglova N.G. *Fonostilisticheskiye osobennosti diktorskoy rechi*, Moscow, Tezaurus, 2014, 174 p. (in Russian)

Родионов Юрий Николаевич, аспирант, кафедра фонетики и лексики английского языка, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, un_rodionov1@student.mpgu.edu

Rodionov Yu.N., Post-graduate Student, English Phonetics and Lexis Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, un_rodionov1@student.mpgu.edu

УДК 81'0
ББК 66

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОЛИТИКА XXI СТОЛЕТИЯ

Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед

Аннотация. *В статье рассмотрен политический дискурс как коммуникативное пространство политики новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы; установлено, что ключевыми характеристиками политического дискурса можно выделить по следующим критериям: по характеру субъекта и адресата, по жанрам устной и письменной речи, по противопоставлению монологической речи, по функциям, по объему информации среди жанров, по цели выражения.*

Ключевые слова: *«дискурс», «политический дискурс», коммуникативное пространство, политика новейшего времени, антропоцентрическая парадигма.*

POLITICAL DISCOURSE AS A MEANS OF REPRESENTING VIRTUAL REALITY POLICY OF THE XXI CENTURY

Al-Barazanchi Mohammed Yassin Mohammed

Abstract. *The article considers political discourse as a communicative space of modern politics in the context of an anthropocentric paradigm; it has been established that the key characteristics of political discourse can be distinguished as follows: by the nature of the subject and addressee, by the genres of oral and written speech, by the contrast of monologue, by functions, by the amount of information among genres, by the purpose of expression.*

Keywords: *"discourse", "political discourse", communicative space, modern politics, anthropocentric paradigm.*

© Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

На современном этапе развития лингвистики прослеживается сдвиг акцентов при изучении языка в сторону человека, его мышления и *коммуникативной деятельности*. Такая приоритетность антропоцентрического подхода в языке может быть подтверждена, с одной стороны, появлением таких областей лингвистики, как когнитивная, психо-, прагма-, социо- и антрополингвистика, а с другой стороны, таким интересом, который проявили многие лингвисты к изучению языкового сознания того или иного человека.

Понятие «дискурс» в современной философской мысли привлекает все больше внимания исследователей, представляющих не только лингвистику, но и психологию, социологию, историю, философию и другие научные области. Несмотря на то, что термин «дискурс» существует уже более двух тысяч лет в значении «диалог», в языкознании он начал широко использоваться только в 50-е гг. XX века, когда была издана статья американского лингвиста С. Харриса «Discourse Analysis» (рус. «Анализ дискурса»). Автор назвал так метод анализа связной речи, предназначенной для вывода дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени для соотнесения языка и культуры [1, с. 83]. Классические труды по проблеме исследования дискурса принадлежат Т. ван Дейку [2], М. Фуко [3] и др.

Вступая в процесс коммуникации, человек реализует свои цели, которые, в свою очередь, определяют тип дискурса. Институциональный дискурс реализуется в общественных институтах и обращен как к индивидуальному, так и к массовому слушателю. Этот вид дискурса возникает между людьми, которые могут быть ему неизвестны, однако которые должны общаться в заданных координатах статусно ролевых отношений. Этот вид дискурса имеет следующие особенности общения: наличие статусно-ролевых характеристик участников; наличие набора типичных для этой сферы коммуникации ситуаций, целей и условий, ценностей, моделей речевого поведения, тематических репертуаров говорящих [4, с. 25–33].

Теоретической базой институциональной концепции дискурса выступают работы французских ученых М. Фуко и П. Бурдье. М. Фуко утверждает, «что институциональный дискурс устанавливает процесс коммуникации и порядок мышления, дисциплинирует ум и чувство, идентифицирует и структурирует объекты путем установления нормы и ненормы» [3, с. 125]. П. Бурдье трактует дискурс «как габитус, который генерирует социальные практики и оценочное восприятие», и рассматривает дискурс как «символический капитал, функционирующий в социальном пространстве» [5, с. 125–166].

Основы теории политического дискурса были выдвинуты Кембриджской и Оксфордской философскими школами, которые обратились к лингвистическому анализу контекста общественного мнения, еще в 50-е гг. XX века. Термин «политический дискурс» распространяется в западной гуманитарной науке в 1960–70-х гг., а в 1980–90 гг. — за рубежом, где значительный вклад в исследование политического дискурса сделали Р. Во-

дак [6], Т. ван Дейк [7, p. 383–410], Т. Кресс [8, p. 178–232], Р. Ходж [9] и др. В данной связи нельзя не отметить публикации Р. Барта, К.В. Никитиной, монографии И.Т. Вепревой, Н.А. Купиной, Э. Лассан, В.Л. Музыканта, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, исследования Е.В. Бакумовой, О.И. Воробьевой, Ю.М. Ивановой, А.Б. Ряпосовой, А.А. Филинского, словари А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, В.И. Максимова и др. Кроме того, проблемам политического дискурса посвящен специализированный журнал «Journal of Language and Politics» и серия книг «Discourse Approaches to Politics», «Society and Culture» под редакцией Р. Водак и П. Чилтона и «Praeger Series in Political Communication» под редакцией Р. Дентона. Некоторые исследователи указывают на необходимость признания за политической лингвистикой статуса самостоятельного раздела лингвистической науки (Д. Белл, Р. Дентон, Р. Ниммо, А.А. Романов, О. Фельдман, П. Чилтон, А.П. Чудинов, Т. Шекелс и др.). При этом отмечается, что «политическая лингвистика пытается объяснить, каким образом люди с помощью речи и коммуникации могут влиять на поведение, ценности и мнения других» [10, p. 12–37].

Истоки этого направления видятся в таких междисциплинарных исследованиях XX в. США, как риторический анализ (*rhetorical analysis*) (A. Kiewe); исследования пропаганды как жанра коммуникации (*propaganda analysis*) (M. Edelman, D.A. Graber, J. Kuklinski, J. Ferejohn, H. Lasswell, D. Nimmo, J. Combs); исследования изменения в общественном сознании под влиянием политической коммуникации (*attitude change studies*) (H. Tajfel, J. Turner); анализ влияния предвыборной агитации на результаты выборов (voting studies) (L. Becker, A. Gelman, G. King); взаимодействие правительств и средств массовой информации (*government and the news media*) (R.E. Denton, R. Kick, J.M. Perry); функциональный анализ (*functional analysis*) (W.L. Benoit, W.T. Wells); анализ предвыборных технологий в его связи с языком (*media technologies, campaign techniques*) (S. Ansolabehere, Sh. Iyengar, P. Chilton) и т. д. В 1970–80-х годах к данным направлениям добавились исследования института президентства как коммуникативного феномена (*thepresidency*) (R.E. Denton); языковых особенностей опросов общественного мнения (*political polls*) (A. Gelman); дебатов как жанра политической коммуникации (*debates*) (Th.F. Sheckels); политической рекламы (*advertising*) (Sh. Iyengar). Признается, что направление политической лингвистики вполне можно считать сформировавшимся и перспективным (Th.F. Sheckels).

Целью данной статьи является освещение таксономии политического дискурса как коммуникативного пространства политики новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы.

На сегодняшний день антропоцентрический подход является ключевым в когнитивной семантике (Л. Талми, Р. Джекендофф и др.). Такой подход дает возможность не просто объяснить роль и место личности в коммуникативной деятельности, но и продемонстрировать, как человеческие знания структурируются для достижения определенных целей коммуникации.

Среди многочисленных подходов, которые были направлены на определение понятия «дискурс» (например, В.Г. Борботько, А.А. Кибрик, О.Н. Паршин, М.Л. Макаров, Е.И. Шейгал, Дж. Браун и Дж. Юль), актуальным является такой подход, который определяет *дискурс* как «коммуникативное событие». Такое понимание дается в работах Т.А. ван Дейка и его школы. Дискурс при этом «не ограничивается рамками конкретного высказывания, то есть рамками текста […], а включает в себя говорящего, адресата, их личностные и социальные характеристики, а также другие параметры социальной ситуации» [2, с. 122]. Таким образом, автор определяет дискурс не просто как вербальный объект, но и как форму социального взаимодействия. При таком подходе речевые произведения рассматриваются во всей полноте своего выражения (вербального и невербального) с учетом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия. В этой связи Н.Д. Арутюнова метафорически определила дискурс как речь, «погруженную в жизнь» [11, с. 136–137]. Данный подход обобщает точки зрения таких ученых, как А.Е. Кибрик, Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, Х.Г. Виддоусон, Й. Остман, а также коррелирует с пониманием дискурса в современной психологии, которая определяет дискурс как социальную деятельность в условиях реального мира.

Лингвисты-когнитологи говорят об особом «ментальном мире», создаваемом в дискурсе, и предлагают называть дискурсом такой объект исследования, который отражает мир, созданный субъектом [12, с. 38].

Основное внимание многих исследователей сориентировано на политической лингвистике, ключевым термином которой остается *политический дискурс* (далее — ПД) как конкретная реализация политической коммуникации (далее — ПК). Однако вопрос дефиниции политического дискурса и его корреляция со смежными понятиями принадлежат к числу дискуссионных в современной языковедческой науке.

ПД прежде всего исследуют в рамках ПК. Е.И. Шейгал предлагает широкое понимание ПК, которая охватывает «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [12, с. 205–214], при этом исследователь настаивает на синонимическом употреблении терминов «политический дискурс» и «политическая коммуникация».

Существует много определений «политического дискурса», которые предоставлялись многими исследователями. Например, А.Н. Баранов понимает ПД как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [13, с. 112]. Д. Джонсон и Р. Джонсон считают, что «ПД является методом принятия политических решений» [14, p. 65]. По мнению П. Бурдье, ПД — это «в узком смысле политическое поле, охватывающее сферы политических партий, институтов политической власти и очень тесно связан с темой языка и власти» [5, с. 125–166]. В.И. Карасик выделяет следующие виды институциональ-

ного дискурса: административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, массово-информационный и политический [4, с. 27]. Ряд исследователей (Д. Грейбер, Д. Белл, Р. Дентон, Р. Ниммо, О. Фельдман, П. Чилтон, О. Эдельман и др.) вообще полагают, что политическая деятельность сводится к деятельности языковой. В частности, О. Фельдман отмечает, что «политика — это дискурс, а дискурс — это политика» [15, p. 4–31]. Более того, в политической сфере слово приравнивается к действию («rhetoric equals action») [16, p. 79].

Политический дискурс всегда связан с вопросом власти различных уровней. Бесспорным остается тот факт, что через политический дискурс происходит манипулирование сознанием больших групп людей. Речь политика всегда обращена к потенциальным избирателям, даже если ее тема не входит в перечень предвыборных. Американский политический дискурс не является исключением и, в первую очередь, нацелен на манипулирование нацией. Это происходит из-за языковой манипуляции, которая представляет собой целостный речевой акт, направленный на массового адресата с целью завоевания и удержания власти. Поэтому политический дискурс как вид институционального имеет манипулятивный характер. Основной целью этого вида дискурса является навязывание определенного мнения широким кругам избирателей с последующим расчетом завоевать их голоса во время избирательной кампании.

А.П. Чудинов предлагает таксономию ПК.

1. По характеру субъекта (автора, говорящего): собственно политическая коммуникация (автор — политик); медийная политическая коммуникация (автор — журналист); непрофессиональная политическая коммуникация (автор — человек другой профессии, представитель народа).

2. По характеру адресата: адресат — политик или политический субъект (государство, партия и т.п.); адресат, который не относится к институциональным политическим субъектам (читатель, зритель, избиратель).

Также важно противопоставление индивидуального и массового адресатов, а также определенного и неопределенного адресатов, так как возможны случаи отсутствия совпадений между указанным и реальным адресатами политического текста.

3. По жанрам устной и письменной речи: жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, дебаты, интервью и т.п.); жанры письменной речи (программа, открытка, газетная статья, письмо политическому лидеру и т. д.).

4. Противопоставлением монологической речи: монологические жанры (радиообращение, статья в газете и т. п.); диалогические жанры (дискуссия, пресс-конференция, дебаты и т. д.);

5. По функциям: ритуальные жанры (речь инаугурации, приветственное слово и т. п.); ориентационные жанры (доклады, приказы, соглашения); агонального жанры (лозунги, листовки, выступление на митинге); информативные жанры (газетные сообщения, обращения граждан к политикам).

6. По объему информации среди жанров: малые жанры (лозунг, слоган); средние жанры (выступление на митинге, открытка, статья); большие жанры (политическая программа, доклад, политическая публицистика и т. д.).

7. По цели выражения: информативные, оценочные, императивные [17, с. 55–61].

Как видно из этой таксономии, здесь имеются определенные логические противоречия, а некоторые позиции находятся одновременно в нескольких группах, однако предложенные критерии распределения являются такими, которые соответствуют ПК. По нашему мнению, проблема разработки таксономии ПК заключается в определении ее объема и дефинирования, поскольку объем этого понятия ограничен различными критериями — тематическими, жанровыми, временными и т.п. Если согласится с позицией Е.И. Шейгал, который предлагает широкое толкования ПК, можем предположить, что основным критерием ПК является интенционный — борьба за власть [12, с. 24].

А. Д. Кривоносов определяет ПД как проявление ПК: «Политический дискурс — это конкретное проявление политической коммуникации, которая предполагает актуализацию политического текста в коммуникативном акте взаимодействия политического субъекта (политика, политической силы, власти) и политического объекта (аудитории, электората, избирателя)» [18, с. 12]. Толкования ПД как институциональной разновидности дискурсивной деятельности человека является актуальным для работ многих ученых (В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Н.В. Пименова, К.С. Серажим, Е.И. Шейгал и др.). Так, Л.С. Павлюк утверждает, что основанием для выделения типов дискурса, в том числе политического, является «обычная тематическая ориентация, указание на круг жизненных явлений и связанных с ними мотивов» [19, с. 22–129]. С выделением ПД соглашаются все лингвисты, поскольку этот таксон представлен в таксономиях, которые основаны на социальных, коммуникативных, тематических и функциональных признаках, однако основные черты и характерные признаки ПД варьируются в зависимости от научной концепции.

В этом контексте обращает на себя внимание еще один термин — *виртуальная реальность политика XXI столетия*, под которым понимается политическое пространство в политической коммуникации, где актуализируются политический текст конкретного политического субъекта, т.е. политика, с целью влияния на политический объект.

Главной задачей современных лингвополитических исследований является ответ на вопрос, каким образом, при помощи каких языковых средств политикам удается осуществить успешную социально-ориентированную коммуникацию. Важным является и изучение стратегий манипуляции аудиторией, а также всех факторов, приводящих аудиторию к «политически правильным» действиям и оценкам. Не случайно такой интерес вызывают лингвистические исследования политического дискурса как в России, так и за рубежом.

Таким образом, сфера политики является настолько значимой для

современного общества, что она стала объектом исследования многих научных школ и направлений не только в области общественных наук, но и в области лингвистики, где особую значимость приобрели исследования политического дискурса.

Е.И. Шейгал считает, что все элементы «поля политики так или иначе опосредованные стилем, отражены в дискурсе, реализуемые через дискурс: они либо являются предметом общения (его референционным аспектом), либо выступают как элементы прагматического контекста, в том числе и прагматических пресуппозиций» [12, с. 24]. А.Д. Кривоносов считает, что ПД является конкретной формой реализации ПК, в рамках которой следует рассматривать «все лингвальные и экстралингвистические факторы» [18, с. 11], среди которых политические тексты, интенции, субъективные установки автора и реципиента и т.п. А. П. Чудинов считает, что ПД «может быть определен как совокупность всех речевых актов, а также правил публичной политики, которые оформились в соответствии с существующими традициями и получили проверку опытом» [20, с. 67]. Итак, из предложенных определений можно сделать вывод о том, что при определении ПД определяющим критерием является лингвопрагматический, учитывающий интенциональность, специфику речевых актов и речевые жанры ПК.

По нашему мнению, целесообразно рассматривать ПД в пределах ПК, поэтому снова следует согласиться с Е.И. Шейгал, который отмечает, что главным критерием для определения ПК является ее содержание и цель. При этом цель ПК определена как «борьба за власть». А содержание ПК так или иначе связано с публичным обсуждением трех проблем: распределение общественных ресурсов; контроль за принятием решений / право принимать решения; применение санкций [12, с. 24]. Несмотря на это, логичной является мысль А.П. Чудинова, который утверждает, что вопрос об объеме понятия «политическая коммуникация» принадлежит к числу дискуссионных, но также склоняется к широкой трактовке понятия как коммуникации, которая «посвящена политическим проблемам или в которой политические субъекты выступают как авторы политического текста или его адресаты» [20, с. 55].

И хотя отождествление ПК с борьбой за власть выглядит односторонним, поскольку не все жанровые проявления ПК является агональными и конфликтными, все они ориентированы на получение политической победы или превосходства над оппонентами. Даже неконфликтное, конструктивное общение в политической сфере имеет целью только кооперативное взаимодействие, например, ориентированное на самопрезентацию политического имиджа и т. д.

Дискуссионным вопросом в политической лингвистике остается и таксономия ПД А.П. Чудинова, поэтому обратимся еще к таксономии, которую предлагает А.Д. Кривоносов в зависимости от различных факторов.

1. По форме — устные и письменные, к устным принадлежат монологические (речи политиков, обращение к народу, официальные заявления) и диалогические (интервью,

пресс-конференция, дебаты), а к письменным — обнародованные через СМИ или лично адресованные.

2. По фактору говорящего — адресантно прямые и косвенные формы ПД: прямые произносятся или излагаются от имени конкретного политика, а опосредованные имеют скрытое авторство. Спецификой ритуальных жанров ПД по этому показателю является то, что, с одной стороны, все тексты произносятся от имени конкретного политика, однако, с другой стороны — эти политики не являются авторами произнесенных текстов, за них это делает пресс-служба.

3. По фактору адресата — лично адресованные (прямая почтовая переписка) и массово адресованые (все телевизионные сообщения).

4. По цели выделены информативные, побудительные, имиджевые, мотивационные и экспрессивные.

5. По сфере функционирования — телевизионный, газетно-журнальный, радио, рекламный или PR дискурсы [21, с. 23-24].

Е.И. Шейгал считает характерной чертой ПД его способность пересекаться с другими типами дискурсов: юридическим, научным, масс медийным, педагогическим и т.п. [12, с. 24–32].

Способность ПД пересекаться с другими типами дискурса, с одной стороны, составляет его характерную черту, а с другой — усложняет выделение текстов ПД среди других жанровых разновидностей.

Рассматривая фактор адресатности любого таксона из представленных выше политических дискурсов, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «дискурс адресатен как тогда, когда он имеет место в бытовом общении […], так и тогда, когда он осуществляется в совсем ином режиме — при обращении одного оратора к коллективу (с четкими или же, напротив, весьма размытыми границами его физического существования) и т.п.». С данным утверждением трудно не согласиться.

Например, важным аспектом дебатов как таксона политического дискурса является тот факт, что, хотя на поверхности представляется, что кандидаты ведут диалог между собой, структура этого «диалога» значительно более сложная. На самом деле кандидаты обращаются к своей многомиллионной аудитории — зрителям, их избирателям, т.е. дебаты представляют собой образец социально-ориентированного (а не индивидуально-ориентированного) общения (термины А.А. Леонтьева). «В этом случае, — пишет он, — задача состоит в воздействии не на отдельную личность, а на аудиторию в целом, […] существенно то, чтобы изменилась степень их информированности, социальные ценности и т.д. всей аудитории или большей ее части» [там же]. Хотя получатель информации в таком типе общения действительно не может повлиять на адресанта в момент речи: перебить, задать вопрос, перевести разговор на другую тему и т.п., мы не считаем, что такая коммуникация является однонаправленной. Напротив, фактор аудитории играет самую важную роль, причем вполне активную; так как выступления кандидатов направлены на активизацию у слушателей механизмов групповой принадлежности и потому строятся с учетом когнитивных особенностей

целевой аудитории. Мнения, интересы, ожидания электората в значительной степени определяют то, что и как говорят кандидаты. Политический дискурс всегда ориентирован на слушающего. Слушатель, индивидуальный или коллективный, является активным участником коммуникации, ведь во время каждого публичного выступления политик в очередной раз «продает», рекламирует себя. От коллективного адресата зависит, будет он все еще «политиком» после ближайших выборов или перейдет в разряд «аудитории». В этом случае закономерно, что говорящий непременно стремится учитывать предполагаемые реакции аудитории, чтобы быть понятым именно так, как задумывалось.

Особенностью фактора целеполагания в политическом дискурсе является тот факт, что цели участников, например, дебатов, абсолютно тождественны — добиться власти посредством демонстрации себя «своим» максимально большей части электората и, одновременно, представить своего оппонента «чужим» по отношению к нации. Несмотря на тождественность целей участников дебатов, предполагается достижение противоположных результатов, так как победа на выборах одного сопровождается поражением другого.

Фактор интенциональности связан с намерениями участников дебатов выбрать наиболее эффективные стратегии для достижения своих целей.

В качестве примера приведем текст политика XXI столетия — В.В. Путина, который выступил на пленарном заседании Международного спортивного форума «Россия — спортивная держава»:

Мы искренне рады приветствовать в России лидеров мирового спортивного сообщества, руководителей международных спортивных организаций и выдающихся спортсменов, всех наших коллег, партнеров, которые так же, как и мы, заинтересованы в успешном, уверенном развитии спорта, в сохранении его гуманистического потенциала и базовых принципов доступности, равенства, честной и чистой борьбы.

Дальнейшее продвижение великих, объединяющих мир спортивных ценностей — одна из ключевых задач нашей большой многонациональной спортивной семьи. И решать ее надо сообща, опираясь на проверенные временем нормы и правила, уважая и слыша друг друга, выстраивая конструктивный, доброжелательный диалог [22].

Приведенный отрывок текста В.В. Путина — это наглядный пример виртуальной реальности политика XXI столетия, которую он пытается реализовать с помощью информационной функции, поскольку она, в первую очередь, является средством передачи информации политического содержания. С информационной тесно связана коммуникативная функция, которая заключается в том, что с помощью политического языка, налаживается общение, взаимодействие между субъектами политики, в частности — между властью и гражданами. Важной остается и функция формирования политического сознания. С помощью политического языка происходит отражение политической действительности, при ее посредничестве формируются политические ценности, идеалы, нормы, правила

политического поведения, представления о политических институтах, об отношениях между властью и гражданами и тому подобное.

Таким образом, большинство подходов ученых сводится к тому, что если понятие дискурс — это «коммуникативное событие», то политические дискурс — это совокупность всех речевых актов, используемых в политических коммуникативных событиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом (по А.Н. Баранову); политическое поле, охватывающее сферы политических партий, институтов политической власти, и очень тесно связанное с темой языка и власти (за П. Бурдье). Принятая в современной политической лингвистике таксономия политического дискурса предполагает рассмотрение его типов (юридический, научный, масс-медийный, педагогический, рекламный, религиозный, бытовой, художественный, военный) сквозь призму политической коммуникации, которую принято рассматривать по таким характеристикам: 1) по характеру субъекта (автора, говорящего); 2) по характеру адресата; 3) по жанрам устной и письменной речи; 4) противопоставлением монологической речи; 5) по функциям; 6) по объему информации среди жанров; 7) по целе выражения. Кроме этого, антропоцентрическая парадигма нацелила коммуникацию политика на реализацию следующих важных факторов: фактор адресатности, диалог между собой, фактор аудитории, фактор целеполагания, фактор интенциональности.

В перспективе динамика лексики политика, отображенная в политическом дискурсе, бесспорно, даст новый мощный толчок для теоретического изучения его строения и закономерностей функционирования, что представляется продуктивной ветвью дальнейшего исследования индивидуальных лексических единиц языка политики в период предвыборной кампании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Макаров, М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
2. *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация; пер. с англ. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. *Фуко, М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
4. *Карасик, В.И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 25–33.
5. *Бурдье, П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: сборник статей. СПб, 1999. С. 125–166.
6. *Водак, Р.* Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В.И. Карасика и Н.Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
7. *Dijk, T. A. van.* On Macrostructures, Mental Models, and Other Inventions: A Brief Personal History of the Kintschvan Dijk Theory // Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch. L.: Hillsdale, 1995. P. 383–410.
8. *Kress, G.* Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis / ed. G. Smitherman-Donaldson. L.: Routledge, 1985. P. 178–232.

9. *Hodge, R., Kress G.* Social Semiotics. London: Polity Press, 1988. 296 p.
10. *Bell, D. V. J.* Negotiation in the workplace: the view from a political linguist // The discourse of negotiation: studies of language in the work place / ed. A. Firth, 1995. P. 12–37.
11. *Арутюнова, Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.
12. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2004.
13. *Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.
14. *Johnson, D.W., Johnson R.* Civil Political Discourse in a Democracy: The Contribution Of Psychology. New York: The Macmillan Company, 1987.
15. *Feldman, O.* An Introduction // Politically Speaking: A Worlwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Ofer Feldman and Christ'l De Landtsheer, eds. Westport, CT: Praeger, 1998. P. 4–31.
16. *Kiewe, A.* The Crisis Instrument in American Political Discourse // Politically Speaking: A Worlwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Ofer Feldman and Christ'l De Landtsheer, eds. Westport, CT: Praeger, 1998.
17. *Чудинов А.П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика: сб. научн. трудов; ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2012. Вип. 2 (40). С. 55–61.
18. *Кривоносов, А.Д.* РЯ-текст в системе публичных коммуникаций. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.
19. *Остин, Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 22–129.
20. Современная политическая коммуникации: учебн. пособие / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009.
21. *Леонтьев, А.А.* Язык и разум человека. М.: Политиздат, 1965.
22. Форум «Россия — спортивная держава» // События. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/61768 (дата обращения: 16.06.2019).

REFERENCES

1. Arutjunova N.D. Diskurs, *Lingvisticeskij enciklopediceskij slovar*. Moscow, Sov. enciklopedija, 1990. pp. 136–137. (in Russian)
2. Austin J. "Slovo kak dejstvie", in: *Novoe v zarubeznoj lingvistike.* Moscow, Progress, 1986. Vyp. XVII, pp. 22–129. (in Russian)
3. Baranov A.N., Karaulov, Ju.N. *Russkaja politiceskaja metafora. Materialy k slovarju.* Moscow, Institut russkogo jazyka AN SSSR, 1991. (in Russian)
4. Bell D.V.J. "Negotiation in the workplace: the view from a political linguist", in: *The discourse of negotiation: studies of language in the work place*, ed. A. Firth, 1995.
5. Bourdieu P. Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticeskogo polja, *Poetika i politika: sbornik statej.* Saint-Petersberg, 1999, pp. 125–166. (in Russian)
6. Chudinov A.P. "Diskursivnye harakteristiki politiceskoj kommunikacii", in: *Politiceskaja lingvistika:* sb. naucn. trudov; red. A.P. Cudinov, Ekaterinburg, 2012, Vip. 2 (40), pp. 55–61. (in Russian)
7. Dijk T.A. van. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija*, per. s angl. V.I. Gerasimova. Moscow, Progress, 1989, 312 p. (in Russian)

8. Dijk T.A. van. On Macrostructures, Mental Models, and Other Inventions: A Brief Personal History of the Kintschvan Dijk Theory, *Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch,* Leningrad, Hillsdale, 1995, pp. 383–410.
9. Feldman O. An Introduction, *Politically Speaking: A Worlwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Ofer Feldman and Christ'l De Landtsheer*, eds. Westport, CT, Praeger, 1998, pp. 4–31.
10. *Forum «Rossija — sportivnaja derzava», Sobytija,* available at: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/61768 (accessed: 16.06.2019). (in Russian)
11. Foucault M. *Slova i vesi. Arheologija gumanitarnyh nauk.* Moscow, Progress, 1977, 488 p. (in Russian)
12. Hodge R., Kress, G. *Social Semiotics.* London, Polity Press, 1988, 296 p.
13. Johnson D.W., Johnson R. *Civil Political Discourse in a Democracy: The Contribution Of Psychology.* New York, The Macmillan Company, 1987.
14. Karasik V.I. Struktura institucionalnogo diskursa, *Problemy recevoj kommunikacii*. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000, pp. 25–33. (in Russian)
15. Kiewe A. "The Crisis Instrument in American Political Discourse", in: *Politically Speaking: A Worlwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Ofer Feldman and Christ'l De Landtsheer*, eds. Westport, CT: Praeger, 1998.
16. Kress G. "Ideological Structures in Discourse", in: *Handbook of Discourse Analysis*, ed. G. Smitherman-Donaldson. Leningrad, Routledge, 1985, pp. 178–232.
17. Krivonosov A.D. *Rja-tekst v sisteme publicnyh kommunikacij*. Saint-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2002. (in Russian)
18. Leontev A. A. *Jazyk i razum celoveka,* Moscow, Politizdat, 1965. (in Russian)
19. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa,* Moscow, Gnozis, 2003. (in Russian)
20. Shejgal E.I. *Semiotika politiceskogo diskursa: monografija.* Volgograd, Peremena, 2004. (in Russian)
21. *Sovremennaja politiceskaja kommunikacii:* ucebn. posobie, otv. red. A.P. Cudinov. Ekaterinburg, Izd-vo Uralskogo un-ta, 2009. (in Russian)
22. Wodak R. *Jazyk. Diskurs. Politika*; per. s angl. i nem. V.I. Karasika i N.N. Trosinoj. Volgograd, Peremena, 1997. 139 p. (in Russian)

Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед (Ирак), магистр филологических наук, Багдадский университет, albarazanchi74@mail.ru

Al-Barazanchi Mohammed Yassin Mohammed, Master of Philology, Baghdad University, albarazanchi74@mail.ru

УДК 81.1
ББК 81

КОНЦЕПТ «ДРУЖБА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (на материале пословиц и поговорок русского языка)

Али Нажва Фуад

Аннотация. *В статье описываются понятийная, образная и ценностная составляющие концепта «Дружба» в русской лингвокультуре. Анализируются структурные типы пословиц, что позволяет выявить характер взаимоотношений между обозначенными в ней объектами, а, следовательно, глубже понять смысл пословиц. В пословицах закрепляется многовековой культурный опыт народа, они относятся к культурному коду, поэтому их изучение позволяет выявить константы русской культуры.*

Ключевые слова: *концепт, лингвокультурный концепт, структура концепта, паремии, пословицы, поговорки, дружба.*

THE CONCEPT OF FRIENDSHIP IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE (Proverbs and Sayings of the Russian Language as Models)

Ali Najwa Fouad

Abstract. *The article presents the conceptual, imaginative and value components of the concept "Friendship" in Russian linguistic culture. The structural types of proverbs are analyzed, which allow to reveal the nature of the relationship between the objects indicated in it, and; therefore, to understand the meaning of proverbs more deeply. In the proverbs, the centuries-old cultural experience of the people is enhanced; they belong to the cultural code, so their study allows revealing the constants of Russian culture.*

Keywords: *concept, lingua-cultural concept, concept structure, paroemia, proverbs, sayings, friendship.*

© Али Нажва Фуад, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Одним из активно развивающихся в последнее время направлений в лингвистике является лингвокультурология. Основное направление в этой области — изучение концептов, их описание и классификация. «Концепты — это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [1, с. 8].

Концепт по-разному трактуется в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Для когнитивистов концепт — это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга (lingua mentalis), всей картины, отраженной в человеческой психике» [2, с. 90]. С этой точки зрения далеко не все концепты получают языковую реализацию.

С позиции лингвокультурологии концепт — это «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [1, с. 29]. В данной работе будет рассматриваться концепт с точки зрения лингвокультурологии.

Отличие концепта от понятия заключается в том, что концепт «включает, в отличие от понятия, не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концепты не только мыслятся, но и переживаются» [3, с. 43].

В составе концепта выделяют понятийную, образно-перцептивную и ценностную составляющие. Понятийная сторона концепта — это его дефиниция, образная составляющая — это те представления и ассоциации, которые связаны у носителей языка с этим концептом, его релевантные признаки. Ценностная сторона концепта заключается в важности его для представителей культуры, ценностный аспект является определяющим для выделения концепта. Из концептов складывается ценностная картина мира. «В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [4, с. 5].

«Фактуальный элемент лингвокультурного концепта хранится в сознании в вербальной форме, следовательно, может воспроизводиться в речи непосредственно. Образный элемент невербален и поддается лишь описанию» [5, с. 78].

Все концепты могут быть разделены на параметрические и непараметрические. К параметрическим концептам относят классифицирующие ментальные образования, такие как пространство, время, количество и качество; к непараметрическим — концепты, имеющие предметное содержание. В свою очередь, непараметрические концепты можно разделить на регулятивные и нерегулятивные. Аксиологический компонент является основным содержанием регулятивных концептов, к нерегулятивным концептам относят «синкретичные ментальные образования разного характера» [6, с. 31].

Для понимания особенностей той или иной культуры наибольший интерес представляет выявление именно регулятивных концептов, так как они определяют ценностную ориентацию

представителей культуры и объясняют их поведенческие доминанты.

Одним из способов репрезентации концептов являются ценностно маркированные высказывания и, прежде всего, пословицы и поговорки. В паремиях отражаются определенные нормы поведения, они эксплицируют опыт коллектива, кроме того, пословицы являются знаками «каких-то жизненных или мыслимых ситуаций» [7, с. 22].

В ценностной картине мира представителей русского социума феномен *дружба* занимает значительное место. Дружба как вид отношений между людьми включается в систему социальных ценностей и регулируется социальными нормами. Паремии могут предоставить богатый материал для изучения культурного своеобразия концепта *дружба* в русской лингвокультуре. Этнокультурная специфика данного концепта связана с иерархией ценностей русского социума.

Цель данного исследования состоит в описании основных лингвокультурологических особенностей концепта *дружба* в русской языковой картине мира на материале пословиц и поговорок русского языка.

Тематическая классификация «позволяет отвлечься от многих необязательных (чисто внешних) элементов изречения и обратить внимание на более существенное в нем» [там же, с. 12–13].

Материалом послужили русские пословицы о дружбе (274 единицы), выделенные методом сплошной выборки из словарей и сборников русских пословиц: Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка»; В.М. Мокиенко «Большой словарь русских пословиц»; В.П. Жуков «Словарь русских пословиц и поговорок», В.И. Зимин «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений». В ходе отбора внимание уделялось паремиям, содержащим в своем составе ключевые для данного концепта слова *дружба, друг*, отбирались и те пословицы и поговорки, в которых присутствует идея дружбы.

К паремиям русского языка относят пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения. Пословицы и поговорки структурно организованы, как предложения, они являются законченными высказываниями. Пословица всегда двупланова, она имеет прямой план содержания высказывания, складывающийся из значения образующих его слов, и иносказательный план содержания, который не соответствует значениям слов, его образующих, но может быть описан, истолкован. В отличие от пословицы поговорка одноплановa, она передает прямой смысл содержания высказывания. Кроме того, в языке есть пословично-поговорочные выражения, стоящие на грани пословиц и поговорок.

Концепт *дружба* в русской картине мира рассматривался такими учеными, как А. Вежбицкая и А.Д. Шмелев. Анна Вежбицкая описывает модели дружбы в разных культурах, анализирует лексемы *друг, подруга, приятель, товарищ, знакомый*. А.Д. Шмелев также обращается к анализу данной лексики, добавляя глагол *дружить*. А.Д. Шмелев уточняет и дополняет выводы А. Вежбицкой, отмечая расхождения в представлениях носителей языка, связанных с данной лексикой. Оба

исследователя говорят о важности дружбы для представителей русской лингвокультуры, отмечают важную составляющую представления о дружбе — готовность прийти на помощь другу.

Большой академический словарь русского литературного языка дает следующее определение словам *дружба* и *друг, дружба* — это ‘отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.’ [8; 9, с. 483]; друг — ‘тот, кто тесно связан с кем-либо доверием, преданностью, дружбой’ [8; 9, с. 480].

Таким образом, можно составить первичный список представлений, связанных с дружбой: взаимоотношения между людьми, взаимная привязанность, духовная близость, общность интересов, доверие и преданность.

Анализ паремий, объективирующих концепт «Дружба» в русском языке, показал, что все пословицы и поговорки о дружбе можно разделить на четыре группы. К первой группе были отнесены паремии, определяющие место дружеских отношений в жизни человека, ко второй — паремии, описывающие место дружбы в системе межличностных отношений, к третьей — кто и как может стать другом, к четвертой — паремии, описывающие ожидания, связанные с дружбой.

I. Место дружеских отношений в жизни человека

В русских паремиях подчеркивается необходимость и важность дружеских отношений для человека:

Не мил и свет, когда друга нет;
Без друга в жизни туго.

Друг обеспечивает душевный комфорт:

Друг имеется — так и сердце греется.

С другом жизнь приятнее:

Был я у друга, пил я воду — слаще меда;

Без Ивашки не выпьешь бражки.

Дружеские отношения ставятся выше материальных ценностей:

Не имей сто рублей, а имей сто друзей;

Доброе братство дороже богатства;

Друг рубля (денег) дороже;

Добро потеряешь — опять наживешь, друга потеряешь — уже не вернешь.

Финансовые отношения могут помешать дружбе, поэтому с друзьями лучше не иметь дел, связанных с деньгами:

Будь друг, да без убытку;

Чаще счет — крепче дружба;

Не давай денег, не теряй дружбы;

Друга не теряй — взаймы не давай.

Финансовые отношения могут стать проверкой дружбы:

Золото познается огнем, а друг — золотом.

Поэтому

Царь и нищий всегда без друзей.

Слово также может разрушить дружбу:

Ветер рушит горы, а слово — дружбу.

Дружеские отношения не просто важны, они определяют всю жизнь человека:

Какову дружбу заведешь, такову и жизнь проведешь.

Дружба предполагает очень близкие отношения, когда практически отсутствует граница между людьми, все, что происходит с другом, воспринимается как свое:

В недруге стрела, что во пне, а в друге, что во мне.

Любить себя — любить друга.

Поскольку дружеские отношения очень важны, то дружбой необходимо дорожить:

Нет друга — ищи, а нашел — береги.

Дружеские отношения невозможно восстановить:

Дружба, как стекло, разобьешь — не сложишь;

Надсаженный конь, надломленный лук, да замиренный друг.

Бывший друг переходит в категорию врагов, становится даже хуже их:

Раздружится друг — хуже недруга.

Настоящая дружба проверяется временем и испытаниями:

Изведан друг, пуд соли вместе съевши;

Старый друг лучше новых двух;

Новых друзей наживай, а старых не теряй;

Из-за нового приятеля не теряй старого;

Внешний лед обманчив, а новый друг ненадежен;

Друг познается на рати да при беде.

Человек, не прошедший испытания временем или бедствиями, не просто перестает быть другом, он квалифицируется как враг:

Друг до поры — тот же недруг.

Интересно отметить, что дружба является не просто важным элементом межличностных отношений, она — залог прочности всего коллектива:

Дружные сороки и гуся съедят, дружные чайки и ястреба забьют;

Веника не сломаешь, а по прутику весь переломаешь;

Артель дружбой крепка.

II. Дружба в системе межличностных отношений

Анализ русских пословиц и поговорок показал, что дружеские отношения могут ставиться выше любовных:

Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает.

Дружеские отношения по важности приравниваются к семейным:

Друзья прямые — что братья родные;

Без друга — сирота; с другом — семьянин.

При этом дружеские отношения ставятся выше родственных:

Отец — наставник, брат — опора, а друг — и то, и другое;

Добрый друг лучше ста родственников.

В ряде русских паремий дружба противопоставляется вражде:

Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб ладит;

Друг — ценный клад, недругу никто не рад.

Однако между дружбой и враждой хрупкая грань:

Дружба от недружбы близко живет.

III. Кто и как может стать другом

Анализ паремий русского языка показал, что для возникновения дружеских отношений нужны основания, а важность дружеских отношений связана с тем, что друга нелегко найти:

И всяк тебе друг, да не вдруг;

Друг и брат великое дело: не скоро добудешь.

В большом количестве паремий содержатся указания на то, каким должен быть друг. Прежде всего, друг должен быть умен:

Умный товарищ — половина дороги.

Глупый друг страшнее врага:

Не бойся врага умного, бойся друга глупого.

Однако у друга могут быть недостатки:

Ищущий друга без изъяна, останется без друга.

Дружеские отношения могут возникнуть только между равными:

Всякий избирает друга по своему нраву.

Каждый находит друга «по себе», поэтому по друзьям можно судить о человеке:

Скажи, кто твои друзья, — скажу, кто ты.

Ряд паремий содержит предупреждение, с кем нельзя дружить:

С добрыми дружись, а лукавых берегись;

Лжец — всегда неверный друг, оболжет тебя вокруг;

Кто в нраве крут, тот никому не друг.

Несерьезный человек не может быть другом:

Шут в дружбу не годится.

Скупость может препятствовать дружеским отношениям:

Кто скуп да жаден, тот в дружбе неладен;

Жалеть мешка — не видать (не завесть) дружка.

IV. Ожидания, связанные с дружбой

Одним из важнейших критериев дружбы является готовность друга поддержать, прийти на помощь, невзирая на личные интересы:

Большая заслуга — выручить в беде друга;

Для друга — все не туго;

Для милого друга — и коней из плуга;

Для друга семь верст не околица (для друга семь верст не крюк).

Помощь другу является приоритетной жизненной ценностью, которая ставится выше самой жизни:

Сам умирай, а друга выручай.

За нарушение этого правила будет неизбежное наказание:

Кто друга в беде покидает, тот сам в беду попадает.

Однако в небольшом количестве паремий выражена идея соблюдения человеком своих собственных интересов:

Делай другу добро, да себе без беды.

Вторым по значимости компонентом дружбы является искренность, честность друзей по отношению друг другу:

Дружба крепка не лестью, а правдой и честью;

Дружба крепнет правдой;

Друг спорит, недруг поддакивает;

Какую другу чашу налил, такую и сам пей;

Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду в глаза скажет.

Доверие — необходимая черта дружеских отношений:

Недоверие убивает дружбу.

Верность — одна из важнейших черт друга:

Друг верен, во всем измерен.

Неверный друг опасен:

Неверный друг — опасный враг;

Без друга, который потерян, плохо, но плохо и с другом, который неверен.

В небольшом количестве паремий говорится о настороженном отношении к другу:

Бойся друга, как врага;

С другом дружись, а как недруга берегись;

С медведем дружись, а за топор держись.

Несмотря на важность дружбы в жизни человека, люди должны полагаться, прежде всего, на себя:

На друга надейся, а сам не плошай;

Дружиться дружись, а за саблю держись;

На друга надеяться — самому пропадать.

В русских паремиях дифференцируются понятия *друг, дружок, приятель*.

Есть пирожки — есть и дружки, нет пирожков — нет и дружков.

При пире, при бражке — все дружки;

Соха — не плуг, приятель — не друг;

Друзей-то (приятелей) много, да друга нет.

Последняя поговорка проводит грань между другом и друзьями/приятелями, следуя ее логике, можно сделать вывод, что настоящий друг только один. Испытания являются проверкой дружбы, показывая, кто приятель, а кто настоящий друг:

Черный день придет — приятели откинутся.

В паремиях отражается определенный взгляд на мир представителей русского социума, существенное значение имеет и то, как этот взгляд отражается в пословичном знаке. Важно не только то, что описывается, но и как.

Анализ синтаксической структуры паремий позволит более полно исследовать их семантические особенности. Пословицы по своей структуре могут представлять собой как суждения, так и побуждения к действию.

В пословице содержится сценарий или рекомендация, как действовать в определенной ситуации, дидактичность — основная черта паремий:

Не бойся врага умного, бойся друга глупого;

Другу дружи, недруга не губи.

Назидательность пословиц определяет их структуру, большинство пословиц русского языка представляют собой обобщенно-личные предложения с глаголом в повелительном наклонении:

Дружбу помни, а злобу забывай.

Особенность обобщенно-личных предложений заключается в том, что действие приписывается любому субъекту.

Очень часто пословицы имеют структуру предложения со значением обусловленности, в паремии соотносятся две ситуации, одна из которых зависит от другой:

Есть пирожки — есть и дружки, нет пирожков — нет и дружков;

Скатерть со стола — друзья со двора;

Больше друзей — больше и врагов;

Друга иметь — себя не жалеть;

На друга надеяться — самому пропадать;

Раздружится друг — хуже недруга.

Такие предложения выражают отношения цели и следствия, причины и условия. В большинстве случаев присутствует обобщенное значение:

Кому счастье дружит, тому и люди;

Какову дружбу заведешь, такову и жизнь проведешь.

В паремиях о дружбе преобладают неглагольные конструкции со значе-

нием бытия. В препозиции всегда находится обусловливающая часть. «Отношение обусловленности легко осложняется элементами причинного или временного значения» [10, с. 640]:

Каковы дружки, таковы им пирожки;

Чаще счет — крепче дружба.

Бессоюзные сложные предложения часто имеют симметричное строение и одинаковый порядок слов в двух своих частях:

Не бойся врага умного, бойся друга глупого.

Часто в паремиях используется сослагательное наклонение, такие конструкции выражают значение возможности чего-либо без временной определенности:

Был бы друг, будет и досуг;

Были б пирожки, будут и дружки;

Был бы дружек, найдется (найдем) и часок.

Возможно осложнение условных отношений противительными или сопоставительными отношениями:

Дал бы дружку пирожка, да у самого ни куска;

Был бы друг, а время будет;

Дружба не служба; а с кем дружишь, на того служишь.

Структура пословицы может строиться по принципу «от противного»: что будет, если у человека не будет друга:

Без друга жить — самому себе постылым быть;

Не мил и свет, когда друга нет.

Высказывание может строиться как отрицание. «Утверждение и отрицание в языке функционируют в тесной связи и служат для выражения таких противоположных значений, как (действие — недействие), (наличие — отсутствие), (существование — несуществование), (принадлежность — непринадлежность), (возможность — невозможность) и т.д. Любое явление, признак, характеристика в языке могут быть представлены как утверждаемые или отрицаемые» [там же, с. 402]. Отрицание, которое находится при сказуемом, придает отрицательное значение целому предложению, это, так называемое, общее отрицание, здесь нет необходимости в противопоставлении:

Для хорошего друга не жаль ни хлеба, ни досуга.

Частица *не* и союз *ни… ни* в общеотрицательном предложении усиливают отрицание, придают ему обобщающее значение.

Частный характер имеет отрицание, когда оно относится не ко всей ситуации, а только к ее части. В таких предложениях тому, что отрицается, может противопоставляться то, что утверждается:

Не дорога гостьба, а дорога дружба.

Такие конструкции с противопоставлением сущностей мы можем отнести к сопоставительным контрастным номинациям:

Хорош друг старый, а дом новый.

«Далеко не всегда смысл паремий с отрицательным сравнением сводится к чистой констатации нетождественности двух сущностей. Уточнение характера связей между ними, меры их различия могут реализоваться в особой синтаксической структуре «кто кому не кто» / «что чему не что» [11, с 104]».

В паремиях с отрицательным сравнением может содержаться пояснение, почему сопоставляемые объекты не являются тождественными:

Дружба не гриб, в лесу не найдешь.

По мнению Л.Б. Савенковой, «именно такая структура заставляет привлечь к интерпретации сравнения более обширное знание, чем у паремий, содержащих «положительное» сравнение или сопоставление» [там же, с. 103].

Следует заметить, что в пословицах сравнение не всегда соединяется с отрицанием:

Человек без друзей, что дерево без корней.

Для пояснения сравнения, так же как в пословицах с отрицательным сравнением, основание сравнения может эксплицироваться:

Дружба, как стекло, разобьешь — не сложишь.

В некоторых случаях основание сопоставления не называется, но легко может быть восстановлено исходя из знания о свойствах, обозначенных в паремии реалий:

Надсаженный конь, надломленный лук, да замиренный друг;

Нет такого дружка, как родная матушка.

Как уже говорилось, пословицы характеризуются двуплановостью, поэтому большинство пословиц метафоричны. В метафорических пословицах значение осложняется дополнительными коннотативными значениями:

Дружный табун волков не боится;

Без друга на сердце вьюга.

Абстрактные понятия переосмысляются и наделяются человеческими качествами или характеризуется как активная субстанция:

Нужда дружит и собаку с кошкой.

Среди паремий можно выделить аллегорические метафорические пословицы, буквальное содержание и образное соотносятся в них как частное и общее. Так общее значение «для друга ничего не жалко», заключенное в пословице *Для друга — все не туго*. Может иметь следующие частные реализации:

Для милого друга — и коней из плуга;

Для хорошего друга не жаль ни хлеба, ни досуга;

Ради милого дружка, сережку из ушка.

Здесь нет соотнесения разных сущностей, как в обычной метафоре. Все эти пословицы описывают разные варианты по сути одного и того же явления, одной и той же ситуации. Характер отношений между обобщенной ситуацией и частными случаями ее проявления можно описать как родо-видовые.

Часть пословиц содержат в своей структуре метафору-сравнение:

Друг — ценный клад, недругу никто не рад.

В некоторых случаях используется метонимия:

Был бы дружок, найдется и часок.

Национальная специфика пословиц проявляется в используемых образах. В качестве образов в метафорических и сравнительных конструкциях часто используются образы животных и птиц, мир человека сравнивается с животным миром:

Коня в рати узнаешь, а друга в беде;

Птицы сильны крыльями, а люди — дружбой;

Гусь свинье не товарищ;

Свинье приятель угол (она с ним чешется).

Вторыми по частотности являются образы, представленные предме-

тами и реалиями, окружающими человека в быту:

Соха —не плуг, приятель — не друг;

Крепкую дружбу и топором не разрубишь;

Скатерть со стола — друзья со двора.

В качестве образов в паремиях довольно часто используются различные природные реалии и атмосферные явления:

Вешний лед обманчив, а новый друг ненадежен;

Ветер рушит горы, а слово — дружбу.

Немногочисленную группу составляют пословицы, в которых используются образы растений:

Человек без друзей, что дерево без корней.

В основе сопоставлений лежит практический человеческий опыт, выводы связаны с наблюдением за тем, что происходит в окружающем человека мире, какие взаимосвязи существуют. Специфический отбор образов, представленных в пословицах, отражает логику отношений между объектами в представлении носителей русского языка.

Характерной особенностью русских пословиц о дружбе является эмотивный компонент, который часто присутствует в паремиях:

Без друга жить — самому себе постылым быть;

Доброе братство милее богатства;

Без друга на сердце вьюга;

Друг имеется — так и сердце греется.

В небольшом количестве паремий о дружбе присутствуют имена собственные:

Без Ивашки не выпьешь бражки;

Друг на дружку, а все на Петрушку;

Был Филя в силе — все другие к нему валили, а пришла беда — все прочь со двора.

Как мы видим, в паремиях отражаются особенности этнического мировидения и проявляются этнические стереотипы поведения. В пословицах и поговорках суммирован многовековой опыт коллектива, который проявляется в оценке определенных ситуаций и побуждении к определенным действиям.

Для русского пословичного концепта *дружба* определяющими являются следующие черты: дружба — важный тип социальных взаимоотношений, дружеские отношения воспринимаются как более важные, чем родственные или любовные отношения, потому что они являются залогом прочности всего коллектива. Для дружбы характерна взаимовыручка, преданность и честность.

Определенный способ постижения мира и результаты этого постижения находят отражение в образах и представлениях, заключенных в паремиях. Абстрактный концепт дружба становится культурно окрашенным. В паремиях сформулированы морально-этическое отношение членов социума к дружбе, показаны нравственные нормы и стереотипы поведения.

Способ репрезентации знаний соответствует условиям жизни социума, в нем видна материальная культура народа. В пословицах закреплено знание о мире, которым обладал крестьянин, бытовые и географические реалии русской жизни. Следует сказать, что в пословичном фонде за-

метен менталитет народа, точнее, определенной социальной группы или групп, большинство русских паремий отражают восприятие мира крестьянами, так как крестьянство было самой многочисленной социальной группой. Однако в русских паремиях представлен взгляд на дружбу и других слоев населения: *Верный друг лучше сотни слуг*.

Пословицы существуют в языке в течение нескольких столетий, большинство из них не утратили своей актуальности и в настоящее время. Однако следует учитывать, что наряду с вневременными взглядами, они могут отражать и архаичные представления.

Пословичная картина мира является фрагментом языковой картины мира, поэтому анализ паремий позволяет реконструировать определенный участок русской языковой системы. В паремиях культурное, когнитивное и социальное находятся во взаимодействии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иная ментальность / В.И. Карасик и др. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
2. *Кубрякова, Е.С.* Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. С. 90–93.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд. М.: Русский язык, 1991–1993.
4. *Карасик, В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
5. *Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 75–81.
6. *Вежбицкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
7. *Пермяков, Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд. М.: Русский язык, 1991–1993.
9. *Зимин, В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-Пресс, 2012. 729 с.
10. Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980.
11. *Савенкова, Л.Б.* Отрицательное сравнение в структуре русских паремий // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. Филологические науки. Лингвистика. Вып. 2 (40). Казань, 2015. С. 101–104.

REFERENCES

1. *Inaja mentalnost,* V.I. Karasik i dr. Moscow, Gnozis, 2005, 352 p.
2. Kubrjakova E.S. Koncept, *Kratkij slovar kognitivnyh terminov*, Moscow, MGU, 1996, pp. 90–93. (in Russian)
3. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*: v 20 t. 2-e izd. Moscow, Russkij jazyk, 1991–1993. (in Russian)

4. Karasik V.I. “Kulturnye dominanty v jazyke”, in: *Jazykovaja licnost: kulturnye koncepty*. Volgograd, Arhangelsk, Peremena, 1996, pp. 3–16. (in Russian)
5. Karasik V.I., Slyskin G.G. “Lingvokulturnyj koncept kak edinica issledovanija”, in: *Metodologiceskie problemy kognitivnoj lingvistiki*, pod red. I.A. Sternina. Voronez, Voronezskij gos. un-t, 2001, pp. 75–81. (in Russian)
6. Vezbickaja A. *Ponimanie kultur cerez posredstvo kljucevyh slov*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury, 2001, 288 p. (in Russian)
7. Permjakov G.L. *Osnovy strukturnoj paremiologii.* Moscow, Nauka, 1988, 236 p. (in Russian)
8. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*: v 20 t. 2-e izd. Moscow, Russkij jazyk, 1991–1993. (in Russian)
9. Zimin V.I. *Slovar-tezaurus russkih poslovic, pogovorok i metkih vyrazenij*. Moscow, AST-Press, 2012, 729 p. (in Russian)
10. *Russkaja grammatika.* T. II. Moscow, Nauka, 1980. (in Russian)
11. Savenkova L.B. „Otricatelnoe sravnenie v strukture russkih paremij“, in: *Filologija i kultura. Philology and Culture,* 2015, Filologiceskie nauki, Lingvistika. Vyp. 2 (40). Kazan, 2015, pp. 101–104. (in Russian)

Али Нажва Фуад (Ирак), доктор филологии, Багдадский университет, alinajwa@gmail.com
Ali Najwa Fouad, PhD in Philology, University of Baghdad, alinajwa@gmail.com

УДК 81'373.613; 811.161.1; 811.162.1
ББК 81.411.2
DOI: 10.31862/2073-9613-2019-4-407-417

ПОЛОНИЗМЫ В РОМАНЕ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА «ВНУЧКА ПАНЦИРНОГО БОЯРИНА»

Н.А. Николина, А.А. Уразбекова

Аннотация. *В статье анализируются полонизмы, употребленные в романе И.И. Лажечникова «Внучка панцирного боярина», рассматриваются изменения их лексического значения и способы ввода в текст: без толкования, с неполным (частичным) объяснением, с привидением русского эквивалента в узком или более широком контексте; автор прибегает как к развернутым вкраплениям из польского языка, так и к одиночным включениям. Заимствования из польского языка служат национальной маркировкой героев и зачастую используются писателями в романах, описывающих запутанные отношения нашей страны и Польши в разные временные отрезки. Русский язык в меньшей степени заимствует непосредственно полонизмы, чаще через польский в русский язык приходят лексемы третьих европейских языков. Полонизмы в романе выполняют характерологическую и оценочную функции: они описывают исторический колорит, демонстрируют многообразие языковой игры, позволяют давать эстетико-идеологическую оценку героям и событиям, выступают в роли закодированных элементов. Среди заимствований из польского языка присутствует как апеллятивная, так и ономастическая, прецедентная лексика.*

Ключевые слова: *полонизм, заимствование, иноязычные слова, польский язык, русский язык, языковые контакты, И.И. Лажечников.*

POLONISMS IN I.I. LAZHECHNIKOV`S NOVEL "GRANDDAUGHTER OF AN ARMORED BOYAR"

N.A. Nikolina, A.A. Urazbekova

Abstract. *The article analyzes polonisms used in the I.I. Lazhechnikov`s novel "Granddaughter of an armored boyar", it considers changes in polonisms` lexical meaning and the ways they enter into the text: without interpretation, with incomplete (partial) explanation, with Russian equivalent in a narrow or*

© Николина Н.А., Уразбекова А.А., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

wider context; the author uses both expanded inclusions from Polish language and single inclusions. Borrowings from Polish language serve as national marking of heroes and they are often used by writers in novels describing the complicated relations of our country and Poland in different time periods. Russian language in a lesser extent borrows polonisms, more often through Polish to Russian language come lexemes from the third European languages. In the novel polonisms perform character and evaluative functions: they describe the historical colouring, demonstrate the diversity of language game, allow to give an aesthetic and ideological assessment of characters and events, act as coded elements. Among the borrowings from Polish language there are both appellative and onomastic, precedent vocabulary.

Keywords: *polonism, borrowing, foreign words, Polish language, Russian language, language contacts, I.I. Lazhechnikov.*

Иван Иванович Лажечников по праву считается, наряду с М.Н. Загоскиным и Н.А. Полевым, одним из основоположников русского исторического романа. Его творчество было уже широко известно при жизни, а романы выдерживали много изданий. Самым известным его произведением, безусловно, является роман «Ледяной дом», а «Внучку панцирного боярина» русский литературный критик С.А. Венгеров назвал lapsus calami автора, который есть у каждого писателя: «Простим же и Лажечникову его “Внучку панцирного боярина”, писанную притом, однако же, в простоте душевной. В середине шестидесятых годов, под влиянием только что кончившегося польского восстания, почти во всем русском обществе господствовала узкая ненависть к полякам. Лажечников поддался ей, следовательно, забыл обязанность писателя стать выше предрассудков и слепых страстей — в этом его вина», — отмечает С.А. Венгеров [1, с. 103].

Полонизмы и их бессознательное порой употребление в текстах наиболее характерны для русских писателей — выходцев из так называемых «Кресов». Тем интереснее исследовать употребления заимствований из польского языка в романах уроженца Центральной России И.И. Лажечникова (и других писателей, не связанных по происхождению с юго-западными границами Российской империи, например, Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым, А.П. Чеховым и др.).

В своем последнем романе Лажечников обратился к теме польского восстания 1863 года, причем с официально-охранительных позиций. В системе персонажей противопоставлены друг другу русские патриоты и польские мятежники, действия которых оцениваются автором резко отрицательно. В романе «Внучка панцирного боярина», соответственно, широко представлены заимствования из польского языка, которые далеко не всегда легко вычленяются в тексте.

И.И. Огиенко писал: «Что же касается словъ, заимствованныхъ въ новое время, то ихъ иностранное происхожденіе обыкновенно чувству-

ется легко» [2, с. 11], однако данное утверждение не может быть применено к полонизмам, так как их славянское происхождение легко может сбить с толку специалиста широкого профиля, проверить происхождение слов можно только по этимологическим словарям или отдельным работам ученых-славистов[1].

Ряд лексем, употребленных в романе, функционирует как в русском, польском языках, так и в иных славянских, ср.: *быдло, вельможа, воевода, гроб, дуб, копье, купа, палить, постромка, ратуша, сермяга, чадо*. Одни лексические единицы были заимствованы непосредственно из польского языка, например, *довудца, пенензы, злоты, сейм, опека, отчизна, крик, кельнер, коханы, мувить,* а для других польский выступил в качестве языка-посредника, ср.: *привилегия, религия, почтмейстер, колония, гвалт, прелиминарный, кунтуш, гимн*. Ср. мнение на этот счет В.М. Тамань: «Русская лингвистическая наука прошлых лет изучение полонизмов также неразрывно связывает с общей проблемой заимствований из западноевропейских языков, т.к. усматривает основное значение Польши в том, что она была посредницей между Россией и Западом…» [3, с. 6].

Отнесение лексем к полонизмам проверялось по этимологическому словарю М.Фасмера [5]. Тем не менее отмечается и целый ряд лексем, польское происхождение которых фиксирует только В. Витковский в «Новом словаре заимствований из польского языка в русский» [6]: *булла, вакационный, горелка, горший, интеллигенция, катехизис, медиатор, мешкать, молитвенник, мудрый, национальность, номинация, офицер, пароксизм, справа, тайный, треба, фанаберия, фольварк, хроника, чемарка, шафранный*. См. примеры контекстного употребления данной группы слов:

Мы уже узнали, из рассказа Раневва Сурмину, неосторожный отзыв его о польской национальности в Белорусском крае, и как этот отзыв нагнал черную тучу на мирные, дружеские отношения, доселе никогда с обеих сторон ненарушаемые [1, с. 384].

Наша интеллигенция занимает все надежные посты, из-за которых бросает свои разрушительные снаряды [1 с. 400].

Письмо начиналось уверениями в горячей преданности польской справе и в дружбе к лицу, к которому было адресовано [1, с. 628].

Кроме того, среди используемых в тексте романа полонизмов встречаются и такие, которые словари М. Фасмера и В. Витковского не отмечают, однако их этимология фиксируется в работе Г.А. Крылова [7], например, лексема *куль*. Ср.:

Старик, который еще не так давно таскал со своими работника-

[1] Ср. мнение на этот счет В.М. Тамань и Г.П. Нещименко: «При изучении польско-русских языковых связей приходится учитывать всю сложность взаимодействия культур и языков славянских народов, поскольку заимствования в родственных языках мало заметны, их трудно выявить, чужие слова приспособляются к произносительным и грамматическим нормам заимствующего языка» [3, с. 7]; «Заимствования из близкородственных языков более органично входят в структуру принимающего языка, они как бы «растворяются» в нем, получая порой новое мотивационное «прочтение», с опорой на новые, благоприобретенные словопроизводственные взаимосвязи» [4, с. 122].

ми кули муки в амбар, едва держал дрожащими руками чашку чаю [1, с. 586].

Польские элементы в романе широко представлены прежде всего именами собственными, в первую очередь антропонимиконом. Это традиционные фамилии на -cki, -dzki, -ski, -owicz: *Стабровский, Жвирждовский, Пржшедиловский, Мерославский, Чарторижский, Замойский, Сераковский, Поддубравский, Дембинский, Машевский, Бршеп-ршедецкий, Людвикович, Суздилович* (это как реальные фамилии исторических деятелей, так и вымышленные) имена: *Владислав, Казимир, Едвига, Елизбета*; сакральные имена: *Пан Иезус, Матка Божья*. Ср.:

Один из так называемых графских номеров занимал Владислав Стабровский, хотя был в незначительном чине [1, с. 382].

Пили дружно за свободу отчизны, великих союзников, за Чарторижского, Мерославского, Сераковского, воеводу могилевского, хозяина, отсутствующих пулковников, был тост в честь польского знамени, водруженного на правом берегу Волги [1, с. 412].

– Клянитесь Паном Иезусом и Маткой Божьей на рукояти кинжала, расположенной крестом [1, с. 398].

Самыми распространенными по использованию в тексте романа после антропонимов являются топонимы, ассоциирующиеся с Польшей. Это *Царство Польское, Королевство Польское, Польское Королевство, Польша*; название региона — *Западный край*; астионимы — *Варшава, Плоцк, Опатов*; гидронимы — *Висла*; см., например:

Между словесными объяснениями он оттушевывал на карте карандашом своевольные границы Польши и таким образом несколькими штрихами графита завоевывал для нее у России не только Царство Польское, но и все губернии, отошедшие к нам с 1772 года [1, с. 458].

Польский колорит в романе связан также с функционированием обращений. Традиционным в русской художественной литературе показателем польского происхождения персонажа является употребляемые по отношению к нему обращения «пан», «пани», «панна», которые привлекают внимание к определенному социальному статусу адресата, а также передают вежливое обращение на «вы»: *панове, паненька Елизбета, панна Шустерваген, панна N. N., паны добродзеи*. Данное обращение нередко употребляется с отсылкой к занимаемой должности: *пан ксендз, пан эконом, пан воевода, пан полковник, пан круль*. В тексте романа встречается и традиционная для польского языка форма вокатива *пане*. Например:

Крепко прижимаю тебя к сердцу, пане пулковник, благословение мое над тобою, милый сынку [1, с. 387].

Давно уже приготовляли взрыв ксендзы своими проповедями, пани и паненки чарами своей красоты, магнаты своим золотом, зависть иностранных держав к возрастающей силе России [1, с. 448].

В тексте романа отражены и другие особенности польского этикета, например, использование формулы *całuję rączki*, которое выступало как традиционное окончание письма от

мужчины к женщине. И.И. Лажечников отражает эту традицию в тексте романа[2], см., например:

Целую заочно тысячу раз твои ручки и ножки, пока не перецелую их в яве [1, с. 630].

В тексте наблюдается употребление лексемы «*пан*» не только как обращение, но и в значении «*господин, барин*». См.:

– *Добрже, пане, и без вас знаем, — отвечал с сердцем слуга* [1, с. 394].

– *Остается нам узнать от вас, панове, — спросил Жвирждовский, — какие обязательства вы на себя принимаете?* [1, с. 409].

– *Добрже, пан* [1, с. 409].

Интересно мнение Н.Б. Мечковской, которая считает, что «любые похожие два слова разных языков при ближайшем рассмотрении оказываются нетождественными и по объему значений, и по месту в своей лексической подсистеме» [8, с. 51] Так, если в польском языке *pan,* скорее, относится к мелиоративам [9], то в русском — к пейоративам. Ср.: «Панами на Русском Севере называли те шайки, которые в Смутное время огнем и мечом прошли по тамошним местам» [10, с. 267]. Н.В. Габдреева также разделяет эту точку зрения и полагает, что «в силу различной подвижности языков, т.е. изменений в лексических значениях, корреляции на определенном этапе становятся асимметричными: компоненты лексического значения совпадают лишь сегментарно (семы утрачиваются или возникают новые, развиваются переносные значения, происходят различные модификации)» [11, с. 38].

Это в полной мере относится к также встречающемуся в романе слову «гонор», значение которого при заимствовании из польского языка была изначально неверно истолковано. Эта лексема в русском языке имеет ярко выраженные негативные коннотации, которые проистекают, по мнению С.М. Толстой [12], из полного непонимания русскими поступков поляков, предпринятыми из чести (гонора). Ср.:

Но гонор их еще не угас, в сундуках у некоторых хранятся еще панцири [1, с. 372].

В этом я ручаюсь вам гонором своим и головой [1, с. 408].

Одним из латентных признаков полонизма «может служить семантическая атрибуция, или принадлежность, слова к той или иной тематической группе, исторически сложившейся с участием того или иного языка» [11, с. 18]. В отношении заимствований из польского языка такой группой в романе можно считать сферу «Военное дело», наиболее широко представленную в романе следующими лексемами: *гвардия, гусар, довудца, жолнер, жонд, кавалер, латы, медиатор, офицер, палаш, панцирь, поручик, пулковник, пуля*[3]*, ротмистр, рыцарь, сабля, улан*. Ср.:

Позднее панцирные бояре составляли почетную стражу польских крулей, когда они выезжали на границы своих коронных земель. Встретить и проводить неяснейшего, вот в чем состояла вся их служ-

[2] Ср. мнение на этот счет Г.П. Нещименко: «Именно заимствования делают возможным аутентичное воспроизведение иного, не характерного для данного социума образа жизни с присущими ему специфическими реалиями» [Нещименко, 2002:122].

[3] Подробнее об истории этого слова см. [13].

ба — не тяжелая и не опасная. … Некоторые панцирные бояре получали в награду и шляхетство [1, с. 371].

Брат твой, бывший прапорщик в русской службе, утек из полка, и уж пулковник жонда [1, с. 387].

Воображаю, как он хорош бы был на коне, с палашом в руке, впереди эскадрона латников, когда они несутся на неприятеля, когда от топота лошадей ходит земля и стонет воздух от звука оружий [1, с. 436].

Другая группа заимствований, регулярно используемых в романе, — конфессиональная лексика:

В таком бедственно положении она решилась было утопиться, но ее избавил от купанья и его горших последствий пан эконом господского фольварка, жадно заглядывавшийся на нее в приходском костеле, как на будущую лакомую добычу [1, с. 380].

Воспитанная и опекаемая ксендзами, она не любила ничего, что носило имя русское; но как родственник этот был превосходительный, то следуя правилам тайного польского катехизиса… [1, с. 383].

– Аmen, братья во Христе и святейшем отце нашем, папе, — послышался медоточивый голос ксендза Б. [1, с. 397].

– Да воссядет на бискупскую кафедру в польском крулевстве! [1, с. 406].

– Я также собираю здесь офяры и обязан доставлять вам их лично, как мы условились, — отозвался другой [1, с. 409].

Функции полонизмов, используемых в романе, разнообразны. «“Вплетенные” в ткань литературного произведения полонизмы… выполняют одновременно ряд художественных функций: информативную, экспрессивную, стилистическую. Воссоздавая определенный локальный колорит, “пространственно” и “хронологически” маркируя сообщаемое, характеризуя речь тех или иных персонажей, придавая ей не только достоверность, но и выразительность, эти иноязычные элементы одновременно являются компонентом языковой материи произведения и тем самым составной частью его поэтики» [14, с. 15].

При вводе полонизмов в текст И.И. Лажечников в отличие от других авторов не использовал описательного перевода или включения заимствований из польского языка в русский синонимический ряд, однако широко использовал инкрустации. Языковая эрудиция автора позволяла ему использовать лексемы в графической системе оригинала. См.:

И в этот день читал он молитвы по засаленному молитвеннику: «Krótkie zebranie różnego nabożeństwa». По временам слышалось за перегородкой: «Boże, bądź miłościw mnie grzesznemu człowiekowi» [1, с. 390].

Сверху была надпись: «Za niepodległość ojczyzny», а над ней Пресвятая Дева в сопровождении папы, благословляющие коленопреклоненных перед ними воинов в старопольском вооружении [1, с. 413].

Данные вкрапления ни в коем случае не обусловлены лакунарностью обозначаемых ими понятий или компонентов значения, у автора была возможность подобрать полноценный русский эквивалент, но он предполагал образованность своего читателя и не давал переводов на русский язык

или пояснений польских фраз. Кавычками или курсивом, нередко являющимися сигналом чужеродности языкового элемента при первом его употреблении в тексте, писатель также не пользовался.

Полонизмы в романе служат средством маркированности польского происхождения части персонажей, они одновременно выполняют важную для автора эстетико-идеологическую функцию, передают локальный колорит; ср. отсылки к ряду польских идеонимов:

– *Соединимся же братски в патриотическом национальном гимне: «Боже цось Польске*[4]*!» — воскликнул с одушевлением Жвирждовский* [1, с. 399].

Воины за свободу, имя и честь нашей отчизны стекаются со всех сторон под крылья белого орла[5] [1, с. 386].

…задумала чрез его покровительство со временем доставить сыну место, где он мог быть полезен польской справе[6] [1, с. 383].

Как мы помним, польский вопрос был чрезвычайно актуален в России в момент написания романа, о нем говорила вся интеллигенция страны. Поэтому помимо описываемых выше прецедентных понятий писатель успешно вводит в текст широко известные в Российской империи имена реальных исторических личностей польского происхождения. См.:

Так изволите видеть, она всякой неправдой забирала чужие земли, а на поляках хотела отмстить за то, что они были некогда господами русского государства, да и в цари был выбран самими русскими польский королевич Владислав[7] [1, с. 459].

Этот вестник был капитан генерального штаба Людвиг Жвирждовский[8] [1, с. 385].

– *Наш главный вождь, Мерославский*[9]*, хотя и не такой великий гений, но умный, храбрый воин, испытанный стратегик* [1, с. 401].

Оружие доставляют нам Чарторижские[10] *и Замойские: монастыри мужские и женские будут тайными складами этого оружия; от польских комитетов в Париже и Лондоне получаем деньги* [1, с. 403].

Отряды Сераковского[11] *со всех сторон подступают и берут Вильно* [1, с. 407].

Правда, польский генерал Дембинский[12]*, увидев нас в этом положении, очень сердился на отрядного*

[4] Речь идет о польской католической религиозной песни Boże, coś Polskę…, которая в 1918 году после получения Польшей независимости претендовала на роль государственного гимна страны.

[5] На гербе Польши изображен белый орел в золотой короне с золотыми когтями и клювом.

[6] Речь о борьбе поляков за независимость.

[7] Речь о Владиславе IV Вазе, короле польском и великом князе литовском.

[8] Речь о реальном участнике Польского восстания под псевдонимом «Топоръ», который в 1864 году как политический преступник по суду был лишен прав состояния; имущество конфисковано в казну.

[9] Речь о Людвике Мерославском, польском революционере и военачальнике, участнике Восстания 1863 года.

[10] Речь о княжеском роде Чарторыйских, которые боролись за независимость Польши, но занимали высокие посты в государственной и политической жизни Российской империи.

[11] Речь о капитане русского Генерального штаба Сигизмунде Игнатьевиче Сераковском, участнике восстания 1863–1864 годов.

[12] Речь о Генрихе Дембинском, одном из предводителей польского восстания 1830 года.

начальника, выдал ему деньги и велел нас одеть и накормить получше [1, с. 495].

Не с бродячими шайками повстанцев имели тогда дело русские, не с какими-нибудь Мерославскими, Жвирждовскими и Машевскими[12]*!* [1, с. 595].

Неправильная, часто с ошибками макароническая речь помогает писателю сделать акцент на польском происхождении персонажа. Отдельные заимствованные слова вплетены в высказывание, помогая читателю «услышать» польский акцент. См.:

– А як я добродзея спокоила и жаловала, и як он негжечно отплатил мне за то вшистко, Пан Буг с ним! [1. с. 381].

Пониманию текста способствует употребление составных конструкций, в которых польская часть органично переплетается с понятной читателю русской частью. См.:

– Сами не спали, да и мне не дали порядком отдохнуть, после того охфицера, чтоб ему диаблы на дроги. Ходит украдкой по ночам, як злодей [1, с. 389].

В тексте романа представлены и отдельные морфологические формы и синтаксические конструкции, соотносящиеся с польским языком: до (польск. do) + род. п.:

– Это до меня не касается, вероятно, брата моего; где он, что с ним, вы, должно быть, лучше меня знаете. Это может касаться до многих поляков, поднявших оружие против России [1, с. 445].

Оригинального текста на польском языке в романе нет, но это не мешает автору постоянно подчеркивать то, что герои «говорят на польском». При этом прямая речь обычно приводится без иноязычных вкраплений, экзотизмов, регионализмов и проч. Подобного рода авторские ремарки выполняют функцию придания повествованию локального колорита. Ср.:

Чтобы избавить читателя от затруднения разбирать письма и разговоры на польском языке, буду передавать их в русском переводе [1, с. 386].

– Кто едет? — закричал по-польски громовый голос [1, с. 609].

– Господа, — сказал Левенмауль по-польски, высунув голову из окна, — пощадите больного, умирающего [1, с. 609].

Полонизмы позволяют читателю ощутить подлинность описываемых событий и героев.

Характерологической функцией не ограничивается использование полонизмов в романе. Они нередко включаются в иронический контекст, при этом И.И. Лажечников на страницах своего романа вступает с читателем в своеобразную языковую игру. На первый взгляд, может показаться, что в текст закрались некоторые досадные неточности, но если учитывать общественный и исторический контекст создания произведения, то его текст воспринимается совсем с другой стороны. Рассмотрим, например, отсылку к первой строчке «Мазурки Домбровского» — гимна Польши «Jeszcze Polska nie zginęła…». Слова героини в связи с ней приведены в искаженном виде: строка «Польша еще не погибла» передается как «Польша еще не сгни-

[13] Речь о штабс-капитане армии Российской империи Владиславе-Михаиле Рамуальдовиче Машевском, участнике польского восстания 1863–1864 гг.

ла». Это не столько намеренная ошибка автора, сколько отражение его отношения к замыслу Едвиги Стабровской:

– *Любезный сын! Хвала Пану Иезусу, Польша еще не сгнила!* [1, с. 386].

Вызывает интерес и употребление выражения «коронные земли». Логично было бы предположить, что земли польской короны могут быть названы «коронными землями», но в русском языке «коронными землями», или «коронными владениями», традиционно назывались расположенные в Западной Европе островные владения британской короны, которые формально не входят в состав Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, но и не являются при этом его заморскими территориями. Возможно, в этом случае писатель косвенно намекает на имперские амбиции поляков. См.:

Позднее панцирные бояре составляли почетную стражу польских крулей, когда они выезжали на границы своих коронных земель [1, с. 371].

Самыми интересными гипокористиками, для которых в тексте отсутствуют производящие существительные, являются формы транскрибированного польского слова *najjaśniejszy*, которое является предписанным этикетом способом титулования правителя (nakazany etykietą sposób tytułowania władcy) [Słownik języka polskiego PWN]. И если в отдельных случаях И.И. Лажечников употребляет полонизм правильно (см., например,

Гордый, не зная почему, своим панцирным боярством и разве тем, что предок его держал стремя у одного из польских королей и удостоился приветливых слов наияснейшего, он стремился дорыться, во что бы то ни стало, в архивных мусорах до утраченной дворянской короны [1, с. 499]).

то в тексте встречаются и контексты, в которых автор намеренно искажает форму заимствования таким образом, чтобы его смысл изменился на противоположный, отражая тем самым отношение писателя к польскому вопросу. См.:

Встретить и проводить неяснейшего, вот в чем состояла вся их служба — не тяжелая и не опасная [1, с. 371].

Введенные в текст полонизмы, с одной стороны, являются зеркалом национальной культуры поляков, позволяют читателю приблизиться к пониманию их культуры и быта, с другой стороны, выражают оценки автора. Таким образом, в романе «Внучка панцирного боярина» совмещаются характерологическая, экспрессивная и оценочная функции полонизмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лажечников, И.И.* Внучка панцирного боярина // Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 1, М.: Можайск-Терра, 1994. С. 351–667.
2. *Огиенко, И.И.* Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский литературный язык. Киев: тип. В.П. Бондаренко и П.Ф. Гнездовского, 1915. 136 с.

3. *Тамань, В.М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. 202 с..
4. *Нещименко, Г.П.* Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 121–151.
5. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.
6. *Witkowski, W.* Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim, Kraków: Universitas, 2006, 253 p.
7. *Крылов, Г.А.* Этимологический словарь русского языка. СПб: Виктория плюс, 2017. 432 с.
8. *Мечковская, Н.Б.* Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
9. Słownik języka polskiego PWN. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015. 1360 s.
10. *Смирнов, Ю.И.* Польская тема в русском фольклоре // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 262–279.
11. *Габдреева, Н.В., Агеева, А.В., Тимиргалеева, А.Р.* Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография. М.: ФЛИНТА, 2014. 328 с.
12. *Толстая, С.М.* Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR // Etnolingwistyka. 2013. № 25. С. 9–21.
13. *Золтан, А.* К истории слова пуля в русском языке. // Studia russica. Будапешт. 1979. № II. С. 20–30.
14. *Ананьева, Н.Е.* О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В.Г. Короленко). // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 13–26.

REFERENCES

1. Ananeva N.E. O polskom yazyke v proizvedeniyakh russkoi literatury XIX veka (na primere tvorchestva V.G. Korolenko), *Slavyanskii vestnik*, Vol. 2. Moscow, MAKS Press, 2004, pp. 13–26. (in Russian)
2. Gabdreeva N.V., Ageeva A.V., Timirgaleeva, A.R. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda: monografiya.* Moscow, FLINTA, 2014, 328 p. (in Russian)
3. Krylov G.A. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka.* Saint Petersburg: Viktoriya plyus, 2017, 432 p. (in Russian)
4. Lazhechnikov I.I. “Vnuchka pantsirnogo boyarina”, *Sobranie sochinenii. V 6 tomakh. Vol. 1.* Moscow, Mozhaisk-Terra, 1994, pp. 351–667. (in Russian)
5. Mechkovskaya N.B. *Sotsialnaya lingvistika*. Moscow, Aspekt Press, 2000, 207 p. (in Russian)
6. Neshchimenko G.P. Zaimstvovaniya kak proyavlenie kulturno-yazykovykh kontaktov i ikh funktsionirovanie v yazyke-retsipiente. *Vstrechi etnicheskikh kultur v zerkale yazyka: (v sopostavitelnom lingvokulturnom aspekte)*. Moscow, Nauka, 2002, pp. 121–151. (in Russian)
7. Ogienko I.I. *Inozemnye elementy v russkom yazyke. Istoriya proniknoveniya zaimstvovannykh slov v russkii literaturnyi yazyk.* Kievm tipografiya V.P. Bondarenko i P.F. Gnezdovskogo, 1915, 136 p. (in Russian)
8. *Słownik języka polskiego PWN*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015, 1360 p. (in Polish)
9. Smirnov Yu.I. “Polskaya tema v russkom folklore”, in: *Vstrechi etnicheskikh kultur v zerkale yazyka: (v sopostavitelnom lingvokulturnom aspekte)”.* Moscow, Nauka, 2002, pp. 262–279. (in Russian)

10. Taman V.M. K voprosu o polskom vliyanii na literaturnyi yazyk Moskovskoi Rusi, in: *Nachalnyi etap formirovaniya russkogo natsionalnogo yazy*ka. Leningrad, 1961, 202 p. (in Russian)
11. Tolstaya S.M. Russkaya CHEST i polskii HONOR, *Etnolingwistyka*, 2013, No. 25, pp. 9–21. (in Russian)
12. Vasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: in 4 Vol.* Moscow, Progress, 1986–1987. (in Russian)
13. Witkowski W. *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków, Universitas, 2006, 253 p. (in Russian)
14. Zoltan A. K istorii slova pulya v russkom yazyke, *Studia russica*, Budapest, 1979, No. II, pp. 20–30. (in Russian)

Николина Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, ruskafedra314@gmail.com

Nikolina N.A., PhD in Philology, Professor, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, ruskafedra314@gmail.com

Уразбекова Алина Айжарыковна, ведущий специалист-эксперт, Российский центр науки и культуры в Будапеште, Венгрия, alina.urazbekova@yandex.ru

Urazbekova A.A., Chief Expert, Russian Centre for Science and Culture, Budapest, Hungary, alina.urazbekova@yandex.ru

УДК 372.881.161.1
ББК 74.40

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЛОКАТИВНЫЕ НАРЕЧИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: лингводидактический аспект. СТАТЬЯ II: *там, туда, сюда, отсюда, оттуда, досюда, дотуда*

Н.С. Маркова

Аннотация. *Статья посвящена функционально-коммуникативному анализу дейктических локативных наречий* ***там, туда, сюда, отсюда, оттуда, досюда, дотуда*** *в русском языке. Изучение данных единиц производится в лингводидактическом аспекте, а именно: у всех наречий выделяются их лексико-семантические варианты, которые анализируются с точки зрения частотности, глагольных коллокаций, языковых механизмов вхождения в структуру предложения, коммуникативных ролей. Описание данных единиц производится в лингводидактическом аспекте. Приведенные в статье выводы позволяют дифференцировать семантику и функционирование дейктических локативных наречий и использовать полученные данные в практике преподавания русского языка как иностранного.*

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, дейктические локативные наречия, функционально-коммуникативный анализ, лингводидактика.*

DEICTIC LOCATIVE ADVERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: Linguodidactic Aspect. ARTICLE II: *там, туда, сюда, отсюда, оттуда, досюда, дотуда*

N.S. Markova

Abstract. *The article deals with the functional-communicative analysis of deictic locative adverbs там, туда, сюда, отсюда, оттуда, досюда, дотуда in the Russian language. The study of these units is done in the lingua-didactic aspect, namely, the lexical and semantic variants of all adverbs are distinguished and then analyzed from the point of view of frequency, verbal colloca-*

© Маркова Н.С., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

tions, linguistic mechanisms of entering the sentence structure, communicative roles. The description of these units is made in the lingua-didactic aspect. The conclusions given in the article make it possible to differentiate the semantics and functioning of deictic locative adverbs and use the data obtained in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: *Russian as a foreign language, deictic locative adverbs, functional-communicative analysis, lingua-didactic.*

Любое высказывание так или иначе соотносится с внеязыковой действительностью, в которой оно порождается. Эта соотнесенность может осуществляться путем описания объекта или указания на него посредством жеста или единицы языка. Указание «как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» есть дейксис [1, с. 128–129]. Традиционно принято его разделять на собственно дейксис (прямой, первичный) и анафору (вторичный, нарративный) [2, с. 274–275]. Человек не может мыслить себя вне пространства. Его освоение каждый начинает с себя. В связи с этим возникает эгоцентричность пространства в сознании человека. Дейктические локативные единицы отражают систему основных пространственных понятий. Семантическая составляющая этих слов обнаруживает ряд универсальных черт и уникальных особенностей, свойственных каждому естественному языку.

В данной статье представлен опыт описания русских дейктических пространственных наречий в рамках функционально-коммуникативной грамматики. Исследуемые единицы[1] можно представить в виде следующей схемы (см. схему 1):

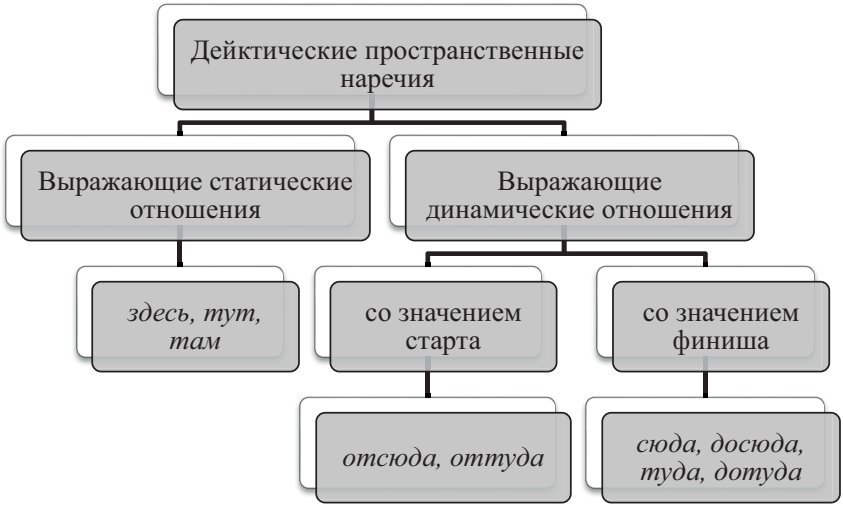

Схема 1. Дейктические пространственные наречия в русском языке

[1] В данной статье рассматриваются единицы кодифицированного литературного языка.

О данных наречиях писали в своих работах Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, М.Г. Безяева, Е.А. Гришина, М.С. Зарифян, Е.О. Косарева, Е.В. Падучева, Ф.И. Панков и многие другие. В практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) одним из ведущих подходов к описанию языковых единиц является функционально-коммуникативный. Он связывает систему языка и систему речи, имеет непосредственный выход в процесс коммуникации. Задача этого подхода — описать закономерность и правила функционирования грамматических единиц в речи, показать в совокупности и взаимосвязи различные грамматические и языковые средства, участвующие в выражении одного определенного смысла [3, с. 8–9].

Дейктическое локативное наречие *там*

Наречие *там*[2] является полифункциональной единицей. Вслед за работами Ф.И. Панкова [4] и В.Ю. Апресян [5] мы выделяем 3 лексико-семантических варианта (ЛСВ):

1) ЛСВ $там_1$ — 'в данном месте' (локативное/пространственное значение):

(1) *Где ты живешь? — **Там**.*

2) ЛСВ $там_2$ — 'в данной ситуации' (ситуативное значение):

(2) *Какой **там** отдохнешь?! Работы невпроворот!*

3) ЛСВ $там_3$ — 'в тот момент' (темпоральное/временное значение):

(3) *Давай дождемся результатов, а **там** видно будет.*

В **пространственном значении** наречие $там_1$ может выступать в роли первичного дейктика, обозначая место, находящееся на некотором расстоянии от говорящего, занимая привербальную позицию и являясь свободной синтаксемой (4). Однако, как отмечает Е.В. Падучева, $там_1$ «в нарративе меняет значение: утрачивает семантику отдаленности и употребляется как чистый анафор» (5) [6]. $Там_1$ также используется «как соотносительное слово в главном предложении при придаточном предложении с союзным словом *где*» (6) [7]. Интересно наблюдение, высказанное в [8] о том, что $там_1$ чаще, чем *здесь/тут*, указывает на источники информационного пространства (7).

(4) *Кажется, **там** другой временной пояс? **Здесь** день, а **там** ночь?*

(5) *Лучше выращивать эти цветы в теплице. **Там** наиболее подходящие условия.*

(6) *Хорошо **там**, где нас нет.*

(7) *Включаешь телевизор, а **там** все одно и то же.*

При выражении **ситуативного** ЛСВ *там* должно иметь значение 'в той ситуации'. Однако материал НКРЯ дает лишь единичные примеры подобного употребления[3]. Таким образом, говорить о самостоятельно сформировавшемся ситуативном значении у *там* с лингводидактической точки зрения не представляется целесообразным. Но важно отметить, что, выступая в роли частицы, *там* часто наследует из основного значения компонент

[2] Наречия «здесь» и «тут» были предметом рассмотрения первой статьи.

[3] В модальных контекстах, которые дают меньше возможностей для пространственной интерпретации исследуемых единиц, из 1000 случайных сочетаний *там* с модальными словами (на расстоянии от 1 до 3) было обнаружено лишь 2 примера с ситуативным значением, 56 – с темпоральным, остальные — с локативным. В позиции после вопросительного местоимения примеры с *там* также единичны. Так, «что там скажешь» встречается в НКРЯ 1 раз.

«дальности» не столько пространственной, сколько «эмоциональной» или «ситуативной» [9, с. 527]. Ситуативный компонент значения частицы *там*$_2$ не является единственным.

Во-первых, частица *там*$_2$ может использоваться «для усиления отрицания чего-либо, возражения» (9) [7]. Во-вторых, данная единица часто выступает в роли «маркера несущественной детали» [10], где говорящий «выводит из фокуса внимания детали, которые представляются ему несущественными и которыми поэтому можно пренебречь» (10). В-третьих, как отмечает И.Б. Левонтина, *там*$_2$ может использоваться как маркер неизвестной или забытой информации. При этом «говорящий как бы удаляет от себя некоторый объект, либо дистанцируясь от него, либо убирая его из фокуса внимания» (11) [11].

(9) — *Он писатель? — Какой* ***там*** *писатель! Он ни строчки не написал!*

(10) *Давайте посидим без всяких* ***там*** *разговоров о работе и политике.*

(11) *Как* ***там*** *по-научному называются эти цветы?*

Во **временном значении** в первичном дейксисе наречие *там* должно являться антонимом *тут*, обозначая момент, далекий настоящему. Но в контекстах, где возможно *тут*, наречие *там* или имеет локативное значение (12a), или не допустимо (12b).

(12) *a. Я* ***там*** *(в Великобритании) на днях в Лондоне был.*

b. Не могу говорить. Я ??***там*** *занят.*

Во вторичном дейксисе *там* может выражать темпоральное значение 'после момента в прошлом/будущем' и обычно употребляется в составе сочетания *а там*, которое функционирует как самостоятельная единица, имеющая семантику 'потом, впоследствии'.

(13) *Расскажу!* ***А там*** *будь что будет!*

В отличие от эквивалентных темпоральных наречий, сочетание *а там*$_3$ не может выступать в роли ремы и всегда стоит в начале высказывания [8].

Дейктические пространственные наречия, выражающие динамические отношения (*сюда, отсюда, туда, оттуда, досюда, дотуда*)

В лингводидактике при описании локативных конструкций характер пространственных отношений имеет большое значение. В практике преподавания РКИ уже с начального уровня вводится понятие статических и динамических отношений при описании предложно-падежных конструкций и локативных наречий.

У наречий *сюда, досюда, отсюда, туда, дотуда, оттуда* выделяется только одно значение — локативное. Трудности возникают при описании синонимичных единиц *сюда/досюда* и *туда/дотуд*а. Эти наречия отличаются и по значению, и по частотности. Наречия *досюда* и *дотуда* используются гораздо реже, чем *сюда* и *туда*[4]; они означают движение до конкретного места/точки в пространстве (обычно в сочетании с глаголами с приставкой «до-») или указывают на дистанцию/траекторию движения.

(14) а. *При такой погоде* ***дотуда/туда*** *пешком не добраться.*

[4] В НКРЯ досюда встречается лишь 53 раза, сюда — 48883 раза. Для дотуда обнаружено лишь 18 вхождений, для туда — 52708.

b. *Дочитайте* ***досюда/*сюда***.

c. *От Москвы* ***дотуда/*туда*** *километров сто будет.*

d. Видите церковь? Идите ***туда/*дотуда****, но, не доходя до самой церкви, на светофоре поверните направо.*

Наречия *сюда/туда* также встречаются с глаголами движения или перемещения в пространстве с приставкой «до-» (14a), но они недопустимы с иными глаголами с данной приставкой (14b). *Сюда/туда* могут указывать на направление движения (14d) и употребляться в дейксисе пересказа, утрачивая значение близости/дальности и отсылая к некоему пространству, описанному ранее в тексте. Наречия *отсюда* и *оттуда* указывают на начальную точку движения, также употребляясь и в дейксисе диалога, и в дейксисе пересказа.

Заключение

В русском языке дейктические локативные наречия представляют собой полифункциональные единицы, употребление которых часто вызывает трудности у иностранных учащихся, поэтому их детальное описание в лингводидактическом аспекте играет важную роль.

Наречие *там* имеет три ЛСВ: локативное, ситуативное, темпоральное. Обычно это наречие используется для выражения локативного значения. В дейксисе диалога *там* указывает на место, которое находится на значительном расстоянии от говорящего. В дейксисе пересказа оно теряет это значение, употребляясь как анафор. *Там* переходит в разряд частиц, выражая при этом разные смыслы (усиление отрицания, маркирование несущественной детали или забытой/неизвестной информации). В темпоральном значении данное наречие обычно используется в сочетании *а там*, выражающем значение 'впоследствии, потом'.

Наречия *туда*, *сюда*, *оттуда*, *отсюда*, *дотуда*, *досюда* имеют только локативный ЛСВ. Наречия *дотуда*, *досюда* употребляются значительно реже, чем *туда*, *сюда*, но при описании дистанции или траектории движения от одной точки до другой, а также с глаголами с приставкой *до-* (кроме глаголов движения) используются только единицы *дотуда*, *досюда*.

Полученные выводы позволяют дифференцировать семантику и функционирование дейктических локативных наречий и использовать полученные данные в практике преподавания русского языка как иностранного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
2. *Апресян, Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира (1986) // Семиотика и информатика. М.: Русские словари, 1997. С. 272–298.
3. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А.В. Величко. М.: Московский Университет, 2009. 648 с.
4. *Панков, Ф.И.* Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2009. 845 с.

5. *Апресян, В.Ю.* Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении (№ 1). М.: Языки славянских культур, 2014. С. 9–41.
6. *Падучева, Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки славянской культуры, 1996. Изд. 2-е, 2010. 480 с.
7. *Евгеньева, А.П.* Словарь русского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. 800 с.
8. *Зарифян М.С.* Семантическая симметрия и асимметрия русских дейктических наречий «тут» и «там» (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016» (Москва, 1–4 июня 2016). URL: http://www.dialog-21.ru/media/3459/zarifyanms.pdf (дата обращения: 19.05.2018).
9. *Рубинштейн М.Л.* Пути грамматикализации пространственных местоименных наречий: начало исследования (на материале русских тут/там в сравнении с английскими here/there) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции. Вып. 3 (10). М., 2004, С. 526–529. URL: http://www.dialog-21.ru/media/2561/rubinshtein.pdf (дата обращения: 05.07.2018).
10. *Шмелев А.Д.* Частица там как маркер «несущественной детали» // Язык как материя смысла. Сб. ст. к 90-летнему юбилею академика Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ Азбуковник, 2007. С. 208–218.
11. *Левонтина И.Б.* Частицы переспроса и припоминания // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна, М.: Языки славянских культур, 2011. С. 269–278.
12. *Панков Ф.И.* Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия (на материале категории адвербиальной темпоральности). М.: МАКС Пресс, 2008. 448 с.
13. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 28.07.2018).

REFERENCES

1. Apresyan V.Ju. Tut, zdes i sejchas. O vremennyh znachenijah prostranstvennyh dejkticheskih slov, *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2014, No. 1, pp. 9–41. (in Russian)
2. Apresyan Ju.D. “Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model mira (1986)”, in: *Semiotika i informatika*, Moscow: Russkije slovari, 1997, pp. 272–298. (in Russian)
3. Evgeneva A.P. *Slovar russkogo jazyka,* Vol. 4, Moscow, Russkij jazyk, 1984, 800 p. (in Russian)
4. Zarifjan M.S. “Semanticheskaja simmetrija i asimmetrija russkih dejkticheskih narechij «tut» i «tam» (korpusnoe issledovanie)”, in: *Proceeding of the International Conference “Dialog 2016”: Kompyuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii,* June 1–4, Moscow, available at: http://www.dialog-21.ru/media/3459/zarifyanms.pdf (accessed: 19.05.2018). (in Russian)
5. *Kniga o grammatike. Russkij jazyk kak inostrannyj*, ed. by A.V. Velichko, Moscow, Moskovskij Universitet, 2009, 648 p. (in Russian)
6. Levontina I.B. “Chasticy peresprosa i pripominanija”, in: *Slovo i jazyk. Sbornik statej k vos’midesjatiletiju akademika Ju. D. Apresjana*. Moscow, Jazyki slavjanskih kultur, 2011, pp. 269–278. (in Russian)
7. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar*, edited by V.N. Jartseva. Moscow: Bolshaja rossijskaja jenciklopedija, 2002, 709 p. (in Russian)
8. *Nacionalnyj korpus russkogo jazyka*, available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed: 28.07.2018). (in Russian)

9. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa)*, Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury, 1996. Edition 2, 2010, 480 p. (in Russian)
10. Pankov F.I *Opyt funkcionalno-kommunikativnogo analiza russkogo narechija (na materiale kategorii adverbialnoj temporalnosti),* Moscow, MAKS Press, 2008, 448 p. (in Russian)
11. Pankov F.I. Funkcionalno-kommunikativnaja grammatika russkogo narechija: *Ph.D. dissertation (Philology)*, Moscow, Moscow State University, 2009, 845 p. (in Russian)
12. Rubinshtejn M.L. "Puti grammatikalizacii prostranstvennyh mestoimennyh narechij: nachalo issledovanija (na materiale russkih tut/tam v sravnenii s anglijskimi here/there)", in: *Proceeding of the International Conference "Dialog 2004", Kompjuternaja lingvistika i intellektualnye tehnologii",* Moscow, 2004, pp. 526–529, available at: http://www.dialog-21.ru/media/2561/rubinshtein.pdf (accessed: 05.07.2018). (in Russian)
13. Shmelev A.D. "Chastica tam kak marker 'nesushhestvennoj detail'", in: *Jazyk kak materija smysla. Sb. st. k 90-letnemu jubileju akademika N.Ju. Shvedovoj*, Moscow, IC Azbukovnik, 2007, pp. 208–218. (in Russian)

Маркова Наталья Сергеевна, соискатель, кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, Филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, a_natalia@mail.ru

Markova N.S., Post-graduate Student, Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language Department, Philology Faculty, Lomonosov Moscow State University, a_natalia@mail.ru

УДК 398.8
ББК Ш2

DOI: 10.31862/2073-9613-2019-4-425-434

ЭТНИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.К. Жорж

Аннотация. *Изучение иностранного языка неотделимо от постижения культуры его носителей, а исследование культуры неизбежно коснется национальных черт этноса. Характер этноса обусловлен и одновременно является ориентирующим вектором в момент толкования и жизни народа, и его истории, и культуры. В статье рассматриваются в компаративном ракурсе французская и русская народные песни и испанский романс с аналогичной начальной ситуацией. Разные варианты развития / стагнации интриги предопределяются исключительностью национального мировоззрения. Локальное разнообразие динамических стереотипов определяется как спецификой исполнения фольклора, формируемой исторически в процессе изустной трансляции в условиях преемственности и вариантности, так и зачастую экстрамузыкальными факторами. Протяжные лирические размышления от первого лица (русский, испанский варианты) контрастны бодрому романическому сообщению от третьего лица (французский вариант). Определенное сближение испанского и русского вариантов (в отличие от французского) интерпретации рассматриваемой темы объясняется, исходя из и с помощью тезиса о близости русской и испанских душ, что, в свою очередь, обусловлено пограничной спецификой лингвокультурного пространства русскоязычной и испаноязычной цивилизационных моделей.*

Ключевые слова: *национальный характер, этнос, ментальность, народная песня, романс, цивилизационная компаративистика, пограничная цивилизация.*

ETHNIC MENTALITY IN THE CONTEXT OF A FOLKLORE CULTURE

T.K. George

Abstract. *The study of a foreign language is inseparable from the understanding of the culture of its speakers, and the study of culture will inevita-*

© Жорж Т.К., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

bly touch on the national features of ethnicity. The character of ethnos is due to and at the same time is the guiding vector at the moment of interpretation of the life of the people, the history and culture. The paper analyses in a comparative view the French and the Russian folk songs and the Spanish romance with a similar initial situation and different options of development/stagnation of intrigue, which is due to the exclusivity of national worldview and is a bright example of its implementation. The local diversity of dynamic stereotypes is determined both by the specifics of the performance of folklore, formed historically during the process of oral translation in conditions of continuity and variability, and often by extramusical factors. The long lyrical reflections from the first person (Russian, Spanish versions) contrast the cheerful novelist message from the third person (French version). A certain convergence between Spanish and Russian variants (opposed to the French one) of the interpretation of the topic under consideration is explained by the thesis on the proximity of Russian and Spanish souls, which, in turn, is due to the border specificity of the linguistic and cultural space of Russian-speaking and Spanish-speaking civilization models.

Keywords: *national character, ethnos, mentality, folk song, romance, comparative study of civilizations, boundary civilization.*

Изучение иностранного языка неразрывно связано с познанием культуры его носителей, а исследование культуры непременно касается национальных черт этноса. Национальный характер — это набор универсальных общечеловеческих черт, определяющих специфику сообщества людей, кристаллизующихся в диахронии и наблюдаемых в синхронии. Это традиционный ракурс восприятия окружающего мира, образ мыслей, установившиеся привычки, нормы поведения и действий, а также темперамент, личностные черты, ценностные ориентации и т.п., на которые влияют в течение многовековой истории, среди прочих факторов, среда обитания человека, условия материальной жизни, тип общественного устройства, сам образ жизни, историческое развитие, религия, специфика психофизиологии. То есть это особенности менталитета, определяющего поведенческие, ценностные, нормативные ориентации этноса, устойчивые эмоционально-поведенческие особенности народа, типические черты, которые присутствуют — в разной степени и в разных сочетаниях — у относительно значительного числа индивидов этноса: «Национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт », — отмечал Д.С. Лихачев [1, с. 64–65].

Характер этноса обусловлен и одновременно является ориентирующим вектором в момент понимания и толкования жизни народа, его исто-

рии и культуры. Народная песня, издревле ведущий жанр фольклорного музыкального творчества этноса, передавая из поколения в поколение эмоциональные переживания, отражает не только жизнь и быт, но и особенности национального характера, поэтому данный феномен — интересный объект лингвокультурологического анализа. Уже ранние аналитики теории народной песни (И. Гердер, Ф. Чайлд и др.) отмечали непосредственную ее связь с природой и изучали вопрос влияния на нее языка.

В статье рассматриваются в компаративном ракурсе три примера музыкально-поэтического фольклорного жанра — французская и русская народные песни, испанский романс. Нами выбраны в качестве примера данные произведения, так как в них изображены типичные француз / русский / испанец соответственно, их характерная реакция на заданную ситуацию (нахождение в тюрьме); кроме того, эти песни / романс популярны, хорошо известны в своих странах. При аналогичной изначальной совокупности условий и обстоятельств наблюдаются разные варианты развития интриги:

1) изменение и, как следствие, разрешение противоречий (французский вариант),

2) стагнация, неразрешимость противоречий (русский, испанский варианты), чему соответствуют интонация, тон и мелодическая формула музыкальных сообщений и что обусловлено особенностями национального менталитета и является ярким примером их воплощения.

В своем анализе мы опираемся на концепцию Космо-Психо-Логоса культуролога Георгия Гачева, реконструирующую национальные картины, представляющую нацию как уникальную целостную Вселенную в единстве, соответствии и дополняемости природы, психики и логики. Труду и культуре при этом отводится компенсаторная роль восполнения в ходе истории того, что не дано стране от природы [2]. Нами принимается во внимание факт акцентуации тюремной тематики в российской песенной культуре и опыт изучения этой традиции в отечественном литературоведении (В.В. Трубицына, А.С. Башарин, А.Н. Лозанова и др.).

Русская национальная интерпретация: русский узник

Песня волжских босяков «Солнце всходит и заходит» была записана М. Горьким и выведена им (в сокращенном варианте) в пьесе «На дне»:

«Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно,
Дни и ночи часовые
Да, эх,
Стерегут мое окно.

Как хотите, стерегите,
Я и так не убегу,
Мне и хочется на волю,
Да, эх,
Цепь порвать я не могу.

Ах, вы, цепи, мои цепи.
Вы железны сторожа,
Не порвать мне, не сносить вас,
Да, эх,
Не разбить вас никогда.

Чёрный ворон, дикий ворон,
Что кружишься надо мной,
Али крови захотел ты,
Да, эх,
Чёрный ворон, я не твой».

Лирические песни создавались всеми социальными группами, вклю-

чая крестьян, ремесленников, рабочих, люмпен-пролетариев и проч. Одна из причин невероятной популярности данной песни — узнаваемость выводимого в ней лирического героя. Это типичный русский, поющий или безмолвствующий, впитавший суровость климата, бесконечность просторов, беспредельность, всевластие «заедающей» среды, замедленность времени и исторических процессов: флегматичный, инертный, долготерпеливый, знающий не понаслышке «деспотический характер» [3, с. 5], жесткость государства в упорядочивании беспредельного, неприятии Случая и Свободы воли.

Многие писатели и философы (А.С. Пушкин, Н.Ф. Федоров, Л. Толстой, Ф.М. Достоевский, М. Горький, Н.А. Бердяев, Г.В. Плеханова, И.А. Ильин, Г.А. Струве, В.О. Ключевский и др.) задумывались о своеобразии русского национального характера, подчеркивая неприменимость «общего аршина» для понимания этого вопроса. На его формирование, отмечает большинство мыслителей, оказали влияние «несчастная и страдальческая» [там же] историческая судьба, природно-географические факторы (суровый климат, сменность сезонов, необъятность просторов) и религиозная формация (православная мировоззренческая база). К основным чертам русского характера исследователи традиционно причисляют:

- сострадание, чувство справедливости, «навык к терпению обид и смирению» [4, с. 53],
- аскетизм, потребность в вере и способность во имя нее «нести страдания и жертвы» [3, с .6],
- соответствующие пейзажу русской земли «безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта» души [там же], замедленность и «вязкость» мышления, т.е. инертность и пассивность и, с другой стороны,
- наличие активной составляющей: «сильного природного элемента», «стихийной силы», «ионисизма» [там же], взрывоопасности [5].

В рассматриваемой многоголосой широкораспевной протяжной лирической песне — с симметричными строфами, нисходящими интонациями, замедленным мелодическим движением, простой ритмикой и минимумом формульных напевов, сочетанием долгих звуков с попевками или целыми музыкальными фразами таким образом, что получается мелодическое продление, — акцент переносится со стиха на музыку. Она типична по производимому впечатлению (ощущение простора, внутренние рыдания), вспомним свидетельство Гоголя:

«Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце?» [6, с. 203].

или «заунывную песню» Тургенева:

«…пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хва-

тала прямо за его русские струны. <…> Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыданья внезапно поразили меня...» [7, с. 222].

Испанская национальная интерпретация: испанский узник

Испанский романс «Узник» (“el prisionero”) фигурирует в “Romancero” («Сборниках песен») 1511, 1550 годов, а также неизвестного года издания в редуцированном и расширенном вариантах [8, с. 16–17]:

В данной статье мы трактуем романс как «народные поэмы лирико-эпического характера, исполняемые самостоятельно или под аккомпанемент струнного инструмента» [9, с. 12]. Перед нами романс драматического типа, его внутренний конфликт с эмоциональной составляющей ярко выражен. Повествование ведется от первого лица, изначальная ситуация не изменяется и резкий конец остается открытым, конфликт — неразрешенным. В более позднем, расширенном (менее известном) варианте появляются детали: портрет героя выписан подробно, с долей натурализма («борода служит мне скатертью, ногти мои — как острые ножи»), ситуация получает развитие (заключенный мечтает, чтобы кто-то ему дал «говорящую птичку — жаворонка ли, дрозда или соловья», с которой он передал бы жене Леонор просьбу послать ему пирог «не с лососем и не с форелью, а с напильником и крюком») и неожиданное разрешение (король услышал его и разрешил покинуть тюрьму).

Рассматриваемый романс — классический анонимный, один из старейших, дошедших до нас. Стихотворная летопись, «отпочковавшийся» [10, с. 11] лиризованный фрагмент эпоса [11], однако, не привязан к конкретным историческим событиям, географии мест или героическому эпосу, причины нахождения в заключении не выявляются, соответ-

(el prisionero)
“ Que por mayo era, por mayo,
cuando los grandes calores,
cuando los enamorados
van servir á sus amores,
sino yo, triste mezquino,
que yago en estas prisiones,
que ni sé cuándo es de dia,
ni ménos cuándo es de noche
sino por una avecilla
que me cantaba al albor:
matómela un ballestero;
¡déle Dios mal galardon! ”

(пленник)
Был май, май,
когда очень жарко,
когда влюбленные
придаются любви,
лишь я, ничтожный, грущу,
ибо нахожусь в этой тюрьме
и не знаю, ни когда день наступает,
ни когда ночь,
я узнавал только если от пташки,
что мне пела на заре:
но ее погубил арбалетчик;
ниспошли ему, Бог, напасти![1]

[1] Здесь и в дальнейшем перевод наш – *Т.Ж.*

ственно, представляется возможным говорить о лирико-эпическом характере композиции.

Испанский романс появился значительно ранее по сравнению с русскоязычной и франкоязычной версиями рассматриваемой темы. Романс, эпическая форма фольклора, музыкальный жанр с особым воплощением певческих интонаций в русле эпического типа интонирования, является — с точки зрения музыкально-интонационного своеобразия — специфическим видом эпического мелоса. Соотношение напева, текста и мелодии в разных типах романсов различно, т.к. эта разновидность музыкального эпоса внутренне неоднородна, полижанрова, динамична (новые и старые традиционные пласты активно сопрягаются).

«Узник» — типичный с точки зрения метрики романс с приблизительной *непредсказуемой* рифмовкой, гласным ассонансом четных строк. Сравнительно архаичная интонационно-тембровая модель мелоса — короткая строфа, речитативный тип, декламационная основа и сосредоточенность внимания на тексте (при всем наличии множественности версий), допуск большей свободы интонирования и традиционная подвижность границ музыкального/немузыкального — воспринимается актуально и поэтому не только включается в программу испанской начальной школы (Educación Primaria), но также присутствует в репертуаре отдельных исполнителей (например, Paco Ibáñez), удовлетворяя музыкальные запросы современного слушателя. Романсный стих и сейчас распространен в испаноязычных странах по причине «гибкости, предопределенной максимальным соответствием условиям испанской речи», и способности «с полной естественностью и свободой выразить любую поэтическую тему» [10, с. 7].

Французская национальная интерпретация: французский узник

В песне «В тюрьмах Нанта» (“Dans les prisons de Nantes ”) ситуация нахождения в тюрьме фактически замещается повествованием о любви заключенного и дочери тюремщика, помогающей ему бежать.

Прототип героя — кардинал Рец, архиепископ Парижа, известный деятель Фронды, в 1654 году в возрасте 41 года бежавший из тюремного замка Нанта. Необходимо отметить, что Бретань к моменту возникновения песни уже полтора века являлась официальной провинцией Франции вследствие брака Карла VIII и Анны Бретонской в 1491 году, так что, будучи изначально образцом бретонского фольклора, она очень быстро распространяется (из низовий Луары) благодаря, прежде всего, матросам, морякам и ссыльным французских колоний и становится популярной и во Франции, и за ее пределами, о чем свидетельствует, в частности, наличие вариантов — названия, географических и прочих деталей (река превращается в море, заменяется город и др.). Поется она на французском, ее включают в свой репертуар (затушевывая зачастую в достаточной степени бретонский фольклорный оттенок) такие легенды французской музыки, как, например, Эдит Пиаф.

В песне реализуется тема свободы воли и самоопределения личности (традиционная, хотя равно тра-

“ Dans les prisons de Nantes	В тюрьмах Нанта
Il y avait un prisonnier	Находился узник,
Personne ne vient le voir	Никто его не навещает,
Que la fille du geôlier !	Кроме дочери тюремного смотрителя!
Un jour il lui demande :	Однажды он её спрашивает:
Qu’est-ce que l’on dit de moi?	Что говорят про меня?
On dit de vous en ville	В городе говорят,
Que vous serez pendu…	Что вас повесят…
Puisqu’il faut qu’on me pende	Поскольку меня должны повесить,
Déliez-moi les pieds.	Развяжите мне ноги.
La fille était jeunette	Девушка была молода,
Les pieds lui a déliés.	Она развязала ему ноги.
Le prisonnier alerte	Заключенный ловко
Dans la Loire s’est jeté	В Луару бросился,
Dès qu’il fût sur la rive	И уже на берегу
Il se mit à chanter.	Принялся петь.
Je chante pour les belles	Я пою для всех красавиц
Surtout celle du geôlier	И особенно для дочери тюремщика.
Si je reviens à Nantes	Если я возвращусь в Нант,
Oui je l’épouserai.	Уж точно я на ней женюсь.
Dans les prisons de Nantes	В тюрьмах Нанта
Il y avait un prisonnier. ”	Находился узник.

диционна и антагонистичная тема детерминизма и предопределения бога). Герой обнаруживает типичные черты характера среднестатистического француза: жизнерадостность (французский концепт *радости жизни — joie de vivre*), гедонизм и ощущение легкости бытия; узник по природе свободен и уважает чужую свободу, воспринимает ситуацию (и жизнь) легко, умеет забывать неприятности, шутить, веселиться, наслаждаться каждым приятным моментом: «Страсть к шутке, к веселости, к каламбуру составляет один из существенных и прекрасных элементов французского характера…», — отмечал А.И. Герцен [12, с. 37]. Вспомним иронию известного стихотворения Ф. Вийона в ситуации накануне повешения:

«Je suis François, cela me pèse
Né à Paris près de Pontoise
Et de la corde d’une toise
Mon cou saura c’que mon cul pèse».

Национальный характер и межкультурный диалог

Сходные эпические сюжеты в разные эпохи развития и в разном этническом контексте местных тра-

диций претворялись в различные музыкально-жанровые комплексы. Локальное разнообразие динамических стереотипов связано с исторически сложившейся спецификой исполнения фольклора, формируемой в процессе изустной трансляции в условиях преемственности и вариантности, при этом также нередко определяемой и экстрамузыкальными факторами.

Протяжные песни-страдания, лирико-философские эмоционально глубокие размышления от первого лица (русский, испанский варианты) — оппозиты бодрого сообщения повествовательного типа от третьего лица (французский вариант): во Франции явственнее выражена традиция социально ориентированной песни, певец подчеркивает фразы — каждая строка повторяется по два раза, мелодия украшается мелизмами, ритмическими фигурами.

Определенное сближение испанского и русского вариантов (в отличие от французского) интерпретации рассматриваемой темы может быть объяснено с привлечением — не в последнюю очередь — широко известного тезиса о близости русской и испанских душ, сходстве характеров, о чем писали Эмилия Пардо Басан, Унамуно, Хуан Рамон Хименес, Ортега-и-Гассет, Гарсиа Лорка и многие другие [13]. Яркое свидетельство этого сродства, по мнению профессора испанской и латиноамериканской литератур Шанцера [14], — равное пристрастие испаноязычного и русскоязычного читателей к извечным проблемам добра и зла, свободы, универсальным общечеловеческим ценностям. Причину этой общности характеров современные исследователи небезосновательно усматривают в «пограничном положении» русского и испанского народов:

Пограничная специфика, «двойной характер» [3, с. 6] лингвокультурного пространства русскоязычной и испаноязычной цивилизационных моделей —– активно изучаемая исследователями с философской, культурологической, филологической, исторической и проч. точек зрения (В.Б. Земсков, А.Ф. Кофман, Ю.Л. Оболенская, С. Семенов, Я.Г. Шемякин и др. — выражается в факте не только впитывания и отражения в культурной памяти этноса отличительных особенностей разных моделей цивилизации, но и в осуществлении многообразного взаимообогащающего посредничества между ними.

Заключение

Лирическая тема, неограниченная местом и временем, реализуется

"¿Qué es el alma rusa? Yo sé lo que es la ensaladilla rusa, la ruleta rusa y la montaña rusa — que, por cierto, en Rusia no se llaman así-, pero ¿el alma?". Ricardo San Vicente lo dice porque en el menú hay filetes rusos, pero ya puestos: ¿qué es lo más parecido a esa alma? "Pues tal vez la española: ser un país de frontera y preguntarse todo el día por el alma" [15].

«Что такое русская душа? Я знаю, что такое русский салат, русская рулетка и русские горки — кстати, в России они называются по-другому, но душа?» Рикардо Сан Висенте так говорит, потому что в меню есть русское филе, но, возвращаясь к вопросу, что более всего на русскую душу похоже? «Быть может, испанская душа? Живешь на границе частей света и всечасно задаешься вопросом о душе».

в различных музыкальных формах. Общая изначальная ситуация трех рассматриваемых фольклорных произведений позволяет продемонстрировать реципиенту (студенту, в нашем случае) неповторимость традиций каждой культуры, что чрезвычайно важно в процессе изучения иностранного языка, неотделимого от познания культуры его носителей.

Типологическая однонаправленность русской и испанской интерпретаций единой темы может быть объяснена сродством испанского и русского национальных характеров, что в свою очередь обусловлено пограничной спецификой лингвокультурного пространства русскоязычной и испаноязычной цивилизационных моделей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕАТУРЫ

1. *Лихачев, Д.С.* Заметки о русском. М.: Сов. Россия, 1981. 71 с.
2. *Гачев, Г.* Национальные образы мира: Космо – Психо – Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.
3. *Бердяев, Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Юрайт, 2019. 178 с.
4. *Холмогоров, Е.С.* Русская цивилизация. Категории понимания // Тетради по консерватизму, № 3, 2016. С. 39–63.
5. *Касьянова, К.* О русском национальном характере. Академический Проект, Деловая книга, 2003. 560 с.
6. *Гоголь, Н.В.* Мертвые души. Рипол Классик, 1968. 372 с.
7. *Тургенев, И.С.* Певцы // Записки охотника. Собр. соч. и писем: в 30-ти томах. Т. 3. М.: Наука, 1979. С. 208–225.
8. *Wolf, F. J., Hofmann, K.* Primavera y flor de romances: Colección de los más viejos y más populares romances castellanos. Vol. II. Berlín: A. Asher y comp., 1856. 432 p.
9. *Кельин, Ф.В.* Романс // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1937. С. 12–15.
10. *Томашевский, Н.* Героические сказания Испании и Франции // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро / Библиотека всемирной литературы. Серия I. Т. 10. М.: Художественная литература, 1976. С. 5–25.
11. *Menéndez Pidal, R.* El romancero español: Conferencias Dadas En La Columbia University de New York Los Días 5 Y 7 de Abril de 1909. Forgotten Books, 2018, 138 p.
12. *Герцен, А.И.* Письма из Франции и Италии. Письмо второе // Собр. соч.: В 30 томах. М.: Изд. Академии наук СССР, 1955. Т. 5. С. 27–41.
13. *Алексеев, М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1964. 213 с.
14. *Schanzer, G.O.* Russian literature in the Hispanic world: a bibliography. La literatura rusa en el mundo hispánico: bibliografía. Toronto: University of Toronto Press, 1972. 312 p.
15. *Rodríguez Marcos, J.* Entrevista: Almuerzo con ... Ricardo San Vicente “La hora de un traductor vale como la de la limpieza” // El País 11 May 2011. URL: http://elpais.com/diario/2011/05/11/ultima/1305064802_850215.html (дата обращения: 07.09.2019).

REFERENCES

1. Alekseev M.P. *Ocherki istorii ispano-russkih literaturnyh otnoshenij XVI–XIX vv*. Leningrad, Izd. Leningradskogo universiteta, 1964, 213 p. (in Russian)
2. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Moscow, Yurajt, 2019, 178 p. (in Russian)
3. Gachev G. *Nacionalnye obrazy mira: Kosmo – Psiho – Logos*. Moscow, Progress-Kultura, 1995, 480 p. (in Russian)
4. Gercen A.I. "Pisma iz Francii i Italii. Pismo vtoroe", in: *Sobranie sochinenij: V 30 tomah*. Moscow, Izd. Akademii nauk SSSR, 1955, T. 5, pp. 27–41. (in Russian)
5. Gogol N.V. *Mertvye dushi*. Ripol Klassik, 1968, 372 p. (in Russian)
6. Holmogorov E.S. Russkaya civilizaciya. Kategorii ponimaniya, *Tetradi po konservatizmu*, 2016, No. 3, pp. 39–63. (in Russian)
7. Kasyanova K. *O russkom nacionalnom haraktere*. Akademicheskij Proekt, Delovaya kniga, 2003. 560 p. (in Russian)
8. Kelin, F.V. "Romans", in: *Literaturnaya enciklopediya*: Vol. 11, t. T. 10. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1937, pp. 12–15. (in Russian)
9. Lihachev D.S. *Zametki o russkom*. Moscow, Sov. Rossiya, 1981, 71 p. (in Russian)
10. Menéndez Pidal R. *El romancero español: Conferencias Dadas En La Columbia University de New York Los Días 5 Y 7 de Abril de 1909*. Forgotten Books, 2018, 138 p.
11. Rodríguez Marcos J. Entrevista: Almuerzo con ... Ricardo San Vicente "La hora de un traductor vale como la de la limpieza", *El País,* 11 May 2011, available at: http://elpais.com/diario/2011/05/11/ultima/1305064802_850215.html (accessed: 07.09.2019).
12. Schanzer G.O. *Russian literature in the Hispanic world: a bibliography.* La literatura rusa en el mundo hispánico: bibliografía. Toronto: University of Toronto Press, 1972, 312 p.
13. Tomashevskij N. "Geroicheskie skazaniya Ispanii i Francii", in: *Pesn o Rolande. Koronovanie Lyudovika. Nimskaya telega. Pesn o Side. Romansero*. Biblioteka vsemirnoj literatury, Seriya I, T. 10. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1976, pp. 5–25. (in Russian)
14. Turgenev I.S. "Pevcy", in: *Zapiski ohotnika sobranie sochinenij i pisem v tridcati tomah*, T. 3. Moscow,: Nauka, 1979, pp. 208–225. (in Russian)
15. Wolf F.J., Hofmann K. *Primavera y flor de romances: Colección de los más viejos y más populares romances castellano*s, Vol. II. Berlín, A. Asher y comp., 1856, 432 p.

Жорж Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет, tk.zhorzh@mpgu.edu

George T.K., ScD in Philology, Professor, Theory and Practice of Translation and Communication Department, Moscow Pedagogical State University, tk.zhorzh@mpgu.edu